

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Барнаулский юридический институт МВД России

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ: ИСТОРИЯ, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Сборник материалов Всероссийской научной конференции,
посвященной 220-летию образования Министерства внутренних дел
и 105-летию образования советской милиции*

Барнаул 2023

УДК 351.74
ББК 67я431
О 646

Редакционная коллегия:
Бутенко Анна Константиновна (ответственный секретарь),
Ипполитов Павел Леонидович,
Моисеев Сергей Владимирович,
Суверов Евгений Васильевич (заместитель председателя),
Тяпкин Михаил Олегович (председатель),
Фризен Петр Дмитриевич.

О 646 Органы внутренних дел России: история, преемственность, перспективы развития : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 220-летию образования Министерства внутренних дел и 105-летию образования советской милиции / под ред. М. О. Тяпкина. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2023. – 98 с.
ISBN 978-5-94552-537-5

Научное электронное издание

В сборник включены материалы участников Всероссийской научной конференции «Органы внутренних дел России: история, преемственность, перспективы развития», посвященной 220-летию образования Министерства внутренних дел и 105-летию образования советской милиции, состоявшейся в Барнаульском юридическом институте МВД России 28 октября 2022 г.

ББК 67я431
УДК 351.74

Текстовое (символьное) электронное издание.
Объем 7 859 220 байт.
Дата подписания к использованию: 31.05.2023.

Системные требования:
Intel Celeron 2 ГГц; ОЗУ 512 Мб; Windows XP/Vista/7/8.
SVGA монитор с разрешением 1024 x 768.

Адрес: 656038, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.

ISBN 978-5-94552-537-5

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2023

Научное издание

**Органы внутренних дел России: история, преемственность,
перспективы развития**

*Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной
220-летию образования Министерства внутренних дел и 105-летию
образования советской милиции*

Редактура,
компьютерная верстка

О.Н. Татарниковой

Дизайн обложки

О.А. Розум

Комплектация издания: 1 электрон. опт. диск (DVD)

Тираж: 10 дисков

Барнаульский юридический институт МВД России.
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49, бюи.мвд.рф.

Содержание

Вступительное слово.....	6
Секция «История правоохранительной системы России в XVIII в. – начале XX в.»	
<i>Москаленко С.Г.</i> Специфика формирования и функционирования полиции Российской империи в 1718-1862 гг.	8
<i>Гаджиагаев А.Г., Жуланов А.В.</i> Основные тенденции в развитии российской полиции в XVIII веке.....	11
<i>Кирпа М.С.</i> Особенности деятельности Министерства полиции (1810-1819 гг.).....	14
<i>Анисимов А.Л.</i> Правовое обеспечение деятельности полиции по отношению к иностранцам, незаконно оказавшимся на территории Дальнего Востока России в середине XIX века.....	17
<i>Головинов А.В.</i> Анализ правовой базы уголовно-исполнительной системы Российской империи в политико-правовом наследии Н.М. Ядринцева	21
<i>Дегальцева Е.А.</i> Из дореволюционной истории бийской городской полиции.....	24
<i>Румянцев П.П.</i> Организация негласного полицейского надзора в Сибирском жандармском округе	28
<i>Кожевникова А.М.</i> Милиция Временного правительства: к историографии вопроса .	31
<i>Моисеев С.В.</i> Дело «комиссара» Василия Артамонова (по материалам архивного отдела администрации г. Бийска)	35
Секция «Формирование и деятельность советской милиции. Трансформации отечественной правоохранительной системы в новейшее время»	
<i>Климова О.М.</i> Особенности создания и развития советской милиции после октябрьской революции.....	40
<i>Иванов Н.В., Александрова Н.В.</i> Институционализация органов милиции СССР в начале XX в.....	43
<i>Кокоев Х.М., Самарский А.Н.</i> Основные направления деятельности советской милиции в XX в.....	47
<i>Грошев В.К.</i> Образование железнодорожной милиции УССР в период становления советской власти на Украине	51
<i>Кузнецов Д.Е., Недров В.В.</i> Организация милиции Сибири по военному образцу в 1919-1921 годах: причины и результаты.....	55
<i>Синиченко В.В., Суверов Е.В.</i> Управление рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР по городу Москве накануне Великой Отечественной войны	60
<i>Вафин М.О.</i> Деятельность подразделений БХСС по борьбе с преступлениями, подрывающими экономическую основу СССР на Дальнем Востоке (1937-1941 гг.)	64
<i>Дорохов В.Ж.</i> Характер и особенности работы НКВД-МВД СССР с архивными материалами в первый послевоенный 1946 год (на примере архивного отдела УМВД по Хабаровскому краю)	68

<i>Антропов В.М., Брагина А.Г.</i> Посягательства на жизнь сотрудников и работников вневедомственной охраны Алтайского края в середине XX – начале XXI века: ретроспективный обзор	72
<i>Степанищев А.Г.</i> Организация деятельности по контролю за оборотом оружия в Горном Алтае	76
<i>Мануйлов Е.В.</i> Расследование уголовных дел сотрудниками прокуратуры в Горно-Алтайской автономной области Алтайского края (50-60-е годы XX в.)	80
<i>Красилов М.О.</i> Борьба со злостными нарушителями режима заключения в местах лишения свободы Западной Сибири (1953-1964 гг.).....	82
<i>Соловьев С.Г.</i> К вопросу о профессионализации кадров УБОП (конец XX в. – начало XXI в.).....	85
<i>Виноградов А.М.</i> Органы внутренних дел на рубеже эпох: внедрение новых организационных форм	89
<i>Тарасова Л.Я.</i> Методы обеспечения информационной безопасности в органах внутренних дел на современном этапе и их совершенствование	92
<i>Ильин И.С.</i> Практика силового подавления массовой акции как мера предупреждения демонстративно-протестной преступности	94

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые коллеги!

Перед вами сборник материалов Всероссийской научной конференции «Органы внутренних дел России: история, преемственность, перспективы развития», состоявшейся в Барнаульском юридическом институте МВД России 28 октября 2022 г. Конференция была приурочена и посвящена 220-летию образования Министерства внутренних дел и 105-летию образования советской милиции.

Организатором конференции выступила кафедра теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России.

Изучение накопленного опыта функционирования отечественной правоохранительной системы на разных исторических этапах в различных политических и социально-экономических условиях является не только перспективным и важным с научной точки зрения, но и практически значимым.

В конференции приняли участие более тридцати исследователей из разных регионов России, занимающихся изучением истории отечественной правоохранительной системы. География конференции была весьма обширной: Барнаул, Бийск, Владивосток, Горно-Алтайск, Донецк, Иркутск, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Ставрополь, Томск, Хабаровск, Чебоксары.

Сборник включает тезисы участников конференции, проходившей по двум секциям: «История правоохранительной системы России в XVIII в. – начале XX в.» и «Формирование и деятельность советской милиции. Трансформации отечественной правоохранительной системы в новейшее время».

**Секция
«История правоохранительной
системы России
в XVIII в. – начале XX в.»**

*Москаленко Сергей Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент
Ростовский юридический институт МВД России (г. Ростов-на-Дону)
✉ moscalenko1963@mail.ru*

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1718-1862 ГГ.

История профессиональной полиции в Российской империи, выполнявшей общегосударственные задачи с соответствующей правовой регламентацией, начинается с провозглашения императором Петром I задачи формирования регулярной полиции в Указе от 25 мая 1718 г. «Пункты, данные Санкт-Петербургскому Генерал-полицмейстеру» и «Регламенте или Уставе Главного магистрата» от 16 января 1721 г. [1, с. 82-88; 5, с. 21].

Обеспечение полицейской функции государства на регулярной основе являлось в то время смелой инновационной задачей, не реализованной еще нигде в мире. Полиция воспринималась тогда в Западной Европе как сумма всех отраслей и видов управления городом-полисом, которую каждый полис создает по собственным представлениям для локального обеспечения общественного порядка и борьбы с криминалом. Общегосударственная полиция в ведущих государствах Европы была образована только в XIX в., с отставанием от Российской империи почти на 40 лет. В Российской империи документально верифицируемая деятельность регулярной полиции во всех губернских и уездных городах империи в точном понимании начинается с 1782 г., после принятия «Устава благочиния или полицейского» императрицы Екатерины II. Европейские государства экспериментировали, искали формы организации деятельности полиции в общегосударственном пространстве, не ограниченном стенами отдельных городов, но из всех попыток удачной оказалась только реализация плана испанских королей Фердинанда и Изабеллы по созданию межполисной полиции для патрулирования дорог страны в конце XV в., так называемая «Святая Эрмандада».

Это были профессиональные отряды кавалеристов, своеобразные части быстрого реагирования на случаи разбоя на больших дорогах королевства, наделенные широкими правами по нейтрализации разбойников. Деятельность этой первой в Европе профессиональной общегосударственной полиции дала позитивные плоды, расцвет внутренней торговли между городами Испании, но по не совсем ясным причинам этот опыт не был использован для создания других видов общегосударственной полиции в самой Испании и в других государствах западной Европы.

Первой страной, реализовавшей задачу создания регулярной общегосударственной полиции, стала Российская империя. Триггером, толчком к этому послужила гражданская война с отрядами Е.И. Пугачева. В 1718-1775 гг. в империи общественный порядок поддерживался населением страны по принципу самообеспечения, иррегулярным способом через выборы десятских и сотских. Жалование из бюджета государства получали только генерал-полицмейстер в Санкт-Петербурге, полицмейстеры нескольких крупных по тем временам городов (после нововведений императрицы Анны Иоанновны).

Специального полицейского аппарата еще не существовало, полицейские функции в городах несли гарнизонные военные, эпизодически командированные для службы в полицей-

ских учреждениях и получавшие жалование из бюджета Военной коллегии, а также выборные от городских обывателей десятские и сотские, трудившиеся безвозмездно. В сельской местности ситуация была почти полностью аналогичной, с той лишь разницей, что компетенция полицмейстеров на земские территории не распространялась, здесь доминировали полностью выборные от крестьянских общин десятские и сотские. Организующую роль в области полицейских задач осуществляли армейские полки, размещенные императором Петром I в провинции для содержания после Северной войны.

В период первой русско-турецкой войны вся армия государства оказалась на театре военных действий, а внутри страны, особенно в отдаленных от столицы районах, при отсутствии штатной полиции и еще очень слабом с точки зрения профессионализма городском и сельском гражданском управлении со всей очевидностью ощущался вакуум власти. Отрады повстанцев легко уничтожили редких представителей формировавшегося еще регулярного государственного управления и превратили значительную часть территорий империи в неуправляемые пространства.

Императрица Екатерина Великая после разгрома Пугачева в 1775 г. (Учреждение для управления губерний Всероссийской Империи. 7 ноября 1775 г.) спешно вводит адекватное административно-территориальное деление страны на губернии и уезды с обязательным набором штатных должностей по гражданско-административной, военной и полицейской части. Полиция в городах стала регулярной, оплачиваемой из бюджета, «подключенной» для этого к Табели о рангах, она имела униформу [1, с. 114-115; 4, с. 36-37].

Примерно в пятистах уездных городах штатному начальнику полиции – городничему – подчинялся профессиональный аппарат из частных приставов и квартальных надзирателей. Городничему запрещалось покидать вверенный его попечению город под любым предлогом даже на день (опыт пугачевщины, когда только еще формируемый аппарат нередко просто разбегался при угрозе захвата городов повстанцами).

Городничий подчинялся непосредственно губернатору вместе с полицмейстером губернского города и обязательно утверждался Сенатом в должности по представлению главы губернии. Города в империи составляли тогда примерно 1% населения, 99% было сосредоточено на сельских территориях. Здесь создание регулярной штатной полиции задержалось почти на 80 лет, государство не имело средств для этого. Проблема была все-таки решена прагматически и самым дешевым для казны способом. Решено было оставить дуалистическую модель организации полиции – регулярную в городах и иррегулярную в сельской местности.

Сельская полиция под названием «нижний земский суд» осталась полностью иррегулярной, выборной от сословий. Дворянские собрания избирали начальника нижнего земского суда, общины государственных крестьян избирали аппарат исправника из десятских и сотских. Жалование капитан-исправник мог начать получать только в случае повторного избрания на эту должность через три года. Выборные от крестьян никакого денежного содержания не получали. Крепостные крестьяне находились под контролем помещиков (своего рода аналогом полицейского контроля), юрисдикция капитан-исправников на поместья не распространялась. Такая система сочетания хорошо регуляризированной полиции в городах с иррегулярной полицией в сельской местности уездов просуществовала до 25 декабря 1862 г., до принятия «Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых». С момента провозглашения Петром Великим

С момента провозглашения Петром Великим создания регулярной полиции до ее реального формирования в общегосударственных масштабах как унифицированной, профессиональной, униформенной общегосударственной службы прошло 146 лет.

создания регулярной полиции до ее реального формирования в общегосударственных масштабах как унифицированной, профессиональной, униформенной общегосударственной службы прошло 146 лет.

Литература

1. Борисов А., Малыгин А., Мулукаев Р. Три века Российской полиции. М., 2016.
2. История органов внутренних дел: учебник. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2018.
3. Москаленко С.Г. Генезис кадровой полиции в Российской империи (1718-1782 гг.): учебное пособие. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2018.
4. Москаленко С.Г. История органов внутренних дел: учебное пособие в вопросах и ответах. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2019.
5. Москаленко С.Г. История полиции в Российской империи: учебное пособие. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2020.

Гаджиагаев Арафа Гаджиханович

Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)

Жуланов Александр Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент

Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)

✉ sandrik111@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ В XVIII ВЕКЕ

В XVIII в. во время Северной войны участились случаи правонарушений, посягающих на общественный порядок и государственный строй внутри Российской империи. Перед Петром I в тот момент стояла очень важная задача, которая требовала решения. Царю необходимо было создать такой орган власти, который смог бы бороться с внутренним беспорядком, ввиду чего Петр I и сформировал полицейскую канцелярию в 1715 г. [5].

Слово «полиция» было заимствовано у западных коллег, где такое правоохранительное ведомство давно уже существовало и совершенствовалось.

На первых этапах становления полиции структура представляла собой беспорядочную систему, требующую участия официальных лиц, которые осуществляли бы руководство над ней и совершенствовали ее. Соответственно, через 3 года была введена должность генерал-полицмейстера, являющаяся высочайшей ступенью в данном правоохранительном органе. Однако наличие только лишь одного генерального полицмейстера не дало нужного положительного результата. Поэтому царь «посадил» их и в губерниях, и в столицах страны. Но остался нерешенным вопрос об учреждении полиции на местном уровне.

На полицию был возложен ряд полномочий, закрепленных в Уставе главного магистрата (1721 г.), начиная с контроля за аспектами быта народов царской России и кончая осуществлением правоохранительной деятельности и надзора за сослуживцами. Расширение круга возложенных обязанностей и прав на орган власти привело к необходимости кадрового набора в полицмейстерские ряды. Изначально набирались лица, имеющие боевой опыт, хороший багаж знаний, а также те граждане, которые по состоянию здоровья не могли защищать Родину от внешних врагов. Однако в дальнейшем такая тенденция перестала воплощаться в реальность: стали выбирать лиц из числа обычных жителей, не имеющих должной подготовки, и слабо обученных выпускников кадетских училищ. Такие категории граждан не проявляли интереса и серьезности к службе в правоохранительных органах, ставя ее ниже гражданской деятельности и военного дела [1].

После смерти Петра Великого в 1730-х гг. был проведен ряд реформ в период правления Анны Иоанновны, одна из которых – введение Тайной канцелярии, которая осуществляла надзор за исполнением законодательных требований сотрудниками органов власти и назначала «шпионов» для прослушивания разговоров на разного рода официальных мероприятиях. Также важным нововведением являлось формирование городских полицмейстерских канцелярий (23 города), что привело к эффективному разрешению возможных конфликтов в небольшой местности, всеохватывающему контролю на назначенной территории, задер-

жанию особо опасных преступников. И всё это благодаря сотрудничеству с полицмейстерами другого района или города. Однако эти нововведения были лишь незначительными и внесли небольшой вклад в развитие императорской полиции.

Наиболее продуктивным считался период 60-80 гг. XVIII в., во время царствования Екатерины II. Для полиции он также был очень удачным, т.к. в 1775 г. была проведена губернская реформа, которая увеличила количество губерний и уездов на территории Российской империи. В ходе данных преобразований был введен нормативный акт «Учреждение для управления губерний», который определял компетенцию, структуру и организацию деятельности полицейских ведомств. Рост числа губерний (насчитывалось более 50) позволил местному правоохранительному аппарату осуществлять более тщательный надзор за деятельностью граждан, выявлять и пресекать попытки совершения правонарушений. Также в полномочия губернского полицмейстера стали входить контроль за уплатой налогов, борьба с нищетой и посягательством на общественный порядок, а также воспрепятствование осуществлению

XVIII век принято считать периодом зарождения и становления российской полиции. С 1715 по 1799 г. полиция добилась большого успеха в укреплении стабильности и правопорядка на территории Российской империи, приобрела большую значимость и выросла в глазах граждан.

постройки кабаков на главных улицах и продаже спиртных напитков около общественных и религиозных учреждений, «фильтрация» газетных изданий.

За совершенствованием губернской полиции последовало и внедрение изменений в городские правоохранительные органы. Во-первых, был введен Устав благочиния, который наделил управные органы власти превентивными методами пресечения попыток совершения преступлений в установленном городском секторе. Во-вторых, расширился набор прав сотрудника полиции, т.к. с введением данного законодательства стало дозволенным наложение штрафа на нарушителей народного спокойствия, использование в отношении них телесных наказаний. В-третьих, каждая городская полиция состояла из городничего и двух приставов, а также из добровольных формирований [5, 4].

Именно в период царствования Екатерины II полиция стала более систематизированным органом, имеющим упорядоченную структуру и более связанную сферу влияния и надзора на всех участках городской и губернской местности Российской империи.

Однако в 1796 г. императрица скончалась. Ее место занял сын, Павел I, который старался, наоборот, сделать полицейское ведомство военизированным. К примеру, в северной и центральной столицах Российской империи была введена должность военного генерал-губернатора, который осуществлял тщательный контроль за соблюдением нормативно-правовой базы. В городских управах сохранялись городничие, появились сотрудники из военной комендатуры, которые имели в своем подчинении небольшое штатное подразделение [2].

Одним из явных минусов «переделывания» полицейского ведомства в военные группы было отсутствие должного пакета знаний и навыков. Вторым же недостатком данных преобразований являлись постоянные перемены дислокации части и гарнизона, ввиду чего на «пустых» местах назначались городничие, которые упразднялись при возвращении военно-полицейского командования в постоянные места дислокации.

Для того чтобы внести коррективы и ясность в эту ситуацию, Павлом I было принято решение об официальном закреплении должности полицмейстера, о постепенном отделении от армии и подчинении военному коменданту (если он имелся в губерниях) и городничему (в уездах). Как правило, закреплялись они не по одному на определенный участок, уезд или губернию, а в составе группы (туда входили его помощники и приставы). Уже в 1799-1800 гг. император добился намеченных целей путем расширения полицейских штатов из

числа гражданских представителей, а также через закрепления обособленных полномочий, которые были в основном присущи только правоохранительному ведомству (в начале XIX в. оно будет официально признано как «часть гражданская») [3].

Таким образом, XVIII век принято считать периодом зарождения и становления российской полиции. С 1715 по 1799 г. полиция добилась большого успеха в укреплении стабильности и правопорядка на территории Российской империи, приобрела большую значимость и выросла в глазах граждан. К ней стали проявлять более серьезное отношение, т.к. именно полиция стояла на страже безопасности и покоя жителей страны во время крупномасштабных военных походов и массовых беспорядков внутри державы.

Литература

1. Васильев А.В. Роль полиции в борьбе с преступностью и обеспечении безопасности в Российской империи // Право и государство: теория и практика. 2008. № 3 (39). С. 121-122.
2. Гурлев И.В. Полиция Российской империи при Павле I (1796-1801) // Власть. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politsiya-rossiyskoy-imperii-pri-pavle-i-1796-1801> (дата обращения: 16.11.2022).
3. Карнаушенко Л.В. Использование армейских чинов при комплектовании кадров полиции в XVIII веке // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2006. № 13 (68). С. 99-100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-armeyskih-chinov-pri-komplektovanii-kadrov-politsii-v-xviii-veke> (дата обращения: 16.11.2022).
4. Кудин В.А., Панфилец А.В. Ретроспектива становления и развития полиции в российском государстве (к 300-летию российской полиции) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1 (69). С. 12-17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektiva-stanovleniya-i-razvitiya-politsii-v-rossiyskom-gosudarstve-k-300-letiyu-rossiyskoy-politsii> (дата обращения: 16.11.2022).
5. Сизиков М.И. История полиции России (1718-1917 гг.): становление и развитие общей регулярной полиции в России XVIII века. М., 1992.

Кирпа Мария Сергеевна, кандидат юридических наук
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России (г.Ставрополь)
✉ *maria_police@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТЕРСТВА ПОЛИЦИИ (1810-1819 ГГ.)

В начале XIX в. в связи с образованием в 1802 г. Министерства внутренних дел полиция перешла в его полное подчинение. Даже на период образования самостоятельного ведомства Министерства полиции на основании Манифеста от 25 июня 1811 г. [3, с. 686] полицейские органы на местах подчинялись местной администрации, которая, в свою очередь, была подконтрольна Министерству внутренних дел.

Рассмотрим деятельность полиции в период своего, казалось бы, самостоятельного существования: что препятствовало его развитию, какую роль оно сыграло в развитии правоохранительной системы и была ли такая необходимость отделения от Министерства внутренних дел.

Как было отмечено выше, правовой основой создания самостоятельного ведомства – Министерства полиции – был Манифест Александра I от 25 июня 1811 г. [3, с. 686]. Вместе с ним нормативной основой его организации и деятельности стало «Учреждение и наказ министру полиции» [4]. В обоих документах предусматривались особые части, которые законодательно позволяли министру полиции требовать в свое распоряжение войска, минуя военного министра и давать непосредственные распоряжения командирам полков. Также содержание отдельного параграфа «Общего учреждения министерств» освобождало министра от ответственности за превышение власти, если он действовал «в видах общей безопасности» [3, с. 728].

Возглавил новое министерство генерал-адъютант императора А.Д. Балашов, а после создания Статистического отделения передал управление графу С.К. Вязьмитинову, который до 1819 г. исполнял обязанности министра.

Министерство полиции унаследовало от Министерства внутренних дел именно те части управления, которые находились не в самом выгодном положении – это продовольственное дело, губернские учреждения, городское и земское хозяйство, врачебная часть, общественное призрение и содействие военному ведомству. Осложнялась ситуация особенностями периода – Отечественной войной 1812 г., которая вызвала проблемы во всех указанных направлениях.

Министерство полиции шло по стопам развития Министерства внутренних дел, в первую очередь обращая внимание на реформирование и усиление штата городской полиции. Основные проблемы, связанные со скудностью городских доходов, а также с увеличением круга обязанностей, препятствовали осуществлению поставленных перед министерством задач. Император повелевал министру определить, в каком штатном составе полиция могла бы выполнять свои обязанности более эффективно, призывал усилить городские доходы, однако расстройство городского хозяйства не позволило выполнять его волю. Приходилось временно сокращать штат полиции и принимать содержание над ней на счет Государственного казначейства.

Земская полиция привлекала меньше внимания, хотя также нуждалась в преобразованиях, особенно после Отечественной войны 1812 г., т.к. ее обязанности усложнились. Военское командование позволило восстановить порядок и спокойствие.

Принимались также меры по усилению губернского правления и деятельности самих губернаторов в форме штатных преобразований. Так, с 1809 г. происходит расширение губернаторских канцелярий, а с 1818 г. вводится должность чиновника особых поручений при губернаторе. Губернское управление как совещательный орган постепенно теряло свое значение – по сути, управление осуществлялось одним лицом.

В связи с этим были приняты частные меры, которые получили законодательное закрепление в Высочайшем указе от 30 октября 1816 г.: «1) что директоры Министерских департаментов присвоили себе право требовать объяснений от Гражданских губернаторов и делать замечания; 2) что местное губернское начальство нередко долгое время не получает разрешения на представления свои» [1, с. 41]. На основании этого все замечания и выговоры по поводу их деятельности должны исходить официально от имени и за подписью министра с информированием об этом Комитета Министров. «Гражданским же губернаторам приказал Я, чтобы каждые три месяца доносили они Мне в собственные руки о предметах, на кои не получено разрешения» [1, с. 44]. Данные меры должны были изменить областное управление, однако в большей степени остались в виде проекта.

Ближайшее отношение к губернскому управлению имел тюремный вопрос, на развитие которого повлияли видные англичане, посетившие тюрьмы в Москве, Санкт-Петербурге, Новгороде. После обзора их состояния сложилась мрачная картина, которая способствовала разработке проекта создания Попечительного о тюрьмах общества в 1819 г.

В развитие продовольственного дела были совершены следующие мероприятия: по решению министра полиции отменялся сбор хлеба, сельские запасные магазины упразднялись, взамен предлагалось образовать продовольственный капитал путем сбора по 25 коп. с ревизионной души. Данные полномочия возлагались на Особый комитет, который создавался при губернских правлениях. Комитет Министров предложил согласовать вопрос о продовольственном деле с губернскими властями, в ответ Министерство полиции разослало соответствующие предписания, и до 1822 г. продолжались совещания по данному вопросу.

Медицинская часть, которая также была в подчинении Министерства полиции, была направлена на борьбу с такими болезнями, как чума, оспа. Основные силы были сосредоточены на границах Российской империи для препятствования ее распространению в виде принятия карантинных мер – выстраивания цепей вдоль границ, а также организации досмотра заграничных судов. Для борьбы с оспой создавались специальные оспенные комитеты, предписывалось в духовных и народных училищах учить прививать, назначались награды для лиц, оказывавших содействие правительству в этом направлении, в оспенные комитеты направлялись лица, обладающие навыками прививания. Все указанные меры, предпринимаемые сотрудниками полиции, приносили преимущественно положительный результат.

Приказы общественного призрения складывались вполне благополучно. За период существования Министерства полиции собственные капиталы приказов возросли до 15 миллионов рублей [1, с. 44].

Деятельность Министерства полиции по основным ее направлениям тормозилась особенностями военного времени, когда оно оказывало содействие в осуществлении рекрут-

Идея образования самостоятельного ведомства – Департамента внутренних дел – принадлежала еще влиятельному дипломату Н.И. Панину, однако не была поддержана главами империи предшествующего периода, но легла в основу при подготовке реформ государственного управления уже при Александре I.

ских наборов. Существовала проблема в недостатке людей для комплектации армии, поэтому приходилось снижать требования, касаемые возраста, – уже с 12 лет привлекали молодых людей крепкого телосложения; производился сбор стрелков, казачьих формирований, народных ополчений. Вместе с введением таких мер увеличилось количество жалоб со стороны населения, злоупотребление при приеме рекрутов, и все это ложилось на плечи полиции, которая в это время должна была заботиться о медицинском и продовольственном обеспечении для армии. Также возникала проблема с военнопленными – не хватало средств для их поддержания, поэтому было принято решение о привлечении их для пополнения армии или для освоения и восстановления разрешенных городов, фабрик и заводов. Впоследствии большая их часть перешла в русское подданство.

Как мы видим, в период существования Министерства полиции последним пришлось приложить больше усилий, чем, казалось бы, в обычное время в силу особенностей внешнеполитических событий. Насколько было целесообразным образование отдельного ведомства – вопрос противоречивый.

С одной стороны, замыслом самого М.М. Сперанского было образование самостоятельной полицейской власти [5, с. 413], при этом структура министерства подразумевала и другие направления, отдаленные от правоохранительных функций. Отметим также, что идея образования самостоятельного ведомства – Департамента внутренних дел – принадлежала еще влиятельному дипломату Н.И. Панину, однако не была поддержана главами империи предшествующего периода, но легла в основу при подготовке реформ государственного управления уже при Александре I [2, с. 105].

С другой стороны, Министерство полиции проявило себя достойно при всей нагрузке и недостатках во вверенных ему направлениях. В части оказания содействия в спасении Отечества оно было удостоено Высочайшей благодарности – отмечено печатью энергии и распорядительности.

Литература

1. Адрианов С.А. Министерство внутренних дел (1802-1902). Исторический очерк. С. Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1901.
2. Михайлова Н.В., Феднева Н.Л. Концепция полицейского государства: формирование и отражение в законодательстве // Актуальные проблемы истории государства и права: Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 102-106.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1649-1811): Том 31 (1810-1811). 24686, 24687. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 15.10.2022).
4. Учреждение Министерства Полиции от 25 июня. URL: <https://base.garant.ru/58101933/> (дата обращения: 15.10.2022).
5. Феднева Н.Л. Министерство полиции Российской империи: реализация проекта М.М. Сперанского // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 419-424.

*Анисимов Александр Леонидович, доктор исторических наук, профессор
Дальневосточный юридический институт МВД России (г. Хабаровск)
✉ anisimov0802@gmail.com*

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ИНОСТРАНЦАМ, НЕЗАКОННО ОКАЗАВШИМСЯ НА ТЕРРИТОРИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Окружные начальники по гражданской части на Дальнем Востоке России помимо прочего выполняли и полицейские функции: расследование преступлений, содержание подследственных, охрана порядка [5, с. 37]. Земский исправник в Сибири являлся чиновником и для сбора податей, и для полицейских дел [3, с. 37].

Ближайшими помощниками полицейских распоряжений окружного начальника на Дальнем Востоке были казаки. В Чумикане, Аяне, Охотске и Гижиги они являлись служащими Якутского городского казачьего полка, а на Камчатке Камчатская казачья команда была сформирована из казаков того же полка и остатков батальона [10, с. 474].

В 1856 г. было создано городское полицейское управление в г. Николаевске. В штат управления входили глава городской полиции (полицмейстер) и писмоводитель [4, с. 960; 13, с. 632].

С середины XIX в. в российских водах резко возрастает количество китобойных судов. В связи с этим в дальневосточных владениях Российской империи возникает проблема иностранцев, которые нелегально оказываются на российской территории в результате дезертирства и кораблекрушений.

До 50-х гг. XIX в. основными российскими дальневосточными районами, куда направлялось большое количество американских судов, были Камчатка и Охотоморье. Именно здесь перед российскими местными властями впервые встала проблема дезертирства. В связи с этим начальник Камчатки капитан 1 ранга Машин разработал «Правила для приходящих в Петропавловский порт иностранных коммерческих судов». Правило 12 гласило, что, если кто-нибудь из членов команды иностранного судна совершит побег и окажется в Петропавловском порту или ином месте Камчатки, то «таковой беглец будет употребляем в работы по распоряжению Начальника поста, с содержанием в тюрьме до прихода корабля той нации, к коей он принадлежит, применяясь к общим законам в Русской Империи существующим, именно 1705 ст. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных». В 1848 г. эти Правила вступили в силу. 1 мая 1851 г. они были подтверждены и продлены камчатским военным губернатором и командиром Петропавловского порта В.С. Завойко [6, л. 32-33, 61об].

Согласно статье 1705 Уложения, если член команды корабля сбежит с судна или откажется следовать на нём в путь, то по прошествии трех суток после отлучки или отказа он лишался всей заслуженной им платы и всего, что он из собственного своего имущества на корабле оставит, с обращением того и другого в пользу хозяина корабля.

1 августа 1858 г. военный губернатор Приморской области Казакевич направил отношение николаевской городской полиции № 1387, в котором указывал, что на основании статьи 456 XIV тома Свода законов (суд. 1842 г.) Устав о паспортах и беглых предписывает, что-

бы все приезжающие в Россию из-за границы, как сухим путем, так и на кораблях, должны иметь для пропуска в пределы империи паспорта от российских дипломатических миссий и консульств соответствующих стран. Эта статья закона городской полиции предписывала объявлять об этом порядке всем проживающим здесь иностранцам. Кроме того, им необходимо было сообщить, что они не могли быть допущены в пределы порта [7, л. 1; 9, с. 36].

Если это случится во время пути и корабельщик на место ушедшего вынужден будет нанять другого служителя, то виновный в побеге обязан был возратить корабельщику все, что он заплатил свыше договоренной с ним платы нанятому вместо него сотруднику. Кроме того, в этом случае за самовольный без причины отказ от должности бежавший мог по жалобе корабельщика быть подвергнут аресту от семи дней до трех недель; а за побег с корабля – заключению в тюрьме на срок от трех до шести месяцев.

В середине XIX в. в Российской империи была создана правовая база, согласно которой российские власти Восточной Сибири (окружные, областные, губернские, полицейские), основываясь на принципах гуманизма, оказывали необходимое содействие лицам, которые нелегально оказались в дальневосточных владениях Российской империи.

В соответствии со ст. 1706 Уложения о наказаниях уголовных лица, изобличенные в укрывательстве членов команды, бежавших с корабля, подвергались за это денежному взысканию по десяти рублей за каждого из них и за каждые сутки укрывательства [11, с. 670-671].

Но угроза тюремного заключения за дезертирство не испугала иностранцев, для которых родной корабль становился хуже тюрьмы. К тому же российские власти практически не применяли такую меру наказания в отношении американских дезертиров.

В 1860 г. охотский земской исправник Атласов указал инскому крестьянскому старосте Ивану Плешкову, который уведомил исправника о содержании американцев с потерпевшего крушение судна, живших в селении, что иностранцы в русских местах не могли проживать без особых на то прав и без законных причин. Поэтому необходимо было всем иностранцам объявлять, что, если они не имели уважительных причин, то не могли оставаться на территории России. Местные вла-

сти были обязаны узнать: к какой нации принадлежит судно, откуда пришло оно и как называется, имя капитана. Отношения с иностранцами должны быть в границах вежливости, и все их законные требования исполнять беспрекословно [1, л. 25-28об].

2 января 1861 г. Атласов донес якутскому гражданскому губернатору, что в отношении членов команды разбившегося американского китобойного судна «Элиз Фрейз» он руководствовался статьей 1148 Устава о договорах и обязательствах [2, л. 1-10], снабжая пропитанием и одеждой.

Согласно статье 1148 Устава о договорах и обязательствах по торговому судостроению и мореплаванию спасенным морякам необходимо было сохранить их вещи и оказать «все-возможное содействие и пособие», помогать им «во всякой нужде, для сохранения жизни и здоровья».

В статье 1144 Устава предписывалось человеку, обнаружившему крушение или гибель судна на побережье Российской империи, помогать пострадавшим. Если он это сделать был не в состоянии, то обязан был сообщить о случившемся в ближайшее селение и земской или сельской полиции, а в городах – городской полиции, которые обязаны были предпринять все меры к спасению корабля, людей и товаров, привлекая местных жителей, которые не имели права отказывать в помощи терпящим бедствие.

В случае кораблекрушения местный полицейский начальник обязан был заботиться о спасенных людях, «соблюдать надлежащий порядок», следить за сохранностью спасенных вещей и товаров (ст. 1147) [12, с. 191-192].

Местный полицейский начальник должен был провести следствие и выяснить причины нелегального пребывания иностранцев на территории Российской империи, но не всегда это удавалось сделать на месте. Например, из-за незнания английского языка охотский земский исправник Атласов не смог провести следствие о происшествии с американским кораблем. Только прибыв в Инское селение, пристав Атласов смог допросить капитана Вока с помощью местного священника Александра Осипова, который немного знал английский язык [2, л. 14об].

Военный губернатор Приморской области 12 июля 1861 г. обратился в николаевскую городскую полицию с указанием принять меры, чтобы в будущем предупредить побег с американских судов. Побег матросов наносили вред судоходству и торговле в Николаевске.

Военный губернатор предписал городской полиции пойманных беглецов при первой же возможности передать на первое же судно, которое придёт в Николаевск. До прихода судна беглецов следовало содержать под стражей, если кто-либо пожелает взять его на поруки, разрешить это сделать. При передаче беглецов на иностранный корабль полиция должна была сообщить об этом военному губернатору. Полиция должна была разузнать, где скрывался беглец со времени побега до взятия под стражу. И если будут выявлены лица, которые скрывали бежавшего американца, поступить с ними по закону. Полиция должна была довести до сведения горожан, что они должны исполнять законы о беглых и бунтовщиках, объяснив, что с виновными в укрывательстве беглых будут поступать по всей строгости закона. В случае получения сообщений о побеге матроса с какого-либо частного судна полиции необходимо было немедленно провести самое тщательное расследование [8, л. 2-3об].

Военные чины также должны были строго соблюдать положения Устава о неукрывательстве беглых и точном и неуклонном исполнении законных требований городской полиции [8, л. 4об].

Таким образом, в середине XIX в. в Российской империи была создана правовая база, согласно которой российские власти Восточной Сибири (окружные, областные, губернские, полицейские), основываясь на принципах гуманизма, оказывали необходимое содействие лицам, которые нелегально оказались в дальневосточных владениях Российской империи.

Исходя из конкретных обстоятельств, местные, в первую очередь полицейские, власти, не дожидаясь указаний сверху, делали все, чтобы облегчить жизнь попавшим в беду людям и по возможности скорее отправить их на родину. В ряде случаев российская сторона все расходы по содержанию иностранцев брала на себя. Российская сторона предпринимала меры по поиску попавших в беду людей, сохранению имущества и грузов с потерпевших крушение кораблей.

Литература

1. ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/1. К. 1645. Д. 94.
2. ГАИО. Ф. 24. Оп. 11/2. К. 1890. Д. 26.
3. Обозрение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. XII, 136, II с.
4. Положение об управлении Приморской областью Восточной Сибири // Полное собрание законов Российской империи. 1856-1890. Т. 31. Отд. 1. С. 959-966.
5. Поповичева Ю.Н. Специфика управления на Дальнем Востоке России (1850-1870-е годы) // Дальний Восток России: основные аспекты исторического развития во второй половине XIX – начале XX века (Вторые Крушановские чтения). Владивосток, 2003. С. 35-38.

6. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). Ф. 84. Оп. 2. Д. 6.
7. РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1385.
8. РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1075.
9. Свод уставов о паспортах и беглых // Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 14. С. 1-186.
10. Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. СПб., 1900. X, 689, III с.
11. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. IV, 898, XVII с.
12. Устав о договорах и обязательствах по торговому судостроению и мореплаванию // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11. Ч. II. С. 191-192.
13. Штаты и табели // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1856-1890. Т. 31. Отд. 2. С. 1-792.

*Головинов Александр Викторович, кандидат философских наук, доцент
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
✉ alex-golovinov@mail.ru*

АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ БАЗЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОЛИТИКО- ПРАВОВОМ НАСЛЕДИИ Н.М. ЯДРИНЦЕВА

В многообразном публицистическом наследии адепта движения сибирских областников Н.М. Ядринцева можно выделить целый комплекс идей и философско-правовых размышлений в сфере узаконений уголовно-исполнительной системы Российской империи. Отчетливо прослеживаются два аспекта данного нарратива: правовая база ссылки как вида наказания и пробелы в правовом регулировании содержания осужденных в пениitenciариях Российской империи. В политико-правовом учении сибирского регионалиста эти концепты актуализировались неслучайно, они были вызваны потребностью решения «сибирских вопросов», таких как штрафная колонизация региона и последствия уголовной ссылки на восточную окраину.

Так, сибирский общественный деятель детально рассматривал акты царского правительства с целью выявить и показать пробелы юридического сопровождения в вопросах организации ссыльной системы. Предметом аналитической рефлексии стали Указы 1811 и 1821 гг., а также Устав 1822 г. о ссыльных.

В целом детальный разбор нормативной базы в сфере ссылки приводил к умозаключению о том, что подобный вид наказания не целесообразен и требует отмены. Особенно в современном для Н.М. Ядринцева обществе, т.е. в XIX столетии проблематика ссылки связывалась им с несоразмерностью наказания. «Устав 1822 о ссыльных, – писал он, – формулирует еще более постепенность и предполагает ссылку только по суду, в крайнем случае. Но, несмотря на эти стремления, судьба русской ссылки подвергается совершенно противоположной участи. Уже с начала XIX столетия мы видим необыкновенное увеличение числа ссыльных» [1, с. 227].

Действительно, в истории пенитенциарной политики имперской России особое место занимала ссылка как мера наказания. Сибирский просветитель вообще очень скрупулезно рассматривал проблемы ссылки, исходя из того, что это был самый насущный вопрос Сибири. Подготовленная им серия публикаций по данной тематике в конечном счете была переработана и представлена двумя главами книги «Русская община...» под названием «Ссыльное бродячее население Сибири» и «Исторические очерки русской ссылки». Здесь на основе фактического материала с привлечением доктринальных разработок он доказывал нецелесообразность этого вида наказания.

В целом разделяя положения исторической школы права, сибирских областников всегда занимала история тех или иных актов. Обращение к исторической ретроспективе помогало подобрать ключ к современному состоянию правовой политики. Н.М. Ядринцев обнаруживал первые попытки законодательного регулирования ссылки. «О ссылке в Сибирь, – писал он, – упоминается в первый раз в Уложении 1648 г.: ею велено карать тяглых московских и городских людей за самовольную приписку к разным лицам и учреждениям». Областник

находил объяснение такому подходу законодателя. По его мнению, эта мера была вызвана стремлением тяглых и податных людей, которые, чтобы избежать уплаты налогов, переходили в частную зависимость, закладывались за патриарха, монастыри, за бояр, и под их покровительством торговали и промышляли разными промыслами, не платя податей [1, с. 209].

Известный сибиряк обнаруживал противоречия Уставу 1822 г., имеющему целью определить точные меры наказания. Он замечал, что через два года после издания этого указа ссылка распространилась на такое громадное число лиц, большая часть которых за свои проступки могла подвергнуться только обыкновенным полицейским взысканиям, и закон вынужден был снова ограничить ее до некоторой степени, обратив преимущественное внимание на точное определение преступности бродяжества.

В целом провинциальный мыслитель констатировал, что уголовная ссылка, определяемая по суду, продолжала носить карательный и устрашительный характер. Причем до 1863 г. она сопровождалась истязанием кнутом, плетью и клеймами. Вместе с тем сосланный лишался всех имущественных и семейных прав.

Также опираясь на тексты тюремных инструкций и прежде всего на правовую доктрину в сфере тюремоведения, сибирский общественный деятель констатирует некоторые пробелы в правовом регулировании содержания осужденных в пенитенциариях Российской империи. Он решительно выступает против одиночных камер. Н.М. Ядринцев

констатирует болезненно раздражительное состояние подследственных и заключенных в «одиночках». Логично возникал вопрос об исправительном значении такого содержания заключенных. Николай Михайлович высказывал мысль о том, что правонарушители, содержащиеся в условиях одиночного заточения, только огрубелились и ресоциализировались. «Преступники грубые и неразвитые, – пришел к выводу областник, – сидевшие долго в уединении на цепи, являлись впоследствии еще озлобленнее и беспощаднее, из них выходили самые страшные мстители и убийцы. Это можно видеть из жизни многих наших каторжных, сживавших на цепи. Долгое уединение воспитывало желчными и озлобленными даже людей развитых...» [2, с. 61].

В своей системе политико-правовых воззрений Н.М. Ядринцев затронул и проблемы профессии тюремного служащего в Российской империи. Как известно, дореволюционная уголовно-исполнительная система требовала кардинального реформирования. Отсутствие образования и тотальное невежество, как видно, были верными спутниками тюремного персонала. Отсюда приобретала четкие очертания проблема воздействия кадров тюремных замков на арестантов с целью их перевоспитания. В этом вопросе сибирский публицист рисовал совершенно безрадостную картину. «Воззрение на арестанта, как на злодея, – отмечал Н.М. Ядринцев, – свойственное невежеству, одно руководило ими и заставляло их прибегать к розгам и кандалам при самых незначительных проступках арестанта» [3, с. 164].

Подводя итоги, отметим, что областнической политико-правовой мысли, представленной в трудах Н.М. Ядринцева и его соратников, был присущ акцент на критическом анализе современной ему системы нормативно-правовых актов и правовой политики государства в целом. Текстуальный разбор законодательства в сфере пенитенциарной политики государства, в т.ч. проблемы ссылки и содержания осужденных, позволял вкупе с отсылками к доктрине права всесторонне подходить к решению тех или иных политических и правовых проблем.

Сибирский общественный деятель детально рассматривал акты царского правительства с целью выявить и показать пробелы юридического сопровождения в вопросах организации ссыльной системы.

Литература

1. Ядринцев Н.М. Исторические очерки русской ссылки в связи с развитием преступлений // Дело. 1870. № 10. Отд. 1.
2. Ядринцев Н.М. Секретная (из записок подследственного арестанта) // Дело: учено-литературный журнал. СПб., 1869. № 5.
3. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. Исследования и наблюдения за жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. Сравнение различных систем наказания у нас и в Западной Европе. Основа новой рациональной системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опыту русской тюремной общины. СПб., 1872.

*Дегальцева Екатерина Александровна, доктор исторических наук, профессор
Бийский технологический институт АлтГТУ (г. Бийск)
✉ katerina3310@yandex.ru*

ИЗ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ БИЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ ПОЛИЦИИ

История полиции привлекала внимание исследователей при рассмотрении ими самых разных аспектов: изучены правовые и организационно-финансовые, личностно-биографические аспекты деятельности, её социально-политические особенности, постоянное изменение полицейских структур до революции [1, 2]. Большую работу в этом направлении ведут сотрудники Барнаульского юридического института МВД России (Ю.Н. Москвитин, К.В. Лен, Н.М. Диянов, Л.А. Вишнякова и др.). Однако повседневная жизнь рядового уездного исправника и его подчиненных всегда остается за кадром.

С конца XVIII в. главой местного управления стал начальник полиции (позже его стали называть полицмейстером). С 1811 г. после проведения министерской реформы в полицейском ведомстве создается внутренняя стража для несения караульной и конвойной службы. Городская полиция с этого времени становится важным звеном в системе местного управления, которая наряду с полномочиями по охране общественного порядка выполняла судебные, общеадминистративные и финансовые полномочия. Полицейская и городская управы зачастую работали в тандеме. Например, полицейское управление могло направить туда хулиганов на порицание, а городская управа, в свою очередь, при помощи полиции наказывала провинившихся, организуя им арест на несколько суток. Городская полиция в Бийске была фактически органом управления общей компетенции, через нее осуществлялись все контакты центральных и городских властей с горожанами. Необходимость коммуницировать как с жителями, так и с государственными, местными органами власти, общественными организациями расширяла функции провинциальной полиции от криминальных до повседневных.

Рубежными в дореволюционной истории полиции стали 1811 г. и середина 1860-х гг. Полицейская управа в Бийске со второй половины XIX в. состояла из полицмейстера, двух приставов (гражданских и уголовных дел) и двух избираемых горожанами на три года ратманов. Приставы уголовных и гражданских дел отвечали за охрану общественного порядка, оперативно-розыскную деятельность и осуществляли надзорно-регулятивные функции в городе.

Город был поделен полицией на управляемые части (участки). Во главе каждой части Бийска стояли приставы, которые выполняли единолично административно-полицейские функции, им было положено иметь при себе по два сержанта. Частный пристав должен был проживать в пределах своей части, при отсутствии в части его более двух часов он должен был поручить исполнение своих обязанностей соседнему частному приставу. Таким образом, горожан никогда не покидало бдительное око полиции. При служебных перемещениях пристава всегда сопровождали сержанты.

Функции городской полиции в дореволюционный период можно выделить по направлениям: охрана общественного порядка (борьба с криминалом), финансовый контроль, го-

родское хозяйство, цензура. Более подробная классификация функций полиции на примере уездного города Бийска может быть представлена следующим образом:

1. Охрана общественного порядка, оперативно-розыскная деятельность.
2. Судебные функции.
3. Административные функции.
4. Борьба с пожарами и их профилактика.
5. Борьба с падежом скота.
6. Эпидемии.
7. Рождение мертвых младенцев.
8. Встреча и размещение известных путешественников.
9. Сбор различных сведений, статистика.
10. Цензура (мораль, идеология).
11. Надзор за политическими ссыльными.

Если говорить о загруженности сотрудников Бийской уездной полиции, то она была несопоставимо меньше, чем их коллег из центральных регионов Российской империи. Так, например, по губернским отчетам за 1854 г. за май во всей Томской губернии было совершено два самоубийства и два убийства. Больше всего убийств за этот месяц пришлось на Московскую (67) и Тверскую (49) губернии [3, с. 29]. Летом обычно количество правонарушений возрастало. В июне 1854 г. в Томской губернии было совершено 12 преступлений (5 самоубийств, 6 убийств, 1 детоубийство). Если брать аналогичную статистику за 1862 год, то можно увидеть, что количество преступлений оставалось на том же уровне [4, л. 2об.-56]. Более высокие показатели преступности (особенно по найденным трупам) в летние месяцы повлекли за собой предписание начальства из Департамента полиции исполнительной прикладывать к статистике более тщательные данные медосмотров. Бийск редко попадал в зону такой печальной статистики, однако в этом отчетном году летом там произошло зверское убийство крестьянина со всей семьей: женой, женой брата, детьми и внуками. Преступление так и не было раскрыто. За 1860-1870-е гг. статистика преступлений оставалась на том же уровне. Всплеск преступности приходится на периоды переселенческих волн и события первых русских революций. Однако увидеть полную картину загруженности местных служащих полиции нам не дает отсутствие статистики по количеству населения. С этим всегда были проблемы, и предписания сверху увеличить штат нередко оставались невыполненными, поскольку содержание полиции ложилось на плечи городской управы. Потребность в наличии точной статистики вынудила заниматься ею самих полицейских. Так, в 1911 г. вышел статистический справочник по городу Бийску, составленный уездным исправником Б.П. Штейнфельдом [5].

Добавлялся к обязанностям местной полиции и контроль за ссыльными, которые нередко оставались в регионе на поселении. Увеличение количества ссылаемых сюда преступников сказывалось и на криминальной картине. Так, например, в марте 1878 г. обвиняемыми по всем совершенным в губернии убийствам были ссыльные [6, л. 38]. В своем отчете за 1896 год в МВД томский губернатор пытался объяснить причины данной ситуации: «число преступлений, падающих на ссылаемых, объясняется не столько порочностью, сколько безвыходным положением, в которое ставятся ссыльные, совершенно не подготовленные к условиям жизни и заработкам, им встречаемым» [7, л. 156].

Помимо раскрытия преступлений, связанных со ссыльными, местным чинам полиции приходилось вести бдительный гласный и негласный надзор за политическими ссыльными. В своих отчетах они указывали образ жизни подопечных, их знакомых, все встречи. С конца

XIX в. в Бийске проживало несколько народников: Евгения Шефтель, Вера Русс, Леонид Ешин, Федор Шишкин, Иван Телепнев, Авксентий Заболоцкий и др. С 1904 г. работы прибавилось: бийскому уездному исправнику пришлось еженедельно телеграфировать о событиях в Бийске, заводить дела за распространение листовок, издание брошюр радикальной направленности, пресекать работу подпольной организации бийской группы РСДРП, наиболее активно проявившей себя в 1906-1907 гг. [8, л. 2-8].

В годы роста недовольства и народного гнева такая работа становилась опасной. Как пишет летом 1907 г. в рапорте бийский исправник: «31 июля мещанин А.Ф. Ассанов (столяр) безо всякого повода произносил ругательства самыми отборными площадными словами по адресу жандармского унтер-офицера Орлова, причем указывая на дом, где живет этот унтер-офицер, кричал: "А здесь поселился жандарм, сволочь такая, поселенец. Всё правительство сволочь. Сожгу жандарма, а полицию и правительство нужно разбить в пух и прах". Ассанов, предаваясь пьянству, отличается скверным поведением. На Масленицу принял большое участие в нанесении побоев толпой городовому Малахову, причём возбуждал толпу, говоря, что вообще всю полицию нужно перебить» [9, л. 4-6].

Полицейская управа в Бийске со второй половины XIX в. состояла из полицмейстера, двух приставов (гражданских и уголовных дел) и двух избираемых горожанами на три года ратманов. Приставы уголовных и гражданских дел отвечали за охрану общественного порядка, оперативно-розыскную деятельность и осуществляли надзорно-регулятивные функции в городе.

О повседневной службе сотрудников полиции говорит и её финансовое содержание. Так, доля расходов на жалование и другие нужды составляла от 11 до 18% городских трат во второй половине XIX в. В численном выражении наблюдается увеличение сумм с 3 тыс. до 11 тыс. к 1913 г. [2, с. 70].

Жалование от государства получал только начальник городской полиции. Пожарная команда и частные полицейские управы содержались за счет городской казны. Частный пристав получал в среднем по 200 руб. в год, квартальный надзиратель – по 120 руб. в год, значительно меньше получали нижние чины. Для примера можно сказать, что 120 руб. получал в год протоирей, который вел в Бийском Николаевском училище Закон божий, а также скромный библиотекарь женской гимназии, в 2 раза больше получали учителя. Установленные минимальные тарифные ставки жалования официанта колебались от 75 до 115 руб. в год, повара – от 65 до 150, рабочих печатного дела – от 35 до 120.

Обмундирование одного унтер-офицера стоило около 9 руб., шинель выдавалась на 3 года, пуговицы – на 20 лет, ремень – на 8 лет, куртка – на 2 года. Ежегодно около 6 руб. выдавалось на провиант. Содержание одного нижнего чина полиции в Бийске обходилось городским налогоплательщикам в среднем по 18 руб. в год. А в 1891 г. городская дума обвинила городского голову купца Алексея Севериановича Дробинина в незаконном расходовании средств, которые предназначались полиции, выдаваемые ранее городской казной на фураж. Это лишало их возможности иметь лошадей и зачастую приводило к запоздалым прибытиям на место происшествия. Стражи порядка в эти же годы жаловались, что городская казна забыла свои обязанности и забыла о тёплой одежде для полицейских нижних чинов, которая всегда исправно выдавалась. Такая халатность обернулась несколькими случаями обморожения городских во время их дежурства.

Бедность приводила к коррупции, поэтому полицейская служба не обходилась и без злоупотреблений: среди наиболее частых взяточничество, побои, выдача подложных паспортов, покровительство незаконной торговли спиртным. Из политического обзора за 1891 г. Барнаульского и Бийского округов мы видим нелицеприятную оценку работы бийской полиции:

«Много лучшего остается желать для составов чинов общей полиции, которую, в особенности бийскую, не напрасно обвиняют во взяточничестве. В настоящее время в Бийске возбуждено следствие о выдаче из Бийского окружного полицейского управления приговоренному к каторжным работам Н. Ошлыкову подложного заграничного паспорта» [10, л. 4].

Однако большинство сотрудников честно несли свою службу. В ведении полиции находились важные вопросы идеологии и культуры. Без ее разрешения не могло состояться ни одно культурное мероприятие в городе. Строгая регламентация касалась практически всех сторон жизни горожан. Среди документов бийского полицмейстера можно найти массу записок, запросов и заявлений практически по любым вопросам. В архиве сохранились заявления нищих о разрешении собирать на въезде в Бийск милостыню и о причинах, побудивших людей на такой отчаянный шаг. Твердым росчерком на них стояли резолюции начальника полиции – с какого и по какой час можно было побираться. Среди архивных документов встречались и заявления проституток с просьбой снять их с учета в связи с переходом к правильному образу жизни.

Таким образом, деятельность бийской уездной полиции была многофункциональной и охватывала все стороны жизни горожан и жителей Бийского уезда.

Литература

1. Бочкарева А.С., Вольченко В., Хотина Ю.В. Полиция России: вехи дореволюционной истории // Научные труды Кубанского ГТУ. 2019. № 7. С. 141-149.
2. Гончаров Ю.М., Литягина А.В. Очерки истории города Бийска (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во «Аз Бука», 2009. 276 с.
3. Журнал МВД. СПб., 1854. Часть 9. Отд. III.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 23. Д. 1411. О происшествиях в Томской губернии за 1862 г.
5. Штейнфельд Б.П. Справочник по Бийску и Бийскому уезду Томской губернии за 1910 год. Бийск, 1911.
6. РГИА. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 868.
7. РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 240.
8. Архивный отдел администрации г. Бийска. Ф. 1. Д. Оп. 1. Д. 1.
9. Государственный архив Алтайского края. Ф. Д. 170. Оп. 1 Д. 356.
10. Государственный архив Томской области. Ф. 411. Оп. 1. Д. 7.

*Румянцев Петр Петрович, кандидат исторических наук, доцент
Томский государственный университет (г. Томск)
✉ petroom@mail.ru*

ОРГАНИЗАЦИЯ НЕГЛАСНОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО НАДЗОРА В СИБИРСКОМ ЖАНДАРМСКОМ ОКРУГЕ

Одной из совместных обязанностей чинов полиции и Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) в конце XIX в. – начале XX в. являлось осуществление ими негласного надзора за политически неблагонадежными лицами. Данный надзор не регулировался официальными законодательными актами имперской власти, т.к. в таком случае утрачивалась бы его секретность, поэтому порядок негласного надзора происходил посредством циркулярных распоряжений Департамента (государственной) полиции МВД [4, с. 115].

Положение о негласном полицейском надзоре было утверждено министром внутренних дел графом Н.П. Игнатьевым 1 марта 1882 г. и опубликовано в циркуляре Департамента полиции МВД № 1365 от 9 апреля того же года. Согласно тексту этого документа негласный полицейский надзор (именовался еще и секретным) являлся одной из предупредительных мер государственных преступлений за счет наблюдения за лицами «сомнительной благонадежности». Подобный надзор учреждался по решению Департамента (государственной) полиции МВД или по представлению губернской исполнительной власти. Негласный надзор должен был носить секретный характер, чтобы поднадзорное лицо не знало об установлении за ним наблюдения, а потому не должно было подвергаться в своей обыденной жизни каким-либо стеснениям, дабы не заподозрить за собой слежения [5, с. 84-86].

Осуществление негласного надзора возлагалось на чинов общей полиции и ОКЖ, при этом первые обязывались оказывать полное содействие жандармам, выполняя все их законные требования, как, например, доставление сведений о поднадзорных лицах. Способ ведения негласного надзора определялся каждый раз особо за отдельным поднадзорным лицом с согласия губернской власти и начальника местного жандармского управления. На всех лиц, за которыми устанавливался негласный надзор, следовало вести специальные списки, как общие по всей стране, находившиеся в Департаменте полиции МВД, так и частные, алфавитные по каждой губернии, составлявшиеся в местных жандармских управлениях.

Положение о негласном надзоре распространялось постепенно: сначала оно действовало только на европейскую часть Российской империи, в 1886 г. оно было введено в Кавказском крае, после чего настал черед Сибири. В январе 1889 г. командир ОКЖ генерал-лейтенант Н.И. Шебеко в специальном отношении сообщил начальнику Сибирского жандармского округа (СЖО) генерал-майору Н.И. Александрову о решении введения негласного надзора в Сибири. В качестве причин, побудивших принять такое решение, в этом документе указывалось, что многие лица, высланные в административном порядке за государственные преступления в Сибирь, по окончании срока ссылки в силу разных причин не могут вернуться в европейскую часть страны, а потому остаются в Сибири. Учитывая, что такие лица даже в случае одобрительного поведения во время пребывания в ссылке всё же являются представителями «революционной среды», тем самым вызывают сомнение в своей политиче-

ской благонадежности, что и вызывает необходимость «установления за ними правильного и непрерывного наблюдения» [3, л. 5-5об.].

По получении данного отношения окружной жандармский начальник генерал-майор Н.И. Александров 24 февраля 1889 г. сообщил всем сибирским губернаторам и иркутскому генерал-губернатору о распространении положения о негласном надзоре на Сибирь. Более подробно об этом положении он указал в циркулярах по округу, отправленных того же числа всем начальникам управлений подведомственного ему округа. Так, последним предписывалось принять к немедленному и точному исполнению циркуляр министра внутренних дел от 9 апреля 1882 г. № 1365 о введении негласного надзора. Особенно важными задачами начальник округа считал правильное составление алфавитных списков и дел поднадзорных, а также необходимость следить, чтобы осуществляли негласный надзор только те жандармские нижние чины, которые хорошо усвоили условия данного положения. При определении способа осуществления негласного надзора относительно каждого лица начальнику губернского жандармского управления (ГЖУ) предписывалось по этому вопросу обращаться к губернатору и сообщать об этом начальнику СЖО [1, л. 135-137].

Важность выполнения новой служебной обязанности вынуждала начальников жандармских управлений оперативно приступить к организации негласного надзора в подведомственных их надзору губерниях. Начальники всех жандармских управлений округа вместе с губернскими властями в короткий срок разработали правила осуществления негласного надзора и определили принципы взаимодействия чинов полиции и жандармерии.

Для лучшего взаимодействия чинов полиции и жандармерии в осуществлении негласного надзора начальник СЖО генерал-майор Н.И. Александров в 1889 г. разработал проект «Правил для совместных действий чинов ОКЖ и чинов общей полиции по наблюдению за лицами, неблагонадежными в политическом отношении». Согласно этому проекту в каждом населенном пункте осуществлять негласный надзор должно было следующее количество нижних чинов полиции и жандармерии: в губернских городах – по два чина от полиции и жандармерии, а в остальных населенных пунктах, где проживают поднадзорные лица, следовало назначать для негласного надзора за ними, кроме жандармских унтер-офицеров, необходимое число полицейских нижних чинов по соглашению с губернатором и начальником ГЖУ. Осуществляющие негласный надзор чины обязаны знать друг друга, а местное жандармское руководство и чиновники общей полиции «должны прилагать все усилия к установлению взаимных отношений с их нижних чинов на началах полного доверия». Каждый нижний чин жандармского и полицейского ведомств должен быть хорошо проинструктирован своим начальством об условиях и приемах осуществления негласного надзора и знать признаки неблагонадежности лица в политическом отношении. По замыслу окружного жандармского начальника, в поле зрения ведших негласный надзор жандармских и полицейских чинов могли попадать и лица, состоящие под гласным надзором полиции, привлекая внимание своим поведением и образом жизни. Чины общей полиции обязаны без промедления доставлять начальнику ГЖУ и другим жандармским офицерам по их запросу сведения о лицах, политически неблагонадежных. В тех же местностях, где отсутствуют жандармские чиновники, надзор осуществляется местной полицией, характер его выполнения устанавливается по соглашению местного губернатора и начальника ГЖУ. Все сведения, заслуживающие особого внимания относительно неблагонадежных лиц

Негласный надзор вводился в субъектах, традиционно являвшихся местами отбывания наказания за уголовные и политические преступления (только Среднеазиатский и Дальневосточный регионы не попадали под действие этого законоположения).

в тех местностях, где нет жандармских чинов, следовало доставлять начальнику ГЖУ через местную полицию [2, л. 10-14].

Проект начальника СЖО генерал-майора Н.И. Александрова преследовал одну из целей введения негласного надзора, как это было указано в циркуляре Департамента государственной полиции о его учреждении, тесное взаимодействие чинов ОКЖ и общей полиции, входящих в состав МВД, это должно было привести к «доверительным и откровенным отношениям» между ними, что в конечном итоге должно будет способствовать достижению одной и той же цели охранения государственного порядка [5, с. 84].

Однако предложенный проект не получил поддержки не только высшей исполнительной власти в регионе в лице иркутского генерал-губернатора, а также отдельных губернаторов, которым он был разослан, но и ближайшие подчиненные Александрова выступили против его предложений. Так, начальник Енисейского ГЖУ полковник М.П. Ножин сообщил енисейскому губернатору И.К. Педашенко, что, по его мнению, невозможно назначить во все города губернии необходимое количество нижних полицейских чинов для осуществления негласного надзора за поднадзорными по причине крайне ограниченной численности количества таких чинов. Далее начальник ЕГЖУ указывал на нецелесообразность возложения на жандармских унтер-офицеров негласного надзора за лицами, которые уже и так находятся под гласным надзором полиции, т.к. это будет в ущерб отправлению жандармскими чинами их прямых служебных обязанностей [2, л. 3-3об.].

Окончательно положение о негласном надзоре было распространено посредством циркуляра Департамента полиции МВД от 12 апреля 1890 г. № 1442 на следующие субъекты сибирского региона – Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская губернии, г. Омск, Забайкальская и Якутская области [5, с. 84]. Тем самым негласный надзор вводился в субъектах, традиционно являвшихся местами отбывания наказания за уголовные и политические преступления (только Среднеазиатский и Дальневосточный регионы не попадали под действие этого законоположения). Осуществление негласного полицейского надзора производилось до конца существования жандармского и полицейского ведомств Российской империи и являлось одним из примеров активного взаимодействия между чинами указанных ведомств.

Литература

1. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. 827. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 3062.
3. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 51. Д. 118.
4. Иванов А.А., Савилов А.А. Участие иркутских жандармов в надзоре за политическими ссыльными (1860-1900 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 114-121.
5. Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний / сост. полк. Добряков. СПб., 1903. 688 с.

Кожевникова Анастасия Михайловна, кандидат исторических наук
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России (г.Ставрополь)
✉ kozhevnikova.sfrdu@gmail.com

МИЛИЦИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

История государственной организации, «протянувшей» без малого 100 лет, – советской рабоче-крестьянской милиции – началась 105 лет назад.

Основные этапы строительства советской милиции общеизвестны и достаточно хорошо исследованы. Современные историки, исследующие деятельность органов внутренних дел советского периода, в основном обращают свой взор на события регионального уровня, т.к. краевые, областные и городские архивы хранят еще немало любопытных документов, посвященных вопросам формирования и функционирования правоохранительных органов на местах. Архивные материалы стоит изучать не только с точки зрения краеведения, но и для выявления либо чего-то крайне типического, подтверждающего, если говорить об истории органов внутренних дел, реализацию организационно-правовых основ деятельности милиции, либо для установления чего-то радикально выходящего за пределы союзного или республиканского обыкновения. Очевидно, что работы в этом направлении ведутся.

Особым периодом в истории отечественной милиции можно считать период 1917-1922 гг. «Первая» милиция явилась детищем Временного правительства, следующая – дитя Октября. Но кроме них, до окончания Гражданской войны функционировали правоохранительные органы белых правительств, частью организованные по дореволюционным лекалам, частью – по образцу милиции Временного правительства.

Процесс становления будущей рабоче-крестьянской милиции (февраль-октябрь 1917 г.) достаточно блестяще исследован целой плеядой историков-полицистов во главе с Р.С. Мулукаевым: рабочая милиция, народная милиция, обывательская милиция – названия отражают поиски формы и организации. А между тем в этот же период действовала и «другая» милиция – орган охраны правопорядка, созданный Временным правительством в апреле 1917 г.

Период существования «временной милиции» весьма непродолжителен, практически мимолетен. Но она представляет собой особый интерес как некий промежуточный, переходный, может быть, даже компромиссный вариант между дореволюционной полицией и рабоче-крестьянской милицией, а еще как опыт создания муниципальной милиции, да еще и на демократических началах.

Однако, поскольку современная полиция является наследницей именно советской милиции, созданной 10 ноября 1917 г., то именно эта организация привлекает наибольшее внимание региональных исследователей. В то время как недолгий период существования милиции Временного правительства, по сути, остается довольно слабо исследованным. Не исключено, что по причине немногочисленности сохранившихся документов речь идет о документах регионального уровня.

В целом публикации, посвященные милиции Временного правительства, можно разделить на 3 группы:

– публикации общего характера, рассматривающие нормативно-правовые основы создания и функционирования милиции Временного правительства (монография А.В. Петрова [1], диссертация А.П. Звягинцевой [2], публикации С.Ю. Грозина [3], С.Н. Токаревой [4], М.Ю. Гутмана [5], Е.А. Пушкарева [5], А.А. Иванова [7], Т.М. Хлусова [8], Т.Г. Лясович и А.И. Локнова [9] и др.);

– публикации, посвященные созданию правоохранительных органов Петрограда (диссертация [10] и статьи М.Ю. Гутмана, публикации А.В. Кудина и М.Ю. Гутмана [11], В.Л. Данояна [12], В.В. Шведовой [13] и др.);

– публикации, посвященные как регионам, так и отдельным уездам (статьи С.И. Константинова [14], Ю.И. Абрамова [15], П.П. Пирогова [16], Д.Б. Кавецкого [17], С.В. Кистанова [18], Г.М. Птицыной [19], И.Ф. Фирсова [20] и др.).

Публикации, носящие общий характер, позволяют ознакомиться с правовыми основами деятельности милиции Временного правительства, хотя на данный момент любому исследователю доступны первоисточники – сборники постановлений Временного правительства,

журналы заседаний Временного правительства и т.д., с принципами строительства органов милиции на местах, рисуя вновь созданную вертикаль власти. Кроме того, они позволяют вычленить две ключевые проблемы созданного органа – кадровую и финансовую.

Финансовый аспект нашел выражение в двух проблемах:

- расчет уволенных со службы чинов полиции;
- финансирование создаваемых местных структур милиции.

Вторая проблема стояла наиболее остро в связи с непрерывным экономическим кризисом, усугублявшимся с каждым месяцем в период с марта по октябрь 1917 г. [18, с. 45]. Новая власть нуждалась в поддержке правоохранительной системы, но не была способна ее финансировать, в связи с чем решение этой задачи было переложено на местную власть.

Что касается кадрового вопроса, актуального для ОВД практически во все периоды их существования, то власти необходимо было решить вопрос, кем комплектовать вновь создаваемый орган. К службе привлекались бывшие сотрудники полиции, если за ними не находилось ничего дискредитирующего их, рабочие и служащие, не имевшие никакой специальной подготовки, студенты и гимназисты, которые не были готовы исполнять возложенные на них обязанности в силу возраста, и самый опасный контингент – уголовные элементы, которые, пользуясь всеобщей неразберихой, проникали в милицию, причем и в рабочую тоже. Впрочем, преступники получили и вполне легальную возможность поступать в милицию в случаях, если со времени отбытия наказания прошло свыше 5 лет.

Временное правительство действовало в условиях жесткого социального, экономического и политического кризиса, провоцировавшего среди прочего повсеместный рост преступности. Ситуацию усугубляло, по сути, упразднение всей вертикали власти, в т.ч. полиции. Страна как никогда нуждалась в обеспечении порядка и законности. Временное правительство пыталось решать как организационные проблемы (создание новых органов исполнительной власти), так и правовые (разработка нормативно-правовой базы, которая должна была регламентировать деятельность милиции). По факту осуществлялось общее руководство милицией без углубления в повседневную деятельность. Делались попытки решать отдельные вопросы путем рассылки циркуляров, но на местах они выполнялись дале-

Особым периодом в истории отечественной милиции можно считать период 1917-1922 гг. «Первая» милиция явилась детищем Временного правительства, следующая – дитя Октября.

ко не всегда. Наглядно это можно продемонстрировать циркуляром, направленным 20 июня 1917 г. кубанским губернским Комиссаром Временного правительства К.Л. Бардижем новороссийскому городскому главе:

«На основании инструкции губернским и уездным комиссарам начальники милиции непосредственно подчиняются уездным земским и городским управам по принадлежности.

Несмотря на это, как мне известно, в некоторых случаях распоряжение милиции берут на себя другие органы, как, например, Совет Солдатских и Рабочих Депутатов, и в то же время милиция, вследствие своеобразного толкования положения, считает себя не находящейся в подчинении городских самоуправлений» [21, л. 1].

Процитированный циркуляр наглядно демонстрирует некоторые проблемы реализации постановлений Временного правительства. Однако в силу отсутствия соответствующих публикаций невозможно установить, была ли озвученная проблема характерна только для Черноморской губернии или подобные казусы встречались и в других регионах, а следовательно, это явление можно назвать типичным и выделить как еще одну проблему функционирования милиции Временного правительства в дополнение к указанным ранее.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что на данный момент, несомненно, не хватает более масштабных, чем журнальные публикации, исследований, посвященных региональным особенностям реализации постановлений Временного правительства по части создания, функционирования и обеспечения милиции.

Литература

1. Петров А.В. Народная милиция Временного правительства и милиция антибольшевистских правительств: сравнительно-правовой аспект (на материалах Сибирского и Уральского региона): монография. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2005. 148 с.
2. Звягинцева А.П. Организация и деятельность милиции Временного правительства России в 1917 году: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. 29 с.
3. Грозин С.Ю. Милиция временного правительства (февраль-октябрь 1917 года) // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XII Международной научно-практ. конф-ции: в 2 т. (Иркутск, 18-19 мая 2017 г.). Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2017. С. 175-177.
4. Токарева С.Н. Милиция Временного правительства: принципы организации и деятельности // История, теория, практика российского права. 2022. № 15. С. 34-41.
5. Гутман М.Ю. Правовые основы организации и деятельности милиции Временного правительства, рабочей милиции и Красной гвардии Петрограда (март-октябрь 1917 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 4 (36). С. 32-43.
6. Пушкарев Е.А. Формирование отечественной системы правопорядка в 1917-1918 годах (историко-правовой аспект) // Общество и право. 2020. № 1 (71). С. 116-120.
7. Иванов А.А., Матиенко Т.Л., Эриашвили Н.Д. «Народная (гражданская) милиция» в России: попытки создания временным правительством органов охраны правопорядка в марте-октябре 1917 г. // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 4 (14). С. 48-53.
8. Хлусов Т.М. Образование милиции в России и функции милиции периода Временного правительства // Мир юридической науки. 2012. № 8. С. 21-34.
9. Лясевич Т.Г., Локнов А.И. Князь Г.Е. Львов – председатель и министр внутренних дел Временного правительства – и его проекты по преобразованию правоохранительной систе-

мы Российского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2 (78). С. 8-13.

10. Гутман М.Ю. Становление и деятельность милиции Петрограда и Петроградской губернии в период революций и гражданской войны в России: февраль 1917-1920 гг.: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. 45 с.

11. Кудин В.А., Гутман М.Ю. Полиция и милиция Петрограда в февральско-мартовские дни 1917 года (к 100-летию Февральской революции 1917 года в России) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (74). С. 14-20.

12. Даноян В.Л. Роль городского самоуправления г. Петрограда в создании городской милиции в 1917 году (по материалам протоколов заседаний Петроградской городской Думы) // Universum: общественные науки. 2017. № 2 (32). С. 15-20.

13. Шведова В.В. Создание милиции в Василеостровском районе Петрограда в феврале-марте 1917 года // Университетский научный журнал. 2020. № 56. С. 154-160.

14. Константинов С.И. Властные и правоохранительные органы Екатеринбурга в 1917 г. // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 3. С. 59-74.

15. Абрамов Ю.И. Создание Рязанской городской народной милиции временного правительства // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы двадцатой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. Ч. 2. С. 140-141.

16. Пирогов П.П. Правовые основы образования и становления органов милиции временного правительства Мурманского края (февраль-октябрь 1917 г.) // XV Масловские чтения: сборник научных статей (Мурманск, 7-10 декабря 2016 г.). Мурманск: Мурманский арктический государственный университет, 2018. С. 182-189.

17. Кавецкий Д.Б. О подборе кадров для милиции временного правительства в Иркутской губернии весной 1917 года // Становление и развитие полиции Восточной Сибири в XVIII и начале XX вв.: мат-лы межвузовского научно-практического семинара (посвящается 300-летию российской полиции), Иркутск, 21 декабря 2018 г. / отв. ред. А.Н. Шаламова, С.Ю. Грозин. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2018. С. 69-73.

18. Кистанов С.В. Финансовые аспекты формирования милиции Временного правительства на примере Темниковского уезда Тамбовской губернии // Экономическая история. 2020. Т. 16. № 1 (48). С. 42-52.

19. Птицына Г.М. Народная милиция Временного правительства во Владимирской губернии: полномочия и состав // Великая российская революция 1917 года: проблемы истории и проблемы преподавания: сборник статей международной научной конф-ции (Москва, 24-25 апреля 2017 г.). М.: Московский педагогический государственный университет, 2017. С. 247-254.

20. Фирсов И.Ф. Народная милиция Тобольской губернии в период Временного правительства // Альманах современной науки и образования. 2014. № 9 (87). С. 134-137.

21. Управление архива муниципального образования г. Новороссийска (УА МОГН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 835.

Моисеев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России (г. Барнаул)

✉ *moiseev-tpg@rambler.ru*

ДЕЛО «КОМИССАРА» ВАСИЛИЯ АРТАМОНОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНОГО ОТДЕЛА АДМИНИСТРАЦИИ Г. БИЙСКА)

Временное правительство образовало Алтайскую губернию 17 июня 1917 г., в нее входили Барнаульский, Каменский, Бийский, Славгородский и Змеиногорский уезды. 17 декабря 1917 г. в Бийске была установлена власть Советов, созданы органы новой власти – Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Исполнительный комитет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Революционный комитет. В Бийске не происходило вооруженных столкновений, революционные события прошли относительно спокойно. Выполняли свои функции административные учреждения. Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял решение о взыскании со 100 представителей бийского купеческого сословия и зажиточных торговцев около миллиона рублей для формирования отрядов Сибирской красной армии и выплаты заработной платы работникам советских учреждений. В самом Бийске продолжали работать заводы. При этом предприятия, фактически принадлежавшие собственникам, управлялись органами советской власти [5].

27 мая 1918 г. Бийск перешел на военное положение, а 19 июня 1918 г. отряд Сибирской добровольческой армии вошел в город. 20 июня власть в городе при поддержке местной подпольной офицерской организации взяло Сибирское временное правительство. В городе была организована работа контрразведки, создан контрразведывательный пункт, на службу в который поступали местные жители, обладавшие информацией о ситуации в Бийске [5]. В период нахождения у власти Сибирского временного правительства охрану правопорядка осуществляла милиция. Летом 1919 г. был сформирован отряд конных разведчиков, занимавшихся в том числе задержанием и арестом подозрительных лиц для дальнейшего препровождения в тюрьму или милицееское управление. Расследованием дел политических занималась Следственная комиссия [3]. Постановлением Временного сибирского правительства от 6 июля 1918 г. на подконтрольной ему территории были восстановлены судебные учреждения, действовавшие на основании дореволюционного законодательства, функционировали также органы прокуратуры.

В этот период, насыщенный многочисленными событиями, стремительно изменявшими ход истории Сибири, житель города Бийска Василий Артамонов был привлечен в качестве обвиняемого по части 2 статьи 239 и части 2 статьи 1540, а также статьи 1545 Уложения о наказаниях [4]. В сведениях по делу значилось, что Василий Григорьевич Артамонов, как способный уклониться от следствия и суда, содержится под стражей. Сведения о возрасте, звании и наличии судимостей, гражданском иске, допросах, наличии других обвиняемых отсутствовали [1, л. 1-2]. Так начиналось следствие по делу комиссара.

В заявлении в Следственную комиссию Бийского уездного комиссариата Сибирского временного правительства от Правления и членов правления Союза увечных воинов города Бийска говорилось о том, что 27 июня 1918 г. был арестован и заключен в тюрьму член на-

званной организации Василий Григорьевич Артамонов, который лично явился в штаб-квартиру войск Временного правительства. Первоначально Артамонов был обвинен в том, что состоял в Военно-революционном комитете г. Бийска и позволял себе резкие высказывания в адрес властей. Представители Союза выступили в защиту задержанного: «Считаем себя обязанными в защиту нашего товарища доложить Следственной Комиссии, что Артамонов как инвалид настоящей войны, находящийся, как и многие из нас, в состоянии постоянного нервного расстройства, нажитого на фронте, возможно, что резко себя проявлял, но мы свидетельствуем, что резкость эта... никогда не переходила у Артамонова за пределы игры громкими фразами, даже и не понимаемыми им, как человеком малограмотным, не разбирающимся в событиях и привыкшим по-солдатски ретиво исполнять распоряжения и пожелания существующей власти, но он... если не считать лишнего слов, никому вреда не сделал... злоупотреблений и хищений он не совершал и не скрывался и очень бедный в материальном отношении...» [1, л. 4-5]. Председатель Союза увечных воинов города Бийска, члены правления и рядовые члены организации обратились с просьбой в Следственную комиссию об освобождении Артамонова из тюрьмы и о передаче его под их ответственность. В протоколе допроса Артамонова от 27 июня 1918 г. председателем Следственной комиссии при Бийском уездном комиссариате Сибирского временного правительства значилось, что он состоял в военно-революционном комитете, в который попал из любопытства, и большевиком не являлся. Далее Василий Григорьевич заявил, что является потомственным князем, но в паспорте записан как крестьянин, в политической деятельности участия не принимал, а отстаивал интересы Союза [1, л. 5об.]. Следственная комиссия оставила свое решение без изменения, и Артамонов продолжал оставаться под стражей в тюремном замке. Далее последовало новое обращение Союза увечных воинов города Бийска, но уже с просьбой ускорить следствие по делу Артамонова [1, л. 6].

Важным документом для следствия в деле Василия Григорьевича стало удостоверение, выданное председателем Союза увечных воинов, предоставлявшее ему право на получение для нужд организации под расписку денежных сумм [1, л. 8]. Кроме этого, в заключении врача, проводившего обследование психического состояния В.Г. Артамонова, указывалось, что он совершенно здоров и ни в какой дополнительной проверке в специальном медицинском учреждении не нуждается [1, л. 9]. Далее дело было отписано по инстанции и началось детальное расследование деятельности обвиняемого.

В постановлении судебного следователя 3-го участка Барнаульского окружного суда от 18 сентября 1918 г. были отражены новые подробности произошедших событий. Свидетели В.К. Алексеев, Ф.З. Иваненков показали, что В.Г. Артамонов в период нахождения у власти большевиков, представляясь комиссаром, изымал у жителей г. Бийска различные товары, производил незаконные обыски и аресты с дальнейшим содержанием под стражей арестованных. На основании изложенного следователь принял решение о привлечении Артамонова к уголовной ответственности по части 2 статьи 239 и части 2 статьи 1540, а также статьи 1545 Уложения о наказаниях [1, л. 19]. На следующем допросе В.Г. Артамонов признал себя виновным в предъявленных ему обвинениях, а кроме того, и в том, что подписал от имени председателя Исполнительного комитета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и выдал мандат № 87 на имя некоего Герца. Дальнейшее расследование показало, что Артамонов действительно выдал мандат, дававший право его предъявителю на производство арестов, конфискацию оружия с применением насилия и лишения жизни в случае оказания сопротивления. Сам документ был оформлен на бланке Исполнительного комитета от 15 июня 1918 г. с соответствующими реквизитами и предоставлял право това-

ришу Иосифу Герцу печатывать склады, здания, помещения, арестовывать лиц, ведущих контрреволюционную пропаганду или подозреваемых в таковой на всей территории г. Бийска и уезда. При этом предъявитель мандата отвечал за свои действия исключительно перед Исполнительным комитетом [1, л. 31]. Следующим фактом, изобличающим Артамонова как правонарушителя, стали показания секретаря Воинского Присутствия Фомы Салиты, который заявил следователю, что во время переосвидетельствования инвалидов на пенсию Василий Григорьевич в качестве представителя Союза увечных воинов под угрозой наказания оказывал давление на врачей, а иногда и сам подписывал заключения [1, л. 45].

30 декабря 1918 г. судебный следователь 3-го Барнаульского окружного суда принял постановление об окончании расследования по делу В.Г. Артамонова и о передаче его товарищу прокурору по Бийскому уезду [1, л. 48]. Однако в начале января 1919 г. дело было возвращено обратно на доследование и выявление новых обстоятельств в деятельности комиссара Артамонова.

В ходе более детальных допросов свидетелей было установлено, что в освидетельствовании отставных солдат принимали участие многие известные врачи г. Бийска: Карелин, Плотников, Чехов, Васильев, Благовестов, Филиппов, Боржек, Богословский и др. Угрозы Артамонова в создавшейся ситуации они воспринимали вполне реально и вынуждены были подписывать заключения, предполагавшие назначение повышенной пенсии бывшим солдатам. Под воздействием такого агрессивного воздействия врачи признали самого Артамонова нетрудоспособным и имеющим право на пенсию от казны, который до этого времени считался практически здоровым человеком, хотя и имел ранения. Обычно формой шантажа со стороны комиссара были обещания позвонить в Революционный комитет и попросить разрешение на арест того или иного лица. Такого рода угрозы были весьма действенны [1, л. 57].

Материалы, содержащиеся в архивном деле, заканчиваются письмом супруги Василия Григорьевича Натальи в окружной суд с просьбой об изменении обеспечения личности подсудимого в связи с бедственным положением семьи. Последним же документом является письмо Главному кандидату, исполняющему отдельные требования по г. Томску судебного следователя 3-го округа Барнаульского окружного суда от 9 апреля 1919 г. № 491 с требованием о допросе свидетеля Русача [1, л. 70-71].

2 августа 1919 г. в Бийском уезде началось крестьянское восстание, с осени в самом городе начались волнения, спровоцированные в значительной степени карательными действиями администрации Сибирского временного правительства и военных. 9 декабря 1919 г. Советская власть в Бийске была восстановлена.

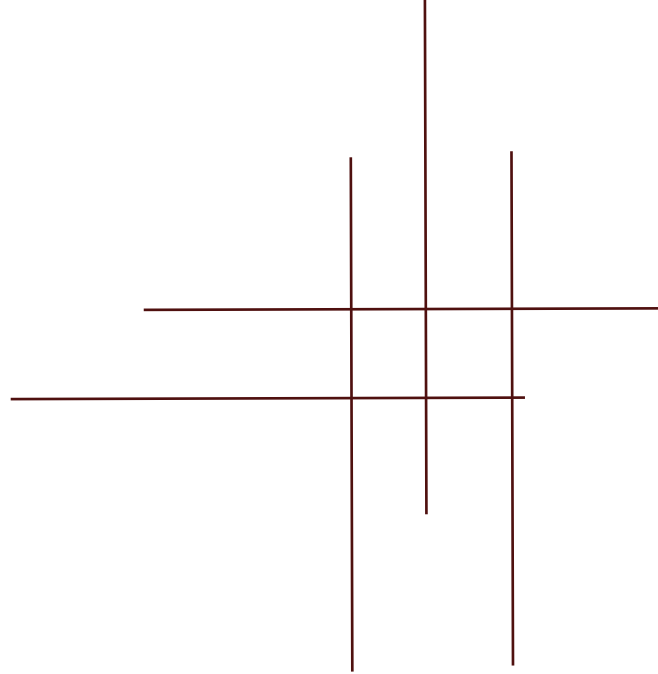
Дальнейшее развитие событий, связанных с «Делом комиссара Артамонова», пока остается неизвестным. Возможно, что он оказался в контрразведывательном пункте и был привлечен к военному суду за пропаганду Советской власти или же, наоборот, оставался в заключении в тюремном замке, из которого был освобожден красноармейцами и вновь приступил к выполнению своих обязанностей. Однако, исходя из анализа архивных материалов, можно утверждать, что следственные органы в период существования Сибирского временного правительства в полной мере выполняли свои функции по раскрытию преступлений и привлечению к ответственности преступников. Артамонов, судя по показаниям свидетелей, являлся мошенником и пытался использовать складывающуюся ситуацию в го-

Летом 1919 г. был сформирован отряд конных разведчиков, занимавшихся в том числе задержанием и арестом подозрительных лиц для дальнейшего препровождения в тюрьму или милицейское управление. Расследованием дел политических занималась Следственная комиссия.

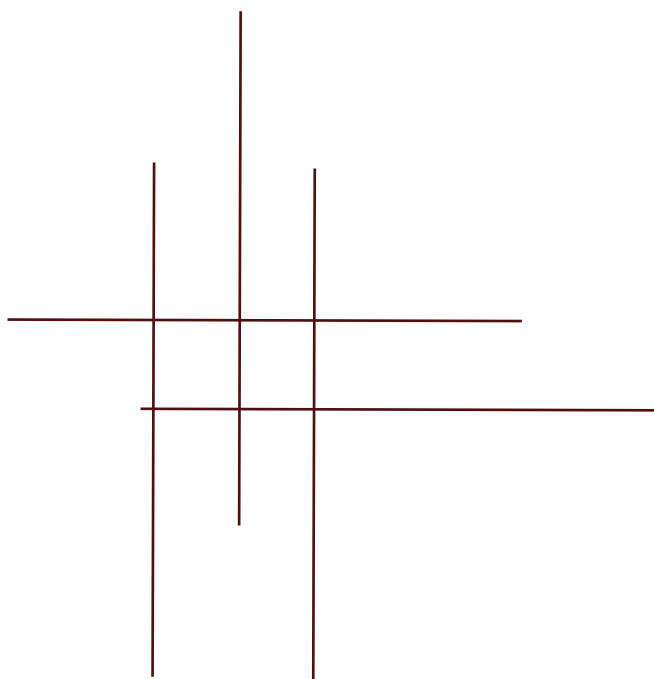
роде для своего личного обогащения вне зависимости от того, какие политические силы находились у власти.

Литература

1. Архивный отдел администрации города Бийска (АОГБ) Ф. Р-28. Оп. 10. Д. 2 (1918-1919).
2. Город над Бией. URL: <https://pandia.ru/text/77/473/32486.php?ysclid=ldrc2w64g6468700530> (дата обращения: 20.12.2022).
3. Постановление Западно-Сибирского комиссариата от 20 июня 1918 года «О следственных комиссиях». URL: https://scepsis.net/library/id_2894.html (дата обращения: 12.11.2022).
4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002889696/?ysclid=ldrfrcznql901507297 (дата обращения: 12.12.2022).
5. Хоцяновская Т. Рассуждение о Гражданской войне как об абсолютном зле человечества. URL: <https://nb22.ru/gorod/byl-li-kolchak-v-bijske-rassuzhdenie-o-grazhdanskoj-vojne-kakobabsolyutnom-zle-chelovechestva.html?ysclid=ldrcedme46338532219> (дата обращения: 15.12.2022).

**Секция «Формирование
и деятельность советской милиции.
Трансформации отечественной
правоохранительной системы
в новейшее время»**

*Климова Оксана Михайловна, кандидат философских наук
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России
(г. Владивосток)*

✉ *klimova.oksana.1973@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Исторические события, произошедшие в стране в первой половине двадцатого века, не могли оставить без изменения существующую правоохранительную систему. Становление и развитие органов правопорядка были неразрывно связаны с теми событиями, которые проходили в стране.

Пришедшее к власти после Февральской революции Временное правительство, исходя из сложившейся непростой ситуации, напуганное развернувшейся революцией, приняло решение о ликвидации органов, которые ассоциировались с царским режимом. Принятые решения об упразднении корпуса жандармов и Департамента полиции (6 и 10 марта 1917 г. соответственно) являлись попыткой уйти от прямой конфронтации с обществом. Была провозглашена замена полиции народной милицией во главе с выборным начальством и подчинением местному самоуправлению [1, с. 263]. Взамен Департамента было учреждено Главное управление, контролирующее земскую и городскую милицию. Однако, проводив политику, направленную на реформирование, Временное правительство всячески пыталось сохранить полицейские кадры. Так, петроградскому начальнику разрешалось не арестовывать бывших чинов полиции и выдавать им разрешение на проживание в Петрограде, а губернским комиссарам – не упразднять сыскные отделения. Таким образом, приняв постановление «Об учреждении милиции» и утвердив положение о Временном положении милиции, правительство пыталось создать силу, способную противостоять революционному движению. Однако большевикам удалось сорвать план укрепления аппарата подавления, они превратили милицию Временного правительства в резерв революционных сил.

Самоустранившись от процесса реформирования, Временное правительство фактически само отдало данный вопрос для решения партии большевиков. С приходом к власти Советов милиция Временного правительства была ликвидирована, на местах работа осуществлялась военно-революционными комитетами и Советами в зависимости от ситуаций.

Как отмечают исследователи, накануне Октябрьской революции криминогенная ситуация в России вызывала сильную озабоченность. Увеличилось количество преступлений против собственности, убийств, вырос рецидив, увеличилась беспризорность, что привело к росту преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Все это поставило перед правительством большевиков задачи, которые требовали срочного решения.

После Октябрьской революции В.И. Ленин поставил задачу заменить кадровую армию и полицию всеобщим вооружением народа. Концепция создания новых правоохранительных органов была положена в основу постановления Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) РСФСР от 28 октября (10 ноября) 1917 г. «О рабочей милиции». В данном документе был закреплён основной принцип строительства милиции – добровольность [2, с. 135]. Отличительной особенностью милиции того времени были сочетание как государ-

ственных, так и негосударственных черт, отсутствие постоянного штата, а также классовый подход при формировании органов. Декларировалось, что милиция находится в ведении Совета рабочих и крестьянских депутатов и должна поддерживаться военными и гражданскими властями [3, с. 35].

Еще в марте 1917 г. В.И. Ленин в «Письмах издалека» рассматривал необходимость формирования пролетарской милиции как важнейшего средства развития и упрочнения революции. При этом он не давал четких инструкций по формированию органов, считая, что рабочий класс с этой задачей справится лучше.

Сложность формирования новых правоохранительных органов заключалась в том, что на плечи милиции легла вооруженная борьба с внутренней и внешней контрреволюцией, она осуществляла реализацию военного коммунизма, содействие внедрению социалистических методов ведения хозяйства, оказание «административного содействия местным органам власти». Формируя милицию как некую временную систему, большевики считали, что причиной совершения преступлений является классовое неравенство, с исчезновением которого, по их мнению, преступность должна исчезнуть.

Следует отметить, что сотрудникам милиции не хватало профессиональных знаний, сформированная по классовому принципу, она включала в себя людей, не только профессионально не подготовленных, но и необразованных.

Всеобщее вооружение населения, недостаточный контроль и отсутствие централизованного подчинения создавали немалые проблемы для новой власти.

В результате 12 октября 1918 г. коллегией НКВД и НКЮ РСФСР была принята инструкция об организации советской рабоче-крестьянской милиции. Согласно инструкции создавался постоянный штат милиции, который выполнял собственные задачи и был независим от Красной Армии. Классовая сущность данного документа отражалась в том, что милиция становилась на защиту в первую очередь интересов рабочего класса и беднейшего крестьянства, а также охрану революционного порядка и гражданской безопасности [4, с. 111]. Общее руководство осуществлялось Главным управлением милиции, которому подчинялись губернские и уездные управления, городская милиция и участковые начальники. В октябре 1918 г. была создана единая система уголовно-розыскных органов под руководством НКВД.

Отличительной особенностью новой структуры являлось ее двойное подчинение. Милиция подчинялась как местным советам, так и общему руководству НКВД. Целью такого подчинения была эффективная координация деятельности милиции в той сложной обстановке, в которой находилась система. Достаточно широкий круг задач, решаемых милицией, включал в себя: контроль за соблюдением гражданами всех директив и распоряжений; содействие государственным органам; поддержание порядка в общественных местах; наблюдение за санитарным благоустройством; выдача удостоверений личности, трудовых книжек, справок, свидетельств; борьба с преступностью. Также на милицию возлагались обязанности по осуществлению дознания по уголовным делам, содействие правосудию.

В годы гражданской войны, индустриализации и коллективизации сотрудники правоохранительных органов находились на переднем крае борьбы за переустройство государства. Решение государственных задач во многом опиралось на органы правопорядка. Борьба с контрреволюцией, преступностью, интервенцией, поддержание порядка – все эти вопро-

Милиция выступала как многофункциональный орган, решавший все задачи, которые возникали в молодом государстве, принимала участие в гражданской войне, борьбе с контрреволюцией, участвовала в построении новой хозяйственной системы, занималась охраной общественного порядка.

сы должна была решать еще не окрепшая система. Это было возможно только при строгом соблюдении всеми законов и порядков, установленных государством.

В 1918 г. выходит постановление «О точном соблюдении законов», которое обязывало всех граждан и должностных лиц строго соблюдать все законы, принятые правительством. Были разработаны инструкции милиционерам, районным начальникам и их помощникам, а также инструкция по применению оружия. Милиция соблюдала военную дисциплину и обучалась военному делу. В целях организации борьбы с преступностью на железных дорогах 21 февраля 1919 г. была создана железнодорожная милиция, 25 июля 1918 г. В.И. Ленин подписал Декрет «Об учреждении речной милиции». 3 марта 1920 г. создано отделение промышленной милиции, что позволило эффективно бороться с расхищением социалистической собственности в промышленности. К октябрю 1920 г. Главное управление милиции состояло из восьми отделов и наделялось чрезвычайными полномочиями. Развитие правоохранительной системы на территории Советской России шло неравномерно. Так, гражданская война прекратила развитие милиции на Южном Урале, медленно формировались органы советской милиции в Сибири. Сложная обстановка в стране требовала принятия серьезных решений. Так, для эффективной борьбы с преступностью на разных направлениях было принято решение об объединении ВЧК и милиции. На должность начальника уголовного розыска назначались опытные сотрудники ВЧК. Постепенно осуществлялась реорганизация милиции.

Таким образом, созданные органы народной милиции решали как общие задачи по охране общественного порядка, так и задачи по внутреннему устройству. Милиция выступала как multifunctional орган, решавший все задачи, которые возникали в молодом государстве, принимала участие в гражданской войне, борьбе с контрреволюцией, участвовала в построении новой хозяйственной системы, занималась охраной общественного порядка.

Литература

1. Колемасов В.Н. Организационно-правовые основы создания советской милиции // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 263-265.
2. Колемасов В.Н. Система профессионального образования Министерства внутренних дел в 1917-1941 гг. // Право и образование. 2013. № 6. С. 134-142.
3. Квачева П.И., Багдасарян С.Д. Становление правоохранительной деятельности, связанной с охраной общественного порядка, в период формирования советского государства // Власть закона. 2013. № 2 (30). С. 34-42.
4. Токарева С.Н. Нормативно-правовые основы создания милиции в 1918 году // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. № 17. С. 110-124.

Иванов Николай Васильевич, кандидат исторических наук, доцент
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)
✉ Ivanov.N.V58@mail.ru

Александрова Надежда Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)
✉ nadyaalex@list.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОРГАНОВ МИЛИЦИИ СССР В НАЧАЛЕ XX В.

События последних лет демонстрируют заметный количественный рост и усложнение вызовов и угроз социальной стабильности в Российской Федерации, которая переживает фазу новой индустриализации. В ряд системных мер по осуществлению неоиндустриальной модернизации в стране ставятся изменения в законодательстве и государственном управлении, нацеленные на инновационный характер развития общества, а в числе условий реализации поставленных стратегических планов определяются укрепление политической системы и правовых институтов, обеспечение внутренней безопасности страны. Вместе с тем не следует игнорировать уже имеющийся исторический опыт СССР в деятельности органов советской милиции, обеспечивавших охрану общественной безопасности, общественного порядка и борьбу с преступностью, когда страна была превращена в одну из самых влиятельных индустриальных держав и смогла выстоять в Великой Отечественной войне.

«Наука государства и права использует доктринальные исследования и в то же время конкретизирует факты и события государственно-правового значения, тем самым обобщая важные вехи истории» [1, с. 10].

Одной из существенных черт, объединяющих этапы советской модели индустриальной модернизации в единый исторический процесс, является определяющая роль государства как главного и единственного субъекта модернизации. Именно в этом контексте милиция как административно-исполнительный орган государственной власти является субъектом процесса трансформации советского общества из традиционного аграрного в индустриальное, охватившего 1930-е – первую половину 1980-х гг. Но милиция выполняла и вносила преобразования в свою систему, что выражалось в изменении образовательного уровня работников милиции, содержания их профессиональной подготовки, научно-технического обеспечения деятельности и т.п.

В контексте модернизации советского общества развитие органов милиции было целостным, сравнительно завершенным процессом, в котором отражались аспекты взаимоотношений общества и власти, функционирования ее местных органов.

На рубеже 1920-1930-х гг. органы милиции и уголовного розыска Чувашской АССР действовали в составе административных отделений 17 райисполкомов под руководством Административной инспекции НКВД Чувашской АССР. Рабоче-крестьянская милиция выполняла функции охраны общественного порядка, внешней охраны различных объектов, оказания содействия другим ведомствам, функция борьбы с преступностью была возложена на уголовный розыск.

В Административную инспекцию НКВД Чувашской АССР входили: старший инспектор – начальник милиции Республики, инспектор административного надзора, инспектор активной части, инспектор секретной части, инспектор регистрационного бюро, инспектор мест заключения, инструктор ЗАГС, делопроизводитель-регистратор [7, с. 10].

Штаты административных отделений исполнительных комитетов районов Чувашской АССР включали, как правило, следующие должности: начальник административного отделения, он же начальник милиции района, инспектор следственно-оперативной части уголовного розыска, агент уголовного розыска, старший милиционер, младший милиционер, делопроизводитель [3, д. 563, с. 12].

По сохранившимся неполным данным, количество преступлений, зарегистрированных на территории Чувашской АССР, в 1931 г. составляло 16 959 [3, д. 610, с. 41], в 1932 г. – 16 988 [3, д. 794, с. 1800], в 1933 г. – 16 182, в 1934 г. – 18 587 [4, с. 258], в 1935 г. – 19 968 [3, д. 1646, с. 143], только к 1936 г. – 10 453 [3, д. 1646, с. 143] преступлений, т.е. только во второй половине 1930-х гг. ценой невероятных усилий работникам милиции Чувашии удалось стабилизировать уровень преступности.

Милиция Чувашской АССР, являясь звеном общесоюзной системы органов внутренних дел, решала задачи, связанные с обеспечением правопорядка, охраной социалистической собственности, борьбой с хищениями государственного и общественного имущества и др.

Органы милиции направляли основные усилия на борьбу с растратами и хищениями, преступлениями против личности, грабежами, скотокрадством, кражами, мошенничеством, подлогами, поджогами, групповыми преступлениями, убийствами, детской преступностью и безнадзорностью, хулиганством.

Органы милиции автономии раскрыли около 12 тыс. преступлений (раскрываемость преступлений – свыше 70%), возбудили 17 тыс. дел, по ним привлекли к ответственности 18 419 чел. [3, д. 844, с. 3]. В качестве опоры для работы органов милиции выступали 336 ОСОДМИЛов (Общество содействия милиции), в состав которых входили 3116 членов [3, д. 23, с. 19].

В начале 1930-х гг. личный состав органов милиции включал 659 работников [3, д. 609, с. 1], из них 14,7% – члены и кандидаты в члены ВКП(б), 6,1% – члены ВЛКСМ, 79,2% – беспартийные; 73% – чуваша, 0,9% – татары, 1,4% – мордва, 24,7% – русские; 46,6% – срок службы до одного года, 35,2% – срок службы от одного до трех лет, 11,5% – срок службы от трех до шести лет, 4,7% – срок службы от шести до девяти лет, 1,1% – срок службы от девяти до двенадцати лет, 0,9% – срок службы от двенадцати лет и выше; 0,9% – служили в старой армии, 82,8% – служили в Красной Армии, 15,3% – не служили; 0,4% – имели высшее образование, 1,8% – окончили школу старшего начсостава, 2,4% – окончили школу среднего начсостава, 3,2% – прошли обучение на специальных курсах рабоче-крестьянской милиции [3, д. 584, с. 69]. На 1 февраля 1932 г. личный состав милиции насчитывал 522 чел. [3, д. 1192, с. 23]. Согласно отчетным данным за третий квартал этого же года, социальное положение работников милиции выглядело следующим образом: колхозники – 488 чел. (73,9%), служащие – 93 (14%), не колхозники – 46 (7%), рабочие – 34 чел. (5,1%). Среди них 185 чел. (28%) членов и кандидатов в члены ВКП(б), членов ВЛКСМ – 61 чел. (9,3%) [3, д. 609, с. 73].

На 25 января 1935 г. личный состав милиции после проведенных аттестаций был сокращен до 311 чел., среди них: с высшим образованием – 1 (0,3%), средним – 12 (3,9%), низшим – 38 (12,2%), специальным военным образованием – 20 чел. (6,4%) [3, д. 1841, с. 98], а на 25 декабря 1936 г. личный состав милиции насчитывал 203 чел., среди них: грамот-

ных – 179 (88,2%), малограмотных – 24 (11,8%); в возрасте до 21 года – 1 (0,5%), от 20 до 40 лет – 197 (97%), от 40 лет и более – 5 (2,5%) [3, д. 1841, с. 100].

На 25 декабря 1939 г. личный состав милиции с учетом нагрузок, увеличения населения на территории Чувашии и новых штатных единиц, которые были введены в милиции, насчитывал 660 чел., среди них: члены ВКП(б) – 166 (25,1%), члены ВЛКСМ – 327 чел. (49,5%) [5, с. 26], что отвечало предъявляемым требованиям того времени.

Спустя более полувека, к середине 1980-х годов, структура местных органов милиции включала Управление милиции МВД Чувашской АССР, 21 районный отдел милиции при исполкомах Советов народных депутатов, три районных отдела милиции в г. Чебоксары, которые находились в непосредственном подчинении МВД Чувашской АССР. Такая структура включала соответствующие подразделения патрульно-постовой службы, уголовного розыска, ОБХСС, инспекций по делам несовершеннолетних и др. Милиция Чувашской АССР, являясь звеном общесоюзной системы органов внутренних дел, решала задачи, связанные с обеспечением правопорядка, охраной социалистической собственности, борьбой с хищениями государственного и общественного имущества и др.

В 1985 году работники милиции рассмотрели 23 300 заявлений и сообщений [6, д. 198, с. 26]. Всего было зарегистрировано 9977 преступлений, из них 8689 раскрыты (раскрываемость преступлений – 87,0%), по ним возбуждено 7775 уголовных дел, 15 525 – отказано в возбуждении уголовного дела по разным основаниям. По раскрытым преступлениям было выявлено 8856 лиц, совершивших преступления, к уголовной ответственности привлечены 7119 чел., из них 738 несовершеннолетних [7, с. 9].

С участием членов добровольных народных дружин было проведено 3302 рейда, задержаны 678 преступников, раскрыто 748 преступлений, предупреждено 19 630 правонарушений, предотвращено 160 преступлений [8, с. 34].

Если смотреть по службам, то по линии уголовного розыска было зарегистрировано 6487 преступлений, из них 5290 раскрыты (раскрываемость – 81,5%); БХСС выявлено 975, из них раскрыто – 975 (раскрываемость – 100%); других служб зарегистрировано – 2515, из них раскрыто – 2424 (раскрываемость – 96,3%) [6, д. 198, с. 9], т.е. основную нагрузку по раскрытию преступлений несли работники уголовного розыска, было выявлено 5235 лиц, совершивших преступления по линии УР, из них к уголовной ответственности привлечены 4514 чел.; БХСС – 1153, к уголовной ответственности привлечен 501 чел., других служб – 2468, к уголовной ответственности привлечен 2101 чел. [6, д. 198, с. 9].

В открытых архивных фондах имеются лишь фрагментарные сведения, позволяющие реконструировать социальный облик личного состава органов милиции Чувашской АССР в середине 1980-х гг. Тем не менее определенное впечатление можно составить, опираясь на следующие данные. В 1982 г. было аттестовано 2399 работников милиции, из них 2571 чел. был поощрен, в т.ч. орденами и медалями – 76 чел., знаком «Отличник милиции» – 240 чел. На городские и районные доски почета были занесены имена 13 чел. Обеспеченность работников милиции благоустроенным жильем составляла 68% (92 чел. проживало в общежитиях, 386 чел. – на частных квартирах) [6, д. 47, с. 74]. На 1 января 1985 г. в аппарате БХСС работали 106 чел., из них с высшим образованием – 66 (62,2%), в т.ч. юридическим – 46 (69,6%), со средним специальным образованием – 35 (33,0%), в т.ч. юридическим – 15 (14,1%) [2, с. 96-97].

Одной из существенных черт, объединяющих этапы советской модели индустриальной модернизации в единый исторический процесс, является определяющая роль государства как главного и единственного субъекта модернизации.

Приведенные данные свидетельствуют о масштабных изменениях, произошедших в организации и функционировании органов милиции в 1930-х и первой половине 1980-х гг. Ее деятельность может оцениваться как важная составная часть осуществления институционализации органов милиции СССР, включая всю систему советской модернизации государства и права.

Литература

1. Александрова Н.В., Сильвестрова Т.Я., Иванов Н.В. Деятельность добровольных народных дружин в первой половине 80-х годов XX века по укреплению общественного порядка (на материалах Чувашской Республики) // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 2 (44). С. 110-113.
2. ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 58. Д. 128.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-599. Оп. 1.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-599. Оп. 2. Д. 211.
5. ИЦ МВД по ЧР. Ф. 107. Оп. 2. Д. 16.
6. ИЦ МВД по ЧР. Ф. 102. Оп. 1.
7. ИЦ МВД по ЧР. Ф. 134. Оп. 2. Д. 1.
8. Солдаты порядка: о делах и людях чувашской милиции. Чебоксары, 1986.

Кокоев Хетаг Маратович

Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)

Самарский Александр Николаевич

Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)

✉ samarsky_an@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ В XX В.

Идея реформирования советской милиции была предложена Петром Аркадьевичем Столыпиным, который понимал необходимость и важность изменений в структуре центрального аппарата. Данная реформа была нацелена прежде всего на поднятие престижа советской милиции. На тот момент основными задачами милиции были охрана общественного порядка, общественной нравственности, а также обеспечение личной безопасности граждан. Нестабильная политическая обстановка в начале XX в. не позволила воплотить все задуманные проекты в реальность [4, с. 84].

Результатом окончания Февральской революции стали ликвидация самодержавия и переход власти в руки Временного правительства. Милиция, созданная постановлением НКВД «О рабочей милиции», представляла собой форму общественного объединения трудящихся, которые были нацелены на обеспечение революционного порядка в стране. Стоит отметить, что еще не было создано каких-либо конкретных форм устойчивого милицейского аппарата [4, с. 85-86].

На милицию был возложен большой круг задач. Условно его можно разделить на три группы. Отметим базовую роль милиции – необходимость поддержания не только государственного, но и общественного строя. Не стоит забывать и про поддержание и сохранение порядка в общественных местах, например на улицах, площадях. Необходимо выделить еще одну из важнейших задач – это организация борьбы с преступностью [4, с. 115].

Одним из новшеств в деятельности милиции стало утверждение постановления Совета труда и обороны об утверждении численного состава милиции и привлечении новых сотрудников. Мы понимаем, что такие изменения были сделаны с целью укрепления кадрового состава милиции. Но были сделаны и ошибки в реформировании милиции. Например, в целях сокращения государственных расходов содержание милиции перешло на провинциальные бюджеты, что привело к сокращению числа сотрудников, а также к ухудшению их материального положения [4, с. 117].

В годы Гражданской войны продолжается формирование основных элементов милиции. В целях поддержания и обеспечения революционного порядка на железных дорогах было создано постановление «Об организации железнодорожной милиции и железнодорожной охраны». Естественно, что с добавлением нового элемента расширяется круг задач милиции, а именно охрана революционного порядка и безопасности при обслуживании железных дорог. Также большое значение в период Гражданской войны приобретают задачи по охране фабрик, заводов, шахт. Это было связано со слабой организацией и охраной, которая существовала на предприятиях, что создало угрозу для преступных посягательств в данный период [5, с. 4-14].

Необходимо отметить, что возникла потребность в повышении роли и эффективности деятельности советской милиции. Существовали различные мнения по поводу решения данной проблемы. Итак, одной из возможностей решения стало развитие патрульной и постовой служб, которые получили широкое распространение на всей территории. Патрульная и постовая службы следили за действиями граждан, которые были направлены прежде всего против советской власти, а также осуществляли контроль за поддержанием дисциплины, что выразилось в контроле за соблюдением всех нормативных правовых актов, принятых советской властью, а именно декретов, директив, гражданами.

В рассматриваемый период органы были вынуждены выполнять не свойственные им функции. Например, помощь при взыскании продовольственного налога, принятие мер по исполнению судебных приговоров, что в настоящее время возложено на федеральную службу исполнения наказаний. Прибавление данных функций создало трудности для стабильной работы милиции по выполнению первоочередных и основных задач [1].

Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. был образован общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел. НКВД можно по праву назвать центральным органом управления в СССР. Именно его деятельность имеет большое значение, особенно в годы Великой Отечественной войны. Народный комиссариат внутренних дел осуществлял поддержку не только внутренним войскам, но и пограничным. Несмотря на различные мнения о деятельности НКВД, мы можем уверенно сказать, что в НКВД были самые лучшие разведчики. Стоит отметить, что разведка является мощным инструментом воздействия на врага. С помощью разведки удалось скорректировать дальнейший ход действий. Сотрудники НКВД

Сотрудники милиции принимали присягу. Работникам милиции присваивались специальные звания в соответствии с действующим законодательством, выдавались установленного образца служебные удостоверения и форменная одежда.

с честью выполняли свой служебный долг, что позволило внести большой вклад в победу над врагом [3].

С целью укрепления советской разведки Народный комиссариат внутренних дел СССР и Народный комиссариат государственной безопасности СССР взаимодействовали в годы Великой Отечественной войны. Уже к 1943 г. было учреждено Главное управление контрразведки, деятельность которого была направлена на выявление агентов и диверсантов, подрывающих деятельность советской армии в период боевых действий. Впоследствии одним из важнейших направлений деятельности милиции стала борьба с дезертирством, фальшивомонетчиками.

В 1935 г. колония была передана НКВД из Народной судебной комиссии Федеративной Советской Республики, и лица, которые были приговорены к тюремному заключению сроком менее трех лет, были приговорены к пожизненному заключению, а также образован новый тип учреждения для исполнения приговоров особо опасным преступникам (тюрьмы) [3].

В период процесса ускоренной индустриализации промышленности и коллективизации принятые в конце 1920-х гг. меры привели к тому, что государство опиралось прежде всего на использование труда граждан, который, как правило, носил принудительный характер. Данная волна никак не могла не затронуть деятельность органов милиции, которые вскоре предприняли определенные меры.

В 1932 г. было принято постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперативов и укреплении общественной (социалистической) собственности». Вводилась смертная казнь за растрату, что было крайне справедливо в связи с трудностями, которые сложились в данный период. Например, данные трудности дошли и до работников в городах и поселках. Все это породило такое явление, как спекуляция. Дан-

ное явление не прошло бесследно для советской власти. Вскоре были предприняты меры по смягчению и дальнейшей ликвидации данного явления. Было регламентировано суровое наказание за спекуляцию, а именно лишение свободы на срок не менее пяти лет с обязательной конфискацией имущества, что существенно повлияло на сознание людей [4].

Роль Феликса Дзержинского, который стал Народным комиссаром внутренних дел в марте 1919 г., в улучшении организации и деятельности милиции велика. Благодаря его деятельности приняты меры по развитию милиции и повышению эффективности ее деятельности. Деятельность Дзержинского началась с ВЧК, в котором он был председателем. Комитет прежде всего занимался борьбой со шпионажем, а также стоит отметить деятельность по разоблачению саботажников. Его образ стал символом человека, способного на решение наиболее важных проблем, которые непосредственно касаются жизни общества и государства [2].

10 июля 1934 г. проводилось специальное совещание, участниками которого стали советский прокурор и заместители НКВД СССР. Участникам «собраний» были предоставлены определенного рода привилегии, например право на депортацию, которая могла быть осуществлена как в пределах, так и за пределами Советского Союза.

В тридцатые годы в крупных промышленных центрах начали формироваться отряды ночной охраны. Их основная задача была связана с патрулированием в ночное время по заранее установленным маршрутам. Патрулирование могло осуществляться как пешком, так и на автомобилях.

Необходимо отметить, что, несмотря на значимую роль органов милиции по охране общественного порядка, вскоре были обнаружены серьезные проблемы по выполнению поставленной задачи. В данном вопросе у многих историков разделилось мнение. Некоторые считали, что это было связано с недостаточным количеством милицейских постов. Другие же полагали, что на это оказывает влияние отсутствие контроля со стороны непосредственного руководства [4].

Проблема по обеспечению охраны общественного порядка оказалась довольно актуальной к двадцатым годам и весьма живучей. И в первую очередь главная ошибка – использование патрульных и постовых войск для других целей. В 1937 г. около 20% имеющегося персонала было поставлено на посты.

Как нам известно, 1 сентября 1939 г. принимается закон «О всеобщей воинской обязанности», это было сделано с целью обеспечения комплектования Вооруженных Сил страны, для чего было необходимо осуществить перевод Вооруженных Сил на единый принцип деятельности. Возникла острая необходимость для строгого учета призывников, что непосредственно и легло на плечи органов милиции. На каждой территории военно-учетные столы выявляли лиц, которые самовольно покинули местность, а также были обнаружены лица, которые не состояли на воинском учете. К началу 1941 г. ряды Вооруженных Сил страны значительно увеличились благодаря усилиям органов милиции [6].

На службу в милицию мог прийти любой гражданин СССР, способный по своим личным, моральным и деловым качествам, образованию и состоянию здоровья выполнять возложенные на него обязанности. Сотрудники милиции принимали присягу. Работникам милиции присваивались специальные звания в соответствии с действующим законодательством, выдавались установленного образца служебные удостоверения и форменная одежда.

На милицию был возложен большой круг задач. Условно его можно разделить на три группы: необходимость поддержания не только государственного, но и общественного строя; поддержание и сохранение порядка в общественных местах; организация борьбы с преступностью.

Развитие советской милиции происходило на протяжении долгого времени. В этот период произошло сокращение личного состава, финансирования на нужды советской милиции. А уже с 1 марта 2011 г. милиция была упразднена в России. С таким предложением 6 августа 2010 г. выступил Президент РФ Владимир Владимирович Путин. Федеральный закон «О полиции», принятый 7 февраля 2011 г., позволил осуществить совершенствование системы правоохранительных органов, противодействия преступности, а также сохранить устоявшиеся традиции советской милиции и ныне существующей российской полиции.

Литература

1. Андреева И.А., Зайцева Е.С. История органов внутренних дел: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2017. 276 с.
2. Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. История советской милиции: монография / под ред. Р.С. Мулукаева. М.: Акад. упр. МВД России, 2015. 190 с.
3. История органов внутренних дел России: учебное пособие / А.Д. Гуляков, В.Н. Колемасов, А.В. Лобанов, Н.И. Свечников, А.А. Грачев; под общ. ред. В.В. Гошуляка. Пенза: Изд-во ПГУ, 2018. 216 с.
4. Органы внутренних дел России: история становления и развития: учебное пособие / под ред. А.Г. Фастова. Волгоград: ВА МВД России, 2005.
5. Шахматова М.А., Шахматов А.В. Организационно-правовые основы становления, организации и деятельности советской милиции в 1917-1934 годах // Мир юридической науки. 2010. № 11. С. 4-14.
6. Шепарнева А.И. История органов внутренних дел: учебное пособие / А.И. Шепарнева. Орел: ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова, 2015. 142 с.

*Грошевая Виктория Константиновна, кандидат юридических наук, доцент
Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Дзержинского (г. Донецк)
✉ vik-groshevaya@mail.ru*

ОБРАЗОВАНИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ МИЛИЦИИ УССР В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА УКРАИНЕ

В начале XX столетия в УССР происходили глобальные изменения как в экономике, так и в организационно-правовой структуре правоохранительных органов. Сложившиеся внешние и внутренние факторы, война с Польшей, внутренние вооруженные противостояния требовали от советского руководства уделить повышенное внимание обеспечению безопасности на транспорте.

С этой целью 21 мая 1919 г. Временное рабоче-крестьянское правительство УССР впервые рассмотрело вопрос о создании на Украине железнодорожной милиции. 18 июня 1919 г. было принято соответствующее постановление Совета народных комиссаров «Об организации железнодорожной милиции», опубликованное 29 июня этого же года.

Стоит отметить, что, несмотря на межведомственные разногласия, связанные с желанием Наркомата путей сообщения (далее – НКПС) подчинить себе железнодорожную милицию, указанный нормативный акт окончательно закрепил направление на централизацию всех видов милиции, передав железнодорожную милицию в подчинение НКВД УССР [5, с. 18].

Постановлением Совета народных комиссаров УССР от 29 июня 1919 г. было принято положение «Об организации железнодорожной милиции», в котором указывалось, что «в целях поддержания революционного порядка на железных дорогах, обеспечения безопасности передвижения граждан и охраны всех видов народного достояния в полосе отчуждения железных дорог Украинской Советской Социалистической Республики учреждается советская рабоче-крестьянская железнодорожная милиция» [2, с. 21].

В марте 1920 г. постановлением НКВД для руководства всеми видами милиции на Украине: общей, железнодорожной, речной, морской и уголовно-розыскной, при Народном комиссариате внутренних дел было учреждено Главное управление советской рабоче-крестьянской милиции (далее – Главмилиция) [4].

В структуру отдела железнодорожной милиции Главного управления входило пять линейных управлений: Юго-Западное (общая протяженность железной дороги 2801 верста), Южное (2530 верст), Одесское (1586 верст), Катеринославское (2137 верст), Донецкое (2532 версты), а также районные и участковые управления [7, с. 54-55].

При исследовании данной темы обнаруженное нами в архивных документах положение 1920-х гг. «О рабоче-крестьянской железнодорожной милиции УССР» указывает, что «для охраны железнодорожного порядка, имущества грузов и обеспечения безопасности граждан на железных дорогах УССР учреждается рабоче-крестьянская советская железнодорожная милиция, находящаяся в ведомстве НКВД» [1].

Согласно положению при Главном управлении рабоче-крестьянской милиции НКВД был учрежден отдел железнодорожной милиции как высший руководящий орган советской железнодорожной милиции.

На каждой железной дороге учреждались линейные управления железнодорожной милиции с присвоением наименования обслуживаемых железных дорог, определяющих порядок управления милиции на протяжении своей дороги. Линейные управления строго руководствовались в своих действиях циркулярами и распоряжениями железнодорожного отдела Главного управления милиции.

Линейное управление железнодорожной милиции каждой железной дороги разбивалось на районы и участки с учреждением в них соответствующих управлений при более крупных по движению станциях.

Состав и количество линейного управления железнодорожной милиции определялись железнодорожным отделом Главмилиции совместно с Народным комиссариатом путей сообщения и утверждались Главмилицией.

На каждой дороге состав и количество районов железнодорожной милиции определялись линейным управлением данной дороги совместно с управлением дороги и утверждались железнодорожным отделом Главмилиции.

Советскую рабоче-крестьянскую милицию составляли: железнодорожный отдел Главмилиции, управления линейные, районные и участковые с командным составом, техническим штабом, личным составом старших и младших милиционеров, а также агентов уголовного розыска.

Для усиления охраны отдельных пунктов для сопровождения поездов артельщиков и арестованных и т.д. при районных и участковых управлениях учреждались особые резер-

вы, размер которых утверждал железнодорожный отдел Главмилиции по представлению линейного управления.

В целях правильного и равномерного выполнения возлагаемых на железнодорожную милицию обязанностей управление последней организовывалось при станциях. Предоставление для их нужд помещений возлагалось на НКПС. Расходы на содержание помещения, освещение и оборудование производились на средства НКПС за счет НКВД.

Члены железнодорожной милиции при исполнении своих служебных обязанностей пользовались беспрепятственным и бесплатным проездом на всех видах поездов.

Для борьбы с систематическими хищениями на железных дорогах и другими уголовными преступлениями при линейных управлениях и управлениях районов были организованы отделы уголовного розыска, а при управлениях участковых организовывались уголовные столы.

Для снабжения железнодорожной милиции всем необходимым, ведения и наблюдения за хозяйством при линейных управлениях районов организовывались хозяйственные части.

Расходы по содержанию железнодорожной милиции оплачивались из средств, ассигнуемых из государственного казначейства по смете Комиссариата внутренних дел.

Все члены советской рабоче-крестьянской милиции при исполнении своих служебных обязанностей носили установленную общую для всей республики форму и снабжались оружием, порядок пользования которым определялся Главным управлением советской рабоче-крестьянской милиции.

Основными задачами подразделений железнодорожной милиции в тот период развития страны являлись обеспечение порядка и социалистической законности, борьба с кражами и расхищениями, а также охрана грузов, перевозимых по железной дороге.

В положении «О рабоче-крестьянской железнодорожной милиции УССР» определялся порядок назначения, увольнения членов железнодорожной милиции, а также замещения должностей.

Железнодорожная милиция исполняла все обязанности и пользовалась всеми правами общей милиции, закрепленными в общих инструкциях. Кроме того, железнодорожная милиция выполняла специальные обязанности по охране революционного порядка и безопасности, вызываемые особенностями жизни в районе железнодорожной милиции. К компетенции ведения железнодорожной милиции относились: борьба с кражами и другими преступлениями на станциях и в пути; борьба с хищениями железнодорожного имущества; борьба со спекуляцией на железных дорогах; охрана порядка при скоплении публики на вокзалах и в поездах; охрана железнодорожных мастерских, депо; надзор за чистотой в пути и охраной подвижного состава; оказание помощи при крушениях и продолжительных остановках; призыв населения для очистки и исправления на пути в случаях заносов, наводнения, крушения и других чрезвычайных ситуаций; вызов войск в случаях, предусмотренных особыми инструкциями; препровождение арестованных из соответственных организаций по месту назначения.

Подробное разграничение функций отдельных членов железнодорожной милиции определялось особыми инструкциями и приказами Главного управления милиции и утверждалось НКВД по соглашению с НКПС и другими комиссариатами по принадлежности.

В связи с осложнившимся военным положением советской республикой принимались серьезные меры по военизации милиции. Так, с 15 мая 1920 г. состоящая в ведении НКВД железнодорожная милиция временно подчинялась в оперативном отношении начальнику Войск обороны железных дорог [6].

В сентябре 1920 г. СНК УССР утвердил новое Положение о рабоче-крестьянской милиции, согласно которому милиции придавалось значение вооруженных частей особого назначения [5, с. 21]. Однако указанным положением организация и деятельность железнодорожной милиции не регламентировались, а регулировались отдельным положением, утвержденным СНК УССР [6, с. 35-36].

Таким образом, железнодорожная милиция являлась исполнительным органом рабоче-крестьянской центральной власти на местах и подчинялась НКВД. Ее создание в период становления советской власти на Украине было обусловлено многими внешними и внутренними факторами, такими как внешнеполитическая напряженность, внутренние вооруженные противостояния. Это требовало от советского руководства уделить повышенное внимание обеспечению безопасности на транспорте. Структура железнодорожной милиции формировалась с учетом управления железными дорогами по территориальному принципу. На каждой железной дороге организовывалось управление железнодорожной милиции, а на линии – районные и участковые учреждения милиции. Основными задачами подразделений железнодорожной милиции в тот период развития страны являлись обеспечение порядка и социалистической законности, борьба с кражами и расхищениями, а также охрана грузов, перевозимых по железной дороге. Благодаря своей специфичности и многообразию функций железнодорожная милиция занимала особое место в обеспечении правопорядка в период становления советской власти на Украине.

Литература

1. Государственный архив Донецкой Народной Республики. Ф. 2302. Оп. 1. Д. 1. Л. 30, 30об, 31.
2. История транспортной милиции Донбасса / сост. А. Рудавин. Донецк: Юрпресс, 2001. 368 с.
3. Об утверждении п. 1 § 1 постановления Совета Украинской Трудовой Армии о железнодорожной милиции: постановление Совета Народных Комиссаров № 197 // Собрание Указаний и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Украины и Уполномоченных Р.С.Ф.С.Р. № 11. 23 мая – 2 июня 1920 г.
4. Об учреждении Главного Управления Советской Рабоче-Крестьянской Милиции: постановление НКВД № 80 // Собрание Указаний и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Украины и Уполномоченных Р.С.Ф.С.Р. № 5. 26 марта – 1 апреля 1920 г.
5. Рабоче-Крестьянская Советская милиция УССР в период иностранной военной интервенции гражданской войны (конспект лекций) / сост. доцент А.И. Рогожин. Харьков: Харьковский юридический институт, 1964. 32 с.
6. Тимченко А.П. Правовые основы организации и деятельности милиции Украины в 1917-1941 гг.: учебное пособие. Луганск: РИО ЛИВД, 1998. 86 с.
7. Шевченко А.Є. Організаційно-правові аспекти становлення та адміністративної діяльності спеціальних підрозділів НКВС України на транспорті у кінці 20-х – середині 40-х рр. XX ст.: монографія. Київ: Національна академія наук України, інститут історії України, 2005. 472 с.

Кузнецов Денис Евгеньевич, кандидат исторических наук

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

✉ goodjobman@inbox.ru

Недров Владимир Владимирович

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Барнаул)

✉ nedrov.vv@gmail.com

ОРГАНИЗАЦИЯ МИЛИЦИИ СИБИРИ ПО ВОЕННОМУ ОБРАЗЦУ В 1919-1921 ГОДАХ: ПРИЧИНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В современных условиях правоохранительным органам Российской Федерации, в частности полиции и Росгвардии, приходится сталкиваться с выполнением широкого спектра задач. Условия их выполнения часто приближены к боевым и могут быть связаны с риском для жизни, в т.ч. сюда следует отнести отдельную группу задач, продиктованных проведением специальной военной операции. Подобная ситуация не уникальна для российской истории.

В период становления советской власти в Сибирском регионе объем и характер задач, стоящих перед милицией, выходили далеко за рамки ее фактического предназначения. Части Красной Армии по мере продвижения фронта не отвлекались на обеспечение правопорядка на освобожденных территориях. Данная задача возлагалась на милицию. Являясь часто единственным силовым инструментом в руках молодой советской власти на местах в недавно освобожденном регионе, фактическое применение милиции не ограничивалось выполнением функций по исполнению декретов и распоряжений центральных и местных властей, осуществлением охраны общественного порядка и противодействием уголовной и политической преступности на обслуживаемых территориях, перед подразделением ставились боевые задачи, от успешности реализации которых во многом зависело дальнейшее развитие событий в масштабах всего региона.

На деле подразделения милиции приходилось сталкиваться с вооруженными бандформированиями, имевшими определенную организационную структуру, своих лидеров и главварей, осуществлявших непосредственное руководство преступной активностью. В подобных условиях милицейскими подразделениями планировались и проводились боевые операции. Вместе с тем милиция представляла собой нерегулярные рабоче-крестьянские вооруженные отряды, которые были не в состоянии выполнять военные функции и эффективно обеспечивать общественный порядок, бороться с преступностью. Совершенно очевидно возник вопрос о необходимости создания штатных государственных органов охраны общественного порядка, которые были бы построены на профессиональных началах [11, с. 156].

Конкретный исторический период требовал наличия у правоохранителей специальных навыков ведения боевых действий, тактической и огневой подготовки, а также специальных армейских навыков и умений. Сами подразделения должны были соответствовать характеру выполняемых задач как в организационно-штатном построении, так и по уровню материально-технического обеспечения.

Одним из первых шагов в данном направлении следует считать Декрет Совнаркома РСФСР от 3 апреля 1919 г. «О советской Рабоче-Крестьянской милиции», в соответствии с которым на милицию распространялось действие Дисциплинарного устава Красной Армии. Декретом Совнаркома РСФСР от 30 апреля 1919 г. № 13 предлагалось приступить к военной подготовке милиции, вместе с тем по состоянию на первое полугодие 1920 г. почти ни в одном месте в Сибири указанная подготовка не велась, и милиция с военным делом не была знакома. Показательно, что во время демонстраций гражданская публика шла стройнее милиции [2, л. 24об.].

Одновременно с этим милиция фактически рассматривалась как армейский резерв. Так, наряду с главной задачей по охране общественного порядка основной работой милиции в период ее существования до 1921 г. была помощь Красной Армии.

10 июня 1920 г. было утверждено положение о рабоче-крестьянской милиции, нормативно закрепившее статус милиции. Его вступление в силу ознаменовало активизацию на территории Сибири мероприятий по организации повседневной деятельности милиции по армейскому образу и подобию [12, с. 135]. Подобными действиями преследовалась цель формирования боеспособных отрядов, способных к выполнению в пределах вверенных им территорий боевых задач, в т.ч. ликвидации бандитских групп, профилактике народных волнений и выступлений, общему усилению охраны порядка.

Предписывалось приступить к строевым и тактическим занятиям, руководствуясь уставами, строевым, гарнизонным, внутренним полевым наставлением. Для стрельбы – наставлением по изучению винтовки, наставлением по воинскому инженерному делу [3, л. 3].

В подразделениях милиции вводились журналы боевых операций, обязательное строевое обучение. Вводилась строгая единообразная отчетность по формам Красной Армии [4, л. 32-33], что не только во многом упрощало анализ деятельности милиции, но и облегчало взаимодействие с армейскими подразделениями. Применялась единая терминология, что способствовало взаимному пониманию процессов, осуществляемых внутри подразделений.

Процесс перестроения происходил не всегда гладко. Так, во время борьбы с бандитами отряды милиции вели наступление и преследование бандитов неорганизованно, «кучей», что вело к бесполезным жертвам. Подобные явления ярко давали понять, что вопрос, связанный с ознакомлением с военным делом, был налажен плохо. Не применялась разведка. Руководство операциями не всегда обладало достаточным на то опытом [5, л. 49].

Отдельным направлением работы являлось достижение необходимого уровня дисциплины личного состава, который среди милиционеров и сотрудников милиции был крайне низким. Подчиненные манкировали занятиями, вступали с начальством в пререкания, прямо отказывались от исполнения служебных обязанностей и распоряжений [4, л. 30-31об.]. Подобные факты, естественно, негативно влияли на боеспособность подразделений и требовали скорейшего искоренения.

Из документов с мест ярко характеризовалось полнейшее отсутствие дисциплины среди милиции, а в некоторых местах – позорная трусость при столкновении с бандитами. Так, верхолупская милиция в количестве 23 человек при столкновении с бандитами в местечке Талайского улуса разбежалась, в результате погибли 5 человек, наилучших и преданных товарищей [5, л. 48об.].

Руководством осознавалась необходимость налаживания в рядах милиции строгой воинской дисциплины и субординации, правовую основу которых составляли уставы и постановления, принятые в войсках. Так, устав о дисциплинарных наказаниях, разработанный Главным управлением милиции, создавался в соответствии с воинским дисциплинарным

уставом, что подчеркивало статус милиции как вооруженного исполнительного органа советской власти, наделенного широкими охранными функциями [10, с. 84].

В дисциплинарном порядке милиционеры подвергались различным видам наказаний, в т.ч. аресту и увольнению со службы [6, л. 160]. Отсутствие дисциплины прослеживалось и в повседневной деятельности милиции. Так, на местах были распространены факты присвоения названий, не установленных декретами Советской власти. Например, начальники районов и управлений именовали себя комиссарами, свои управления – штабами, районные канцелярии – комиссариатами [7, л. 81-81об.].

Ввиду милитаризации милиции и введения в последней распорядка воинских частей для командного состава милиции устанавливались нарукавные отличительные знаки. Их отсутствие в период исполнения служебных обязанностей считалось нарушением [8, л. 47об.].

Правилами ношения предусматривалось: под щитом отдельно на рукаве нашивались по принадлежности ромбы, диски или полудиски, не более 1 сантиметра. Для всех видов милиции кайма ободка, звезды, венчика, молота и серпа делалась защитной. Общий фон щита, равно как и ромбы, диски и полудиски, устанавливался красным. Внутри небольшой щит делался только красным с черной обводкой, коей обрисовывался также и бант внизу венчика, на концах которого помещались буквы «РСФСР» белого цвета.

Как командному составу, так и милиционерам вменялось в обязанность твердо знать отличительные знаки и уметь распознать по ним лиц, их носящих. Использование иных не предусмотренных отличительных знаков воспрещалось. Кроме нарукавных отличительных знаков, командному составу вменялась обязанность ношения установленных нагрудных знаков [8, л. 48]. К единообразию в соответствии с инструкцией и декретами советской власти приводились также печати и штемпеля [7, л. 81-81об.].

Руководство на местах сталкивалось с объективными препятствиями в исполнении плана по милитаризации милиции. К их числу следует отнести дефицит опытных с военной точки зрения сотрудников, имевших опыт боевых действий в составе воинских подразделений. Командиры, ответственные за организацию процесса, часто не имели военной подготовки. Попытки решения данной проблемы предпринимались за счет выездных инструктажей. Кроме того, на службу в милицию охотно принимались демобилизованные красноармейцы.

Другая проблема относилась к специфике Сибирского региона – территориальная разбросанность руководства, дальность расстояний, отсутствие стабильных путей сообщения и иные факторы данного порядка приводили к невозможности осуществления должного контроля за ходом реализации мероприятий, не давали возможности организовать процесс обучения военному делу системно, провоцировали личный состав на формальное отношение к учебе.

Следует отметить и проблемы кадрового характера, некомплект личного состава, общую перегруженность работой и недостаточное материальное обеспечение, что в совокупности тормозило достижение результатов.

Реализация процесса милитаризации милиции увеличила боеспособность подразделений, систематизировала различные сферы ее повседневной служебной деятельности, в частности делопроизводство, учет, статистическую отчетность. Вместе с тем явно возросли требования к милиционерам без соразмерного увеличения материальной и технической составляющих. В этой связи руководством предпринимались первые шаги по приведению уровня обеспечения милиции наравне с военнослужащими, в т.ч. касаясь льгот и преиму-

Армейские принципы, воспринимавшиеся изначально в штыки, на дистанции прочно укоренились и стали неотъемлемой частью милицейской службы на долгие годы вперед

ществ для членов семей, однако данный процесс в исследуемый период реализован не был [1, л. 23].

В июне 1921 г. инструкция по организации милиции в губерниях на армейских основах отменялась, сформированные на местах подразделения вливались в состав управлений милиции. Вместе с тем запущенный процесс подготовки и формирования милиции по военному образцу остановлен не был и оставался на контроле. Так, для выяснения степени военной подготовки сотрудников назначались специальные комиссии [9, л. 1].

В заключение следует констатировать, что переход от непрофессиональной милиции к профессиональной структуре, специализировавшейся на охране общественной безопасности и порядка, являлся закономерным [13, с. 95], более того, был адекватным решением в конкретных исторических условиях. Организационно-штатное построение милиции, равно как и характер служебных отношений внутри подразделений, было продиктовано сложностью и комплексностью задач. Армейские принципы, воспринимавшиеся изначально в штыки, на дистанции прочно укоренились и стали неотъемлемой частью милицеской службы на долгие годы вперед, более того, в условиях Великой Отечественной войны наличие на местах и в тылу боеспособной милиции, организованной с учетом армейской составляющей, сотрудники которой обладали специальными знаниями и умениями, а также практическими навыками в военной сфере, безусловно, стало одним из факторов, обеспечивших успешный исход войны. Опыт прошлого показывает, что в современных условиях возврат к специальной военной подготовке сотрудников правоохранительных органов является целесообразным. Его своевременное осуществление позволит правоохранителям эффективно выполнять поставленные задачи в боевых условиях, оптимизировать адаптационный период к деятельности в специфических условиях участия в боевых действиях, а также организовывать взаимодействие и слаженно действовать с армейскими подразделениями на отдельных территориях.

Литература

1. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 121.
2. ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области (Информационный центр Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Новосибирской области). Ф. 4. Оп. 1. Д. 4.
3. ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 10.
4. ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 16.
5. ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9.
6. ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1.
7. ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3.
8. ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8.
9. ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 132.
10. Камалова Г.Т. К вопросу о становлении дисциплинарных отношений в советской милиции // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2016. № 4. Т. 16. С. 83-86.
11. Мулукаев Р.С. На страже порядка (к столетию советской милиции) // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3 (43). С. 155-159.

12. Петров А.В. Система советской милиции: проблема развития в 1919-1921 гг. (региональный аспект) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3 (53). С. 134-139.

13. Семенов А.И. Создание советской милиции // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 3 (14). С. 91-96.

Синиченко Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор
Академия управления МВД России (г. Москва)

✉ v.v.sinichenko@bk.ru

Суверов Евгений Васильевич, доктор исторических наук, профессор
Барнаульский юридический институт МВД России (г. Барнаул)

✉ suverovev69@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ НКВД СССР ПО ГОРОДУ МОСКВЕ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Серьезные изменения в советской правоохранительной системе произошли в 1934 г., когда 10 июля было образовано НКВД СССР, в состав которого вошло Главное управление рабоче-крестьянской милиции. В предвоенный период усиливается государственная карательная политика. Еще в июле 1934 г. при НКВД СССР было создано Особое совещание, которому предоставлялось право применять ссылку и заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5 лет и высылку за пределы СССР.

Эти изменения непосредственно повлияли на деятельность столичной милиции, отразившись на ее количестве и формировании новых подразделений в рамках Управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР по городу Москве.

В Народном комиссариате внутренних дел появляются новые отделы, отделения и группы виз и регистраций иностранцев, где происходила их регистрация, выдавались выездные документы (позднее паспорта) советским гражданам.

В связи с принятием в 1940 г. нового Положения о паспортах существенно возрос объем работы милиции по организации паспортного режима. К 31 августа 1941 г. в Москве было заменено почти 2 млн паспортов.

В системе правоохранительных органов с 1937 г. создаются подразделения по противодействию экономическим преступлениям – ОБХСС (отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией).

В НКВД СССР с марта 1940 г. были переданы медицинские вытрезвители, куда сотрудники милиции доставляли нетрезвых граждан, нарушавших общественный порядок.

По мере роста города и численности горожан и приезжих увеличивалось и количество отделений милиции, шло создание, слияние и расформирование подразделений милиции. В рассматриваемый период между структурными частями милиции устанавливалась определенная территория обслуживания.

Так, границы 15-го отделения милиции проходили: от Савеловского вокзала до линии железнодорожной дороги до 2 километров с выходом на улицу Ново-Дмитровская, по 3-й Хуторской улице до Петровско-Разумовского проезда, от Петровско-Разумовского проезда по Старо-Разумовскому проезду до Петровско-Разумовской аллеи, по Петровско-Разумовской аллее до 1-й Квессиской улице, по 1-й Квессиской улице до Савеловского вокзала.

Штатная численность районных московских отделений милиции насчитывала 1292 сотрудника и работника, а городских отделений РКМ города Москвы – 6760 сотрудников и работников (1940 г.) [1, л. 109-111].

Штаты отдельных московских горотделений милиции в 1940 г. составляли:

1. 76-е отделение – 15 милиционеров, 4 оперуполномоченных и 4 уполномоченных, 1 помощник оперуполномоченного.

2. 77-е отделение (Всесоюзная сельскохозяйственная выставка) – 97 милиционеров, 20 уполномоченных, 11 помощников оперуполномоченных, 7 оперуполномоченных, 4 командира отделения, 1 комвзвода.

3. 78-е отделение (парк имени Сталина) – 47 милиционеров, 4 командира отделения, 1 командир взвода, 5 уполномоченных, 5 оперуполномоченных, 1 помощник оперуполномоченного, 1 старший оперуполномоченный.

4. 79-е отделение (парк Сокольники) – 47 милиционеров, 4 командира отделения, 1 командир взвода, 1 старший оперуполномоченный, 4 оперуполномоченных, 1 помощник оперуполномоченного и 5 уполномоченных.

5. 80-е отделение (парк им. Дзержинского) – 54 милиционера, 4 командира отделения, 1 командир взвода, 8 уполномоченных, 1 помощник оперуполномоченного, 4 оперуполномоченных, 1 старший оперуполномоченный [1, л. 112-115].

Структура московской милиции перед началом Великой Отечественной войны состояла из 65 районных отделений милиции, райгосавтоинспекции, отдельного конвойного отряда, 1-го оперотряда и 2-го оперотряда, мотовелодивизиона, кавалерийского эскадрона, отряда охраны Метростроя, отдельного военизированного взвода, отряда РУД, школы московской милиции, курсов сержантов, оперативного секретариата, автобазы, АХО, ОБХСС, ГАИ, детского отдела, комендатуры, оперативного отдела, мобилизационного отдела, особой инспекции, паспортного отдела, политотдела, речной милиции, ремонтно-эксплуатационного отдела, санитарного отдела, отдела снабжения, отдела связи, отдела службы и подготовки, учебно-статистического отдела, финотдела, штаба противовоздушной и противохимической обороны, охраны метрополитена, спецотдела [1, л. 38].

Для борьбы с преступным элементом в столице применялись конные и автомобильные патрули, устанавливались подвижные посты, а в вечернее время дежурили участковые инспектора, усиленные бригадами содействия милиции (бригадмил). В 1935 г. в Москве насчитывалось 13 500 бригадмильцев. Многие в охране порядка на улицах зависело от дворников [2], хорошо знавших местное население.

Для противостояния с особо опасными преступниками в сентябре 1941 г. создается отдел по борьбе с бандитизмом ГУМ НКВД СССР, переименованный в Главное управление по борьбе с бандитизмом в декабре 1944 г.

Многочисленная агентура привлекались сотрудниками оперативных служб для получения важной информации в отношении криминалитета.

Московский уголовный розыск в 1940 г. состоял: из 1-го отделения (по особо сложным преступлениям); 2-го отделения (по розыску беглецов и неплательщиков алиментов); 3-го отделения (следственного); 4-го отделения (научно-технического); 5-го отделения (служебно-розыскных собак); 6-го отделения (по борьбе с кражами); 7-го отделения (по борьбе с мошенничеством, аферами и половыми преступлениями); 8-го отделения (по обслуживанию транспорта); 9-го отделения (разведки); 10-го отделения (установки); 11-го отделения (контроля и информации); учетно-информационной группы; группы контроля; секретариата; 12-го отделения (тюремного) [1, л. 67-70]. Исходя из условий обостренной международной обстановки и угрозы войны, в составе МУРа был создан военизированный батальон.

В 1940 г. происходит изменение организации деятельности уголовного розыска. В марте НКВД СССР решил все аппараты уголовного розыска перестроить по линейному принципу с направлением работы по отдельным видам преступлений.

В августе 1940 г. в составе Угро было организовано 13-е отделение по борьбе с хулиганством со списочным составом: 1 начальник отделения, 5 старших оперуполномоченных, 9 оперуполномоченных, 1 секретарь-машинист [1, л. 67-70].

При расследовании преступлений широко применялись технические средства. Осенью 1940 г. оперативниками была задержана шайка В.И. Сидорова, совершившая целую серию краж, имевших международный резонанс. Так, 25 сентября 1940 г. в квартире первого заместителя наркома Наркомата рыбной промышленности СССР (проживающего по адресу: ул. Ново-Рязанская, д. 34/36, кв. 4) была совершена кража. При осмотре места происшествия на стекле форточки был обнаружен отпечаток пальца.

27 сентября 1940 г. из квартиры атташе Японского посольства по адресу: ул. Коминтерна, д. 16, были украдены различные ценности. Воры проникли в квартиру через окно, предварительно разбив стекло. При осмотре на осколках стекла были обнаружены пальцевые отпечатки. 30 сентября 1940 г. из квартиры военного атташе Италии по адресу: Гранатный переулок, д. 20, кв. 16, была совершена кража. Преступники незаконно попали в квартиру через незапертое окно кухни, выходящее в сад. Эксперты выявили на крышке деревянной коробки отпечатки пальцев преступников.

Произведенной экспертизой сотрудниками научно-технического отделения отдела уголовного розыска было установлено, что отпечатки пальца, обнаруженные на месте преступления, принадлежат гражданину В.И. Сидорову, 1918 г.р., уроженцу города Ленинграда

(он же Коданов, он же Остров), имевшему 8 судимостей и 12 приводов за кражи и хулиганство. Также в совершении преступлений принимала участие группа лиц в составе: Жедунов, Метиховский, Орлов, Петрович, Зарецкий, Миронова, Шимашедова [3].

Было выявлено, что столичная милиция во время охраны общественного порядка опиралась прежде всего на участковых уполномоченных милиции при поддержке населения, но из-за слабой организации эта помощь не всегда была эффективна и нередко носила формальный характер. Для борьбы с преступным элементом в столице применялись конные и автомобильные патрули.

Происходило укрепление структурных подразделений столичной милиции и их дальнейшая специализация. Московский уголовный розыск успешно противостоял преступному миру, сотрудники ОБХСС выявляли спекулянтов, стояли на страже экономических интересов Страны Советов. В оперативной работе опирались на разветвленный агентурный аппарат.

В конце 30-х гг. самостоятельным подразделением в системе УРКМ по городу Москве становится следственная часть. В связи с увеличением автомобильного транспорта и усложнением обстановки с соблюдением правил дорожного движения было принято решение об образовании дорожной милиции. В 1937 г. была восстановлена железнодорожная милиция. После строительства метро в Москве в 1935 г. создается отдельный отряд по охране метрополитена. Для противодействия беспризорности и безнадзорности, борьбы с несовершеннолетними преступниками в столице действовал детский отдел. Была создана сеть детских комнат милиции. Многочисленные вспомогательные подразделения милиции выполняли свою миссию в общем деле борьбы с преступностью и охраны общественного порядка в Москве.

По мере роста города и численности горожан и приезжих увеличивалось и количество отделений милиции, шло создание, слияние и расформирование подразделений милиции.

Литература

1. Архив Зонального Информационного центра (ЗИЦ) ГУ МВД России по г. Москве. Ф. 9. Оп. 3. 1940. Д. 1.
2. Газета «Правда». Орган Центрального комитета и МК ВКП(б) от 17 марта 1935 г. № 75 (6321).
3. Музей московской милиции. Культурный центр ГУ МВД России по г. Москве. Фото-альбом № 9.

Вафин Максим Олегович

Дальневосточный юридический институт МВД России (г. Хабаровск)

✉ *Vafin_1992@mail.ru*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ БХСС ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ, ПОДРЫВАЮЩИМИ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ОСНОВУ СССР НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1937-1941 ГГ.)

Важнейшей сферой любого общества является экономика, поскольку без опоры на неё невозможно полноценно проводить и реализовывать государственную политику. Советское государство не являлось исключением. После Октябрьской революции в 1917 г. новое политическое руководство страны направило все возможные средства, силы и ресурсы на формирование новой государственности, идеологической основой которого являлся марксизм-ленинизм, постулирующий создание бесклассового общества, где господствующее положение имело бы всеобщее равенство. Однако построить новую модель общества было невозможно без кардинальной трансформации экономической системы. Так, в течение первых двадцати лет политическое руководство страны провело ряд крупных преобразований в экономической сфере советского государства (например, была проведена национализация промышленности, сверхцентрализация экономики, свернуты рыночные отношения и т.д.), приведших во второй половине 1930-х гг. к увеличению государственной собственности и общественной (кооперативно-колхозной), которые в статье 4 Конституции СССР от 1936 г. были закреплены в качестве экономической основы страны и при этом синтезированы в единой дефиниции – «социалистическая собственность» [8]. В дополнение к этому в Основном Законе советского государства закреплялось, что экономической основой страны является социалистическая собственность на орудия и средства производства.

К 1937 г. в экономической сфере СССР социалистическая собственность стала занимать господствующее положение. Так, в производственном фонде страны данный вид собственности стал занимать 98,7% [2, с. 299-300].

В сложившихся условиях закономерным этапом являлось создание в правоохранительной системе «инструмента», способного эффективно обеспечивать безопасность экономической основы страны. В результате неоднократных трансформаций в правоохранительной системе в течение первых двадцати лет существования советской власти 16 марта 1937 г. в составе Главного управления рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) НКВД СССР был создан отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС). Данная служба в качестве специализированного оперативного подразделения органов внутренних дел должна была реализовывать одно из ключевых направлений деятельности милиции, которое было закреплено в статье 1 общесоюзного Положения о рабоче-крестьянской милиции, принятого 25 мая 1931 г. – охрана государственного и общественного имущества [10].

Экономическая основа советского государства была сформирована и на дальневосточных рубежах, где необходимость в её охране имела большое значение. Последнее детерминировалось тем, что Дальний Восток являлся геополитически важной для СССР тер-

риторией в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако обеспечивать свои стратегические интересы без экономического развития дальневосточных территорий Советский Союз не мог [9, с. 63]. Одним из факторов, который ставил под угрозу стабильное развитие экономики Дальнего Востока СССР, а следовательно, и геополитические интересы страны, являлась деятельность криминальных элементов, посягавших на социалистическую собственность и нарушавших установленный порядок социалистической системы хозяйствования. Следовательно, высокую важность в деятельности дальневосточной милиции заняла охрана социалистической собственности, что в первую очередь было возложено на подразделения БХСС.

Следует подчеркнуть, что Дальневосточный край (ДВК), включавший в себя Приамурье и все Тихоокеанское побережье Советского Союза, являлся одним из первых регионов, на территории которого были созданы аппараты БХСС. Так, 16 апреля 1937 г. начальником УНКВД СССР по ДВК комиссаром госбезопасности 3-го ранга Т.Д. Дерибасом был издан приказ, предписывавший создание в составе Управления рабоче-крестьянской милиции (УРКМ) УНКВД по ДВК отделения по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (БХСС), а в входивших в состав ДВК отдельных областях – групп БХСС [3, с. 92].

В рамках реализации направления деятельности милиции по охране государственного и общественного имущества дальневосточные подразделения БХСС боролись с хищениями социалистической собственности, спекуляцией, фальшивомонетничеством и мелким вредительством на объектах, отнесенных к числу социалистической собственности, расследовали дела по хищениям социалистической собственности, реализовывали оперативное руководство комендантами заготпунктов «Заготзерно» [1, л. 88].

Главным элементом организации борьбы с перечисленными видами экономической преступности являлось кадровое комплектование служб БХСС. Так, первоначальная штатная численность отделения БХСС УРКМ УНКВД по ДВК предусматривала 10 мест, которые были укомплектованы сотрудниками отдела уголовного розыска УРКМ УНКВД по ДВК и Контрразведывательного управления (КРО) Управления государственной безопасности (УГБ) УНКВД по ДВК. При этом сотрудников уголовного розыска было на 80% больше, чем КРО. Стоит отметить и территориальный принцип организации деятельности данных служб, который сводил к минимуму узость специализации в функционировании и усиливал взаимодействие с другими правоохранительными органами, в первую очередь с иными подразделениями милиции.

Дальневосточные аппараты БХСС активно боролись с хищениями социалистической собственности. Так, к 1939 г. в Благовещенском пункте «Заготзерно» Амурской области работниками милиции был выявлен факт хищения со склада заведующим этого склада К.В. Шестаковым 38 кулей пшеницы и 5 кулей риса. В результате проведенного обыска похищенное зерно было выявлено и изъято, а виновное лицо привлечено к уголовной ответственности [4, л. 337].

Оперативные сотрудники дальневосточных подразделений БХСС демонстрировали высокие результаты деятельности в борьбе с организованными формами хищений социалистической собственности. Например, в первой половине 1940 г. оперуполномоченный БХСС УРКМ ЕАО Коган единолично раскрыл крупную преступную группу, которая занималась хищениями в «Бирторге» [5, л. 181].

Работники БХСС активно противодействовали спекуляции, которая на Дальнем Востоке обладала своей спецификой. Так, к 1938 г. работниками БХСС Сахалинской области была

выявлена деятельность спекулянта С.С. Добрина, который, используя имеющиеся на Сахалине льготы на цены, скупал в значительных объемах различные товары и отправлял их почтовым отправлением на материковую часть Дальнего Востока СССР в целях перепродажи их по более высокой цене. В результате проведения сотрудниками милиции ряда оперативно-розыскных мероприятий была выявлена одна из таких партий и изъята в количестве 5 посылок на почте, в которых находились 15 пар обуви, 445 м мануфактуры и иных промтоваров, тем самым преступная деятельность была пресечена [6, л. 57].

Кроме непосредственной борьбы, сотрудники БХСС прибегали к превентивным мерам предупреждения экономической преступности, где дальневосточные подразделения также имели определенные успехи. Например, если за первый квартал 1940 г. в Еврейской автономной области (ЕАО) было выявлено растрат и хищений на сумму 140 тыс. руб., то в результате проведенных в течение года работниками БХСС автономной области профилактических мероприятий количество растрат и хищений в четвертом квартале 1940 г. было выявлено на 119 тыс. руб. меньше [5, л. 92].

В результате неоднократных трансформаций в правоохранительной системе в течение первых двадцати лет существования советской власти 16 марта 1937 г. в составе Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР был создан отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией.

Относительно степени эффективности дальневосточных подразделений БХСС наиболее показательны статистические данные. Так, если за 9 месяцев 1938 г. было выявлено хищений и растрат в хоз. горпищеторге на сумму 904 тыс. руб., то за 9 месяцев 1939 г. – 624 тыс. руб. [7, л. 336].

Акцентируем внимание на том, что вышеперечисленное составляло основу деятельности аппаратов БХСС в предвоенные годы. С началом Великой Отечественной войны вся система государственного управления была трансформирована в соответствии с условиями военного времени, а советская экономическая система переведена на военные рельсы. Был изменен и характер преступлений экономической направленности, посягавших на экономическую основу страны. Сложившаяся летом 1941 г. обстановка в советском государстве закономерно отразилась на функционировании милиции в целом и аппаратов БХСС в частности, что заслуживает самостоятельного исследования, особенно в дальневосточном аспекте.

Таким образом, одним из основных направлений деятельности советской милиции являлась охрана государственного и общественного имущества. Во второй половине 1930-х гг. в связи с установлением фактического и юридического господства социалистической собственности в экономической сфере страны внимание органов внутренних дел было сконцентрировано на реализации данного направления деятельности, особенно на дальневосточных рубежах СССР, которые имели большое геополитическое значение. Следствием этого являлось создание в 1937 г. в составе советской милиции аппаратов БХСС на всей территории страны, которые были нацелены на борьбу с хищениями социалистической собственности, спекуляцией и фальшивомонетничеством. Дальний Восток являлся одной из первых территорий, где были созданы региональные службы БХСС. Проведенный анализ архивных материалов свидетельствует об эффективности дальневосточных подразделений БХСС в борьбе с преступлениями экономической направленности, посягавшими на социалистическую собственность в предвоенные годы, работники которых в полной мере смогли обеспечить безопасность экономической основы страны на дальних рубежах, что стало одним из залогов укрепления стратегических позиций СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Литература

1. Архив УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 39. Оп. 1. Д. 41.
2. Берхин И.Б., Вылцан М.А., Зайцев Е.И. История СССР: с древнейших времен до наших дней: в 12 т. М.: Наука, 1971. Т. 9. 552 с.
3. Вафин М.О., Ярославцева Т.А. Становление системы органов по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией в СССР // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2021. № 6 (54). С. 87-94.
4. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. Р-137. Оп. 17. Д. 10.
5. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1071.
6. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 313.
7. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 17. Д. 10.
8. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6 дек. № 283.
9. Пикалов Ю.В. Стратегические интересы СССР на Дальнем Востоке и социально-экономическое развитие региона (1922-1941 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 2 (63). С. 59-65.
10. Положение о рабоче-крестьянской милиции: постановление СНК СССР от 25.05.1931 № 390 // СЗ СССР. 1931. № 33. Ст. 247.

*Дорохов Вячеслав Жоржович, кандидат исторических наук, доцент
Дальневосточный юридический институт МВД России (г. Хабаровск)
✉ dorohova_elen@mail.ru*

ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ НКВД-МВД СССР С АРХИВНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ В ПЕРВЫЙ ПОСЛЕВОЕННЫЙ 1946 ГОД (НА ПРИМЕРЕ АРХИВНОГО ОТДЕЛА УМВД ПО ХАБАРОВСКОМУ КРАЮ)

Непростая внутривластная и внешневластная обстановка вносит существенные коррективы в характер и направления деятельности различных государственных институтов, в первую очередь институтов силового блока.

МВД России, призванное обеспечивать тишину и спокойствие в стране, обязано первым предпринимать меры по своевременному нивелированию негативных социальных процессов. Время настоятельно требует от органов внутренних дел не сокращать, а расширять круг полномочий, обеспечивая контроль за критически важными сферами жизни общества, в т.ч. за сохранностью документальных источников, раскрывающих историю страны, региона или отдельного ведомства.

Интересный исторический опыт в этом плане представляет нам работа НКВД-МВД, обеспечивавшего более 20 лет контроль за хранением и использованием архивных материалов различного характера.

Образованный в 1934 г. НКВД СССР на протяжении всего довоенного периода систематически расширял сферы ведения, по широте выполняемых задач постепенно превращаясь в своего предшественника – имперское МВД. Так, помимо разнообразных силовых структур, обеспечивавших общественную и государственную безопасность, добывающих и производственных предприятий (обеспечиваемых трудовыми ресурсами мест заключения), постепенно в структуру наркомата вошли и вопросы государственной съемки и картографии (1935 г.), строительства шоссейных дорог и сооружения специальных объектов, контроля мер и весов (1936 г.). В апреле 1938 г. НКВД СССР передали и архивное дело. Центральное архивное управление СССР, включенное в структуру наркомата, было реорганизовано в Главное архивное управление НКВД СССР. Следом за этим все территориальные государственные архивы перешли в подчинение местных управлений НКВД при сохранении общего контроля со стороны ГАУ.

Передача в структуру органов правопорядка архивного дела позволила не только существенно повысить ответственность за данное направление работы в центре и на местах, но главное, собрать и сохранить в условиях катастрофических событий 1941-1945 гг. ценный массив документов различной степени секретности.

Характер и особенности работы местных архивов можем проследить на примере Архивного отдела УМВД по Хабаровскому краю в первый послевоенный год.

Следует отметить, что в рассматриваемый период Хабаровский край являлся крупнейшим на Дальнем Востоке регионом, включавшим 6 областей (Амурскую, Камчатскую, Сахалинскую, Южно-Сахалинскую, Нижне-Амурскую, Еврейскую автономную), 2 нацио-

нальных округа (Корякский и Чукотский) и районы с непосредственным подчинением Хабаровскому крайисполкому (ныне Магаданская область).

При весьма значительном масштабе подотчетной территории, сравнимой по площади с современной Европой (3,3 и 5,9 млн км² соответственно), штат архивного отдела УМВД по Хабаровскому краю составлял всего 19 человек (из них 1 мужчина). Несмотря на жалобы руководства отдела на низкую оплату труда научных работников в 600-800 рублей, инспекторов – в 475 руб., в сравнении с другими все выглядело не так уж и плохо. Так, в 1945 г., по данным ЦСУ СССР, средняя зарплата сотрудников аппарата органов государственного и хозяйственного управления и общественных организаций составляла 504 рубля, более высокий уровень оплаты в 512 руб. был только в кредитных организациях и на железной дороге – 525 руб. [2, л. 161-161об.].

В подчинении архивного отдела краевого УМВД находилось 6 областных отделений и 39 территориальных государственных архивов (1 краевой, 5 областных, 2 национально-окружных, 3 городских и 28 районных) [1, л. 406].

В первый послевоенный год, согласно директиве МВД СССР от 23 марта 1946 г. № 67, вся работа архивного отдела была сосредоточена на научно-технической обработке документальных материалов в интересах народного хозяйства (обобщение различных статистических данных, анализ социально-экономических показателей и отчетов с мест за предыдущие годы и др.). В частности, сотрудниками отдела было обнаружено 180 дел, где содержались ранее не востребованные материалы экспедиций по изучению производительных сил, по развитию промышленности, сельского хозяйства в Хабаровском крае и на Дальнем Востоке. По всем материалам были подготовлены путеводители и каталоги, копии которых представлены заинтересованным сторонам, в первую очередь краевой плановой комиссии, уполномоченному Госплана СССР по Хабаровскому краю, краевому отделу здравоохранения.

Существенно в меньшем объеме проходила работа архива в научно-исследовательских целях. На протяжении 1946 года читальным залом краевого государственного архива (где были собраны все наиболее важные исторические документы) воспользовались лишь 10 человек, из которых только трое имели ученые степени и звания (кандидат наук, профессор). Подавляющая часть разрабатываемых исследовательских тем была посвящена событиям гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке (дипломатическая борьба в период интервенции, японская интервенция, Дальневосточная республика и др.). Но даже при столь низком научном спросе в 1946 г. были защищены две кандидатские диссертации, выполненные на материалах краевого Госархива.

Несмотря на то что в силу загруженности текущими задачами научные работники архивов самостоятельных исследований не проводили, однако на протяжении 1946 г., действуя по распоряжению министра внутренних дел СССР Круглова, активно занимались сбором материалов о зверствах японской интервенции в 1918-1922 гг. По заданию руководства УМВД по Хабаровскому краю подбирали документы о взаимоотношениях СССР и Японии, Китая и Японии в 1917-1944 гг., на основе которых составили ряд исторических справок: КВЖД, события на Озере Хасан, конфликт на реке Халхин-Гол 1939 г. По поручению партийно-советских органов подбирали сведения о материальных убытках, нанесенных японской интервенцией Хабаровскому краю [1, л. 410].

В условиях перехода страны на мирные рельсы нахождение архивных учреждений в силовом блоке оказалось не только целесообразно, но и оправдано развернувшейся масштабной работой с массивами документов поверженных противников.

Огромный пласт работы лег на плечи архивного отдела в связи с необходимостью обработки и каталогизации документов, вывезенных из Манчжурии в ходе войны с Японией 1945 г.

В оперативную разработку сотрудниками отдела в первую очередь были взяты документы 4-х фондов: Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии; Общества единения народов Маньчжурской империи «Кио-Ва-Кай»; Союза казаков на Дальнем Востоке (глава атаман Семенов); Комитета по переселению в Тогенский район (г. Харбин).

Только по материалам фонда Союза казаков было взято на картотечный учет 12 тыс. лиц, имевших компрометирующие данные. На основе материалов фонда «Кио-Ва-Кай» был подготовлен обширный список-справочник.

Благодаря проведенной работе работниками архивного отдела были взяты на картотечный учет краевого УМВД члены ряда белогвардейских организаций Манчжурии: Национальной организации русских разведчиков (НОРР), Союза Его Высочества князя Никиты Александровича Мушкетерова (союз Мушкетеров), монархической группы восточной линии, Дальневосточного союза военных офицеров белой армии.

Особую сложность доставила работа с архивными документами японских учреждений, размещавшихся в Южном Сахалине. К концу 1946 г. из 10 тонн документальных материалов, поступивших в Хабаровск, удалось перевести только 400 единиц хранения [1, л. 412].

Тщательно каталогизированные и обработанные сотрудниками архивного отдела УМВД по Хабаровскому краю харбинские документы оказались востребованы московской бригадой МВД СССР, прибывшей в регион с целью подготовки обвинения японских военных преступников на грядущем Токийском и Хабаровском процессах.

Весьма трудозатратной для работников архива являлась задача по выполнению запросов от партийных и советских органов, граждан. Дело в том, что подготовка ответа на любой поступающий запрос требовала высокой квалификации сотрудников, хорошего знания имевшихся в распоряжении многочисленных краевых и районных архивов фондов, а таких специалистов были единицы. Особую ответственность налагали запросы, поступавшие от оперативных отделов УМВД, УМГБ и СМЕРШ, т.к. практически за каждым из ответов стояла судьба человека. О масштабах данной работы свидетельствует тот факт, что из 335 запросов, поступивших в 1946 г., 251 пришелся именно на эти оперативные отделы.

Никакому учету не поддавались телефонные и устные запросы, приходившие от различных вышестоящих инстанций, когда научные работники архива давали консультации по истории учреждений и отдельных периодов истории Дальнего Востока.

Помимо непосредственной архивной работы, много сил уходило на обеспечение контроля за сохранностью государственных архивных фондов, находившихся временно в ведении различных учреждений и организаций края. Так, например, за 1946 г. инспектора архивного отдела УМВД провели 174 контрольных посещения и обследовали 98 мест хранения. Руководителям, систематически игнорировавшим указания отдела, выставлялись предписания от руководства УМВД, для тех, кто не понимал нюансов архивной работы, организовывались методические семинары.

Параллельно велась работа по так называемой разгрузке (уничтожению) архивов «от материалов, не имеющих никакой ценности», для чего в каждом случае создавалась экспертно-проверочная комиссия [1, л. 408].

При столь многочисленных задачах, выполняемых малочисленными архивными подразделениями края, вызывает удивление тот факт, что находилось время для так называемой производственной учебы. Ежедневно по средам с 8 до 10 утра все работники отдела обу-

чались по программе, утвержденной ГАУ МВД СССР, помимо этого еженедельно проводилась политинформация, работал кружок по изучению истории партии.

Опираясь на представленный анализ, следует отметить, что в условиях перехода страны на мирные рельсы нахождение архивных учреждений в силовом блоке оказалось не только целесообразно, но и оправданно развернувшейся масштабной работой с массивами документов поверженных противников, как с внешнеполитическими, так и узко оперативными целями.

Организовать подобную специфичную деятельность МВД в рамках сугубо гражданских учреждений оказалось бы не только весьма проблематичным, но и малоэффективным в силу имевшихся нормативных ограничений.

Литература

1. Архив УМВД России по Хабаровскому краю. Ф. 35. Оп. 1. Д. 175.
2. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113.

Антропов Владимир Михайлович

Управление Росгвардии по Республике Алтай (г. Горно-Алтайск)

✉ *altai_police@mail.ru*

Брагина Анна Григорьевна, кандидат юридических наук

Барнаульский юридический институт МВД России (г. Барнаул)

✉ *agb.06@mail.ru*

ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКОВ И РАБОТНИКОВ ВНЕВЕДОМСТВЕННОЙ ОХРАНЫ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В СЕРЕДИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ОБЗОР

Охрана жизни уголовно-правовыми средствами – одно из наиболее значимых направлений правоприменительной практики в любой исторический период. Охрана жизни лиц, наделенных особыми властными полномочиями, – представителей правоохранительных органов – еще и в определенном смысле показатель ее эффективности. Очевидно, что установление лиц, совершивших подобного рода посягательства, справедливое наказание за них в конечном счете нивелируют ущерб, причиненный преступлением, вызывая чувство безопасности у населения, а также чувство удовлетворения у коллег потерпевшего вследствие защиты «чести мундира», проявляют карательный потенциал имеющихся уголовно-правовых норм и предупреждают новые посягательства [1, с. 48].

Несмотря на то что сотрудники и работники вневедомственной охраны не настолько близко и часто взаимодействуют с населением в сравнении с сотрудниками других служб правоохранительных органов, специфичность их деятельности, связанной с охраной материальных ценностей, все же серьезно конфликтна, а сами они обладают повышенной активностью при взаимодействии с лицами, имеющими умысел на завладение охраняемым имуществом.

На территории Алтайского края в период с середины XX в. по начало XXI в. был совершен ряд посягательств на жизнь данной категории потерпевших, квалифицируемых по ст. 102, 103, 191.2 УК РСФСР, ст. 105, 317 УК РФ соответственно.

Значительное число таких посягательств было совершено в отношении лиц, одетых в форменную одежду, демонстрировавших соответствующие признаки сотрудников органов внутренних дел, передвигавшихся на транспортных средствах с нанесенными цветографическими схемами, опознавательными знаками, спецсигналами и т.д.

Так, ночью 15 февраля 1995 г. группа задержания (далее – ГЗ) отдела вневедомственной охраны (далее – ОВО) при ОВД Восточного района г. Бийска обнаружила попытку проникновения посторонних в охраняемый магазин. Милиционер-водитель ГЗ младший сержант милиции А.М. Шадрин заметил двух убегавших мужчин с сумками в руках и начал их преследование. Укрывшись за трамвайными путями, преступники практически в упор открыли огонь из самодельного револьвера по сотруднику. Находясь на невыгодной позиции на открытой местности, А.М. Шадрин смог ранить одного из них, но сам был убит [7, с. 415]. Через два часа по следам крови с помощью служебно-розыскной собаки преступники были задержаны [4].

Вечером 13 июня 1998 г. ГЗ ОВО при ОВД Ленинского района г. Барнаула выехала по сигналу «тревога», поступившему из охраняемой квартиры на ул. Энтузиастов. При осмотре двери не было обнаружено следов взлома, но в квартире сотрудники ГЗ услышали голоса. При попытке проникнуть внутрь по сотрудникам был открыт огонь из обрезка охотничьего ружья, заряд попал в грудь старшего ГЗ старшего сержанта А.В. Бира, защищенную бронежилетом. После этого двое мужчин выскочили из квартиры и побежали вниз по лестнице, стреляя из пистолета и обреза. Одним из выстрелов был смертельно ранен в голову сержант милиции О.Ю. Суртаев [8, с. 273]. Старший сержант милиции М.П. Чертов ответным огнем уничтожил одного из преступников, другой был задержан подоспевшим нарядом милиции. Еще двое оставшихся в квартире были взяты без сопротивления. В ходе следствия выяснилось, что задержанные являлись членами банды, возглавляемой бежавшим из исправительной колонии в Казахстане рецидивистом, которая совершала разбойные нападения на жилища предпринимателей. Оставшиеся в живых члены банды были приговорены к длительным срокам заключения [14].

В ночь на 7 января 2000 г. было совершено посягательство на жизнь командира отделения роты милиции ОВО при ОВД Восточного района г. Бийска прапорщика милиции М.А. Цирульникова. Он и кинолог А.В. Анисимов со служебной собакой Кроносом преследовали двух подозреваемых в совершении кражи. При применении собаки один из убежавших дважды выстрелил в нее, а затем произвел три выстрела в сотрудников. М.А. Цирульников применил табельное оружие, и преступник, оказавший вооруженное сопротивление, был задержан [11].

В ночь на 7 августа 2005 г. рядом со служебным автомобилем ГЗ ОВО по г. Рубцовску, следовавшем на объект, с которого поступил сигнал «тревога», сработало укрытое на обочине взрывное устройство [3]. Находившийся за рулем стрелок-водитель отряда специализированной военизированной охраны Ю.Ф. Лиманский получил проникающее осколочное ранение в шею, от которого скончался по дороге в больницу [13]. Старший ГЗ прапорщик милиции Д.Ю. Демидов получил контузию. Первоначально по данному факту были возбуждены уголовные дела по ст. 205 и 317 УК РФ. Впоследствии было установлено, что подрыв совершили члены банды, состоявшей из жителей г. Рубцовска, которые рассчитывали завладеть табельным оружием сотрудников. После нападения на наряд ОВО преступники совершили еще ряд тяжких и особо тяжких преступлений и были задержаны в августе 2016 г. [9]. В феврале 2018 г. Алтайским краевым судом им были вынесены обвинительные приговоры [2].

В то же время немалое число посягательств было совершено в отношении работников вневедомственной охраны Алтайского края.

Данная категория потерпевших не носила форменную одежду при исполнении обязанностей, не во всех случаях имела табельное оружие, однако в силу выполняемых ими должностных обязанностей, места несения службы указывала на свою роль в качестве представителя власти, что осознавалось виновными. Например, 10 января 1967 г. на сторожа ОВО при УВД Горно-Алтайского облисполкома И.Д. Щекотова, охранявшего универмаг Горно-Алтайторга, было совершено нападение, во время которого он получил ножевое ранение в руку, но с помощью подоспевшего бригадира Е.Ф. Бочкарева смог задержать нападавшего [12, л. 75].

8 марта 1991 г. сторож ОВО при ОВД Железнодорожного района г. Барнаула Р.Ф. Секторова несла службу по охране базы снабжения УИТУ УВД Алтайского крайисполкома.

В полночь ранее судимый гражданин, преодолев ограждение территории, подкрался к сторожу и нанес ей несколько ударов по голове монтажным инструментом, оказавшихся смертельными. После убийства он взломал замки складского помещения и похитил 12 цветных телевизоров. Вывезя похищенное на автомобиле сообщника, преступник вернулся на базу и поджег помещение склада и труп сторожа. Несмотря на попытку скрыть следы преступления, оно было раскрыто в короткие сроки, виновный был привлечен к уголовной ответственности [10, с. 358].

12 июня 1993 г. сторож ОВО при ОВД Ленинского района г. Барнаула Л.И. Шалганова при обходе помещений учебного корпуса института культуры в вечернее время обнаружила в одной из аудиторий студента, находившегося в состоянии алкогольного опьянения. Сторож потребовала его покинуть помещение и указала, что напишет докладную записку на имя ректора. В ответ студент ударил Л.И. Шалганову по голове молотком для отбивания мяса, а затем нанес не менее 30 ножевых ранений. От полученных травм женщина скончалась на месте [5]. Преступник был задержан по горячим следам. В отношении него было возбуждено уголовное дело по ст. 103 УК РСФСР. Однако по результатам психиатрической экспертизы обвиняемый был помещен в лечебное учреждение, откуда ему удалось бежать, и он продолжительное время скрывался. Задержан в декабре 2020 г. В июле 2021 г. суд, приняв во внимание все доводы следствия, признал подсудимого виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ст. 102 УК РСФСР, и назначил ему наказание в виде

9 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима [6].

Специфичность деятельности сотрудников и работников вневедомственной охраны, связанная с охраной материальных ценностей, серьезно конфликтна, а сами они обладают повышенной виктимностью при взаимодействии с лицами, имеющими умысел на завладение охраняемым имуществом.

2 декабря 1994 г. сторож ОВО при ОВД Железнодорожного района г. Барнаула А.М. Слюняев заступил на пост по охране ПМК-605 «Связьстрой». Ранним утром тракторист предприятия, находившийся в состоянии алкогольного опьянения, решил угнать автомобиль. Встретив сторожа, он обманным путем попытался получить ключи от гаражных боксов. После того как А.М. Слюняев отказался передать ключи, тракторист нанес ему несколько ударов по голове металлическим стержнем, один из которых оказался смертельным. Спрятав труп, преступник проник в бокс и завладел автомобилем, но на выезде был задержан нарядом ОВО, прибывшим для проверки состояния охраны объекта [10, с. 360].

8 июля 2002 г. сторож ОВО при ОВД Центрального района г. Барнаула Н.В. Черепанова несла службу по охране АО «Алтайсахар», каждый час докладывая дежурному центральному поста об обстановке на объекте. Последний доклад поступил от нее в 4 час. 45 мин. Через некоторое время в помещение через окно второго этажа проникла группа людей. Один из них выстрелом в голову убил Н.В. Черепанову [10, с. 364].

Приведенные примеры свидетельствуют о прецедентности посягательств на жизнь сотрудников и работников вневедомственной охраны, их повышенную виктимность, не зависящие от существующего социально-политического строя. Совершение посягательств на жизнь должностных лиц стало возможным вследствие ряда недостатков в организации охраны, таких как отсутствие табельного оружия у сторожей, оперативной системы оповещения при возникновении опасной для жизни ситуации, несение службы в одиночку и др., что актуализирует необходимость совершенствования системы обеспечения безопасности таких лиц, в т.ч. на современном этапе.

Литература

1. Брагина А.Г. Уголовно-правовая характеристика посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2001. № 4 (52). С. 48-52.
2. В Алтайском крае осуждены члены банды за преступления, в том числе тяжкие и особо тяжкие, совершенные более 10 лет назад // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcomrf.ru/news/332071-v-altayskom-krae-osujdenyi-chlenyi-bandyi-za-prestupleniya-v-tom.html> (дата обращения: 18.10.2022).
3. В Алтайском крае открыли мемориальную доску в память о подвиге сотрудника полиции // Официальный сайт ГУ МВД России по Алтайскому краю. URL: <https://22.мвд.рф/news/item/20809999/> (дата обращения: 05.10.2022).
4. В Бийске росгвардейцы рассказали школьникам о подвиге своего товарища // Официальный сайт Управления Росгвардии по Алтайскому краю. URL: <https://22.rosguard.gov.ru/News/Article/v-bijske-rosghvardejcy-rasskazali-shkolnikam-o-podvige-svoego-tovarishha> (дата обращения: 15.10.2022).
5. Дирижер-невидимка: суд отпустил убийцу, которого не искали почти 30 лет // Сайт РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20210331/ubiystvo-1603509776.html> (дата обращения: 16.10.2022).
6. Житель города Новосибирска признан виновным в убийстве сотрудника вневедомственной охраны, совершенном в 1993 году // Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Алтайскому краю. URL: <https://altai-krai.sledcom.ru/news/item/1592786/> (дата обращения: 20.10.2022).
7. Кобелев А.И. Служба Отечеству. Имена, даты. Барнаул, 2002. 448 с.
8. Кобелев А.И., Чернев А.С. Забвению не подлежат. Барнаул, 2002. 320 с.
9. Кузнецова Т. На Алтае осудили банду разбойников-подрывников // Российская газета. 2018. 28 февраля.
10. Мартынов А.Ф., Леонтьев К.В., Орлов И.С. 50 лет с охраной. Барнаул, 2002. 396 с.
11. Михаил Цирульников и его собаки // Алтайская милиция. 2006. № 4.
12. Отдел реабилитации и архивной информации Информационного центра ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 204.
13. Рубцовск. 15 лет после взрыва // Интернет-канал ГТРК «Алтай». URL: <https://vesti22.tv/news/rubtsovsk-15-let-posle-vzryva/> (дата обращения: 17.10.2022).
14. Сидоркин С. Охота на отморозков // Вечерний Барнаул. 2020. 5 июня.

*Степанищев Алексей Геннадьевич, кандидат педагогических наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России (г. Барнаул)
✉ stepanishevag@yandex.ru*

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО КОНТРОЛЮ ЗА ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ

В соответствии с Федеральным законом от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» осуществление государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства в области оборота оружия возложено на войска национальной гвардии. До их создания данная функция реализовывалась органами внутренних дел – полицией (милицией).

В дореволюционный период разрешения на приобретение и ношение огнестрельного оружия выдавались губернаторами, градоначальниками и полицмейстерами. Так, согласно постановлению томского губернатора от 10 февраля 1912 г. на территории Томской губернии, в т.ч. Бийского уезда (включавшего территорию современной Республики Алтай), воспрещалось всем без особого разрешения иметь и носить при себе огнестрельное оружие и патроны к нему [5, с. 22-23].

Приобретенное в нарушение установленного порядка и незаконно хранившееся оружие часто использовалось членами различных политических, национальных и религиозных организаций в отношении представителей власти. Так, в июне 1904 г. на территории Бийского уезда в логу Терем (Теренг) в верховьях р. Чарыш произошло вооруженное столкновение между полицейскими и алтайцами – последователями религии бурханизма, в ходе которого было убито 3 человека [2, с. 52-53; 3, с. 22]. Периодически сталкивались с вооруженным сопротивлением при задержании лиц, совершавших незаконные порубки, чины лесной стражи [11, с. 32].

Первым нормативным правовым актом советского времени, регулировавшим деятельность правоохранительных органов в этой сфере, стал изданный 1 февраля 1918 г. Советом Народных Комиссаров «Декрет о сдаче оружия», обязывавший все население сдать оружие, включая холодное.

После установления в Горном Алтае советской власти Бийский уездный революционный комитет направил предписание Улалинскому райревкому о командировании «... в Каракорумский уезд для организации милиции начальника штаба 5-го района Бийской Уездной рабоче-крестьянской милиции тов. Курасова». 5 февраля 1920 г. А.Г. Курасов подписал свой первый приказ, который гласил: «Сего числа, согласно назначения Бийского уездного революционного комитета, я вступил в исполнение обязанностей начальника штаба 5-го Каракорумского района Бийской уездной советской рабоче-крестьянской милиции». В тот же день было издано предписание, адресованное «всем волостным ревкомам бывшего Каракорумского уезда». В нем в числе первоочередных задач предписывалось немедленно сдать в штаб района «все оружие военного образа как то трехлинейные винтовки, винчестера, револьвера сист. Браунинг, Маузера, Кольта и Нагана» [8].

23 июля 1927 г. было принято обязательное постановление Ойратского (Горно-Алтайского) исполнительного комитета. В нем перечислялись административные правонарушения, за которые наступала ответственность. В их числе была «стрельба в пределах террито-

рии населенных пунктов из ружей и револьверов всех систем, пугачей, пистолетов и т.д. за исключением тиров и специально отведенных для этого мест» [6, с. 17].

Осложнение криминогенной обстановки в послевоенные годы вызвало необходимость пересмотра организации контроля за оборотом оружия и взрывчатых веществ. В 1960-е гг. Уголовный кодекс РСФСР был дополнен статьями, устанавливавшими уголовную ответственность за нарушение правил хранения, использования, учета, перевозки взрывчатых веществ или пиротехнических изделий, незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, а также их небрежное хранение и хищение.

12 февраля 1969 г. в управлении административной службы милиции МВД СССР был образован 4-й отдел, на который возлагались функции по осуществлению разрешительной работы. В УВД Горно-Алтайской автономной области специализированных подразделений, в функции которых входил контроль за оборотом оружия, создано не было. В горрайорганах ответственные за организацию разрешительной системы назначались из числа оперативных сотрудников уголовного розыска, БХСС, участковых инспекторов милиции, инспекторов по делам несовершеннолетних, сотрудников инспекций исправительных работ и трудоустройства, паспортных столов, изоляторов временного содержания [1, с. 166].

Во взаимодействии со структурами по охране общественного порядка регулярно организовывались мероприятия по предотвращению правонарушений с использованием огнестрельного оружия. Так, в апреле 1970 г. в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина по всем районам области состоялся агитационный мотопробег. В ходе него проводился комплекс профилактических мероприятий: от выявления лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда, самогонщиков и семейных дебоширов до проверок объектов разрешительной системы. По итогам проверок составлялись дневники и рапорта, иллюстрированные фотографиями [6, с. 25].

В то же время в связи с отсутствием штатных сотрудников, отвечающих за контроль за оборотом оружия и боеприпасов, имели место недостатки в организации данного направления работы. Слабо было налажено взаимодействие милицейских служб: участковые инспектора милиции недостаточное внимание уделяли проверкам владельцев оружия и объектов, на которых хранились оружие и боеприпасы, уголовный розыск и БХСС не обеспечивали оперативное прикрытие этих объектов, а вневедомственная охрана медленно приводила в соответствие с требованиями техническую укрепленность помещений для хранения оружия [1, с. 167].

В 1990-1991 гг. был провозглашен суверенитет региона, его статус повышен до автономной социалистической советской республики, затем до социалистической советской республики в составе РСФСР, а впоследствии Российской Федерации. В связи с преобразованием Горно-Алтайской автономной области в Республику Алтай в апреле 1992 г. УВД Горно-Алтайского облисполкома было реорганизовано в Министерство внутренних дел Республики Алтай.

В этот период на территории региона складывалась непростая криминогенная обстановка: значительно возросло количество преступлений, совершенных в общественных местах, а наибольший удельный вес составляли преступления в сфере незаконных обращения и применения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств [4, с. 36,

Создание нового федерального органа исполнительной власти, в ведение которого перешли вопросы лицензионно-разрешительной работы, потребовало решения целого комплекса задач по осуществлению контроля за соблюдением законодательства, связанного с оборотом оружия, и предоставлению государственных услуг в данной сфере.

43], в связи с чем особо актуальным стало совершенствование деятельности по контролю за оборотом оружия.

Датой создания группы лицензионно-разрешительной работы в структуре республиканского МВД является 2 апреля 1993 г. Она была образована в составе отделения организации деятельности участковых инспекторов милиции. Первым сотрудником новой службы стал майор милиции В.И. Вайдуров. В сентябре 2001 г. в результате реорганизации службы милиции общественной безопасности было образовано отделение по лицензионно-разрешительной работе и контролю за частной детективной и охранный деятельностью, которое возглавил майор милиции М.В. Субботин [6, с. 81].

Впоследствии был создан Центр лицензионно-разрешительной работы (далее – ЦЛРР) МВД по Республике Алтай, деятельность которого осуществлялась с учетом преобразований, проходивших в Российской Федерации: внесения изменений в законодательство об оружии, реорганизации милиции в полицию, усиления контроля за оборотом оружия, перехода на электронный документооборот и цифровые технологии.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 подразделения лицензионно-разрешительной работы вошли в структуру вновь образованной Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии). Создание нового федерального органа исполнительной власти, в ведение которого перешли вопросы лицензионно-разрешительной работы, потребовало решения целого комплекса задач по осуществлению контроля за соблюдением законодательства, связанного с оборотом оружия, и предоставлению государственных услуг в данной сфере.

В сентябре 2016 г. был образован ЦЛРР Отдела Росгвардии по Республике Алтай¹. Подразделение возглавил подполковник полиции Е.В. Никулинский. В состав ЦЛРР входят отделения лицензионно-разрешительной работы по Майминскому, Турочакскому, Чойскому, Чемальскому районам (дислокация – с. Майма), по Онгудайскому, Кош-Агачскому, Улаганскому районам (дислокация – с. Онгудай), по Усть-Канскому, Шебалинскому, Усть-Коксинскому районам (дислокация – с. Усть-Кан) [10]. На учете в подразделениях лицензионно-разрешительной работы состоит более 12 тыс. граждан, в пользовании у которых находятся свыше 21 тыс. единиц оружия [9].

В ходе реализации поручения Президента Российской Федерации от 22 июня 2021 г. «О профилактических мерах в сфере оборота оружия» сотрудниками ЦЛРР была проведена полная комплексная проверка владельцев гражданского огнестрельного оружия, проживающих на территории Республики Алтай, а в связи с вступлением в силу 21 сентября 2022 г. Указа Президента Российской Федерации № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» организована работа по приему на временное хранение оружия у граждан, подлежащих мобилизации, для обеспечения его сохранности и во избежание утраты или хищения» [7].

Литература

1. Антропов В.М. Организация лицензионно-разрешительной работы в органах внутренних дел Алтайского края в 1960-1980-е гг. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы шестнадцатой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2018. Ч. 2. С. 166-167.

¹ В июле 2018 г. Отдел Росгвардии по Республике Алтай был реорганизован в Управление.

2. Антропов В.М. Противодействие полиции Томской губернии национальному и религиозному экстремизму в конце XIX – начале XX вв. // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. Томск, 2015. Ч. 65. С. 52-53.
3. Антропов В.М. Роль жандармских учреждений в борьбе с социал-демократическим подпольем на территории Томской губернии в начале XX века (по материалам Барнаульского уезда) // Известия Алтайского государственного университета. Т. 2: Исторические науки и археология. 2015. № 4. С. 20-23.
4. Болва Н.В., Брагина А.Г., Бушмин С.И., Гордеев Р.Н. и др. Состояние преступности за 1997-2005 гг. в Сибирском федеральном округе: аналитический обзор. Красноярск, 2006. 150 с.
5. Исторический очерк Управления Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Алтайскому краю. Барнаул, 2019. 45 с.
6. Милиция Горного Алтая. 85 лет. Горно-Алтайск, 2005. 143 с.
7. Мобилизованные жители Республики Алтай могут сдать оружие на временное хранение в Росгвардию // Сайт газеты «Звезда Алтая». URL: <https://www.zvezdaaltaya.ru/2022/10/mobilizovannye-zhiteli-respubliki-mogut-sdat-oruzhie-na-vremennoe-hranenie-v-rosgvardiju/> (дата обращения: 21.10.2022).
8. Наша история // Официальный сайт Министерства внутренних дел по Республике Алтай. URL: <https://04.мвд.рф/mvd-ra/история-полиции-горного-алтая> (дата обращения: 22.09.2022).
9. Росгвардия всегда на службе // Звезда Алтая. 2021. 13 октября.
10. Сведения о территориальных подразделениях лицензионно-разрешительной работы // Официальный сайт Управления Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Республике Алтай. URL: <https://04.rosguard.gov.ru/Page/Index/svedeniya-o-territorialnyx-podrazdeleniyax-licenzionno-razreshitelnoj-raboty> (дата обращения: 23.09.2022).
11. Тяпкин М.О., Антропов В.М. Формы взаимодействия полиции и лесной стражи при реализации государственной функции по охране лесов во второй половине XIX – начале XX в. (к 300-летию российской полиции) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 3 (40). С. 30-35.

Мануйлов Евгений Владимирович

Барнаульский юридический институт МВД России (г. Барнаул)

✉ *e.manujlov@mail.ru*

РАССЛЕДОВАНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ СОТРУДНИКАМИ ПРОКУРАТУРЫ В ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ (50-60-Е ГОДЫ XX В.)

Прокуратура в данный период, помимо надзорных функций и государственного обвинения в суде, осуществляла расследование уголовных дел. В результате проводимых хрущевских реформ в органах внутренних дел было решено, что следственные действия должны осуществляться лишь работниками прокуратуры [5, с. 120].

При прокуратуре Горно-Алтайской автономной области функционировал следственный отдел. Начальник следственного отдела руководил учебой следователей; организовывал и обобщал работу с общественностью; осуществлял учет и анализ состояния дел по хищениям, растратам; отвечал на сообщения, заявления и жалобы трудящихся; организовывал методическую работу. Прокурор следственного отдела осуществлял надзор за исполнением приказов Генерального прокурора СССР, контролировал соблюдение и качество следствия, изучал и обобщал прекращенные дела следователями и работниками милиции; анализировал состояние преступности и оказывал помощь в раскрытии всех преступлений; вел персональный учет освобожденных лиц из-под стражи [1, л. 68].

Следователи прокуратуры Горно-Алтайской автономной области в 1953 г. улучшили показатели своей работы. Были сокращены сроки расследования уголовных дел. В этом году в срок свыше двух месяцев было расследовано 6,2% дел, тогда как в 1952 г. – 14,5% всех дел. Сократилось число уголовных дел, возвращенных на дополнительное расследование. В 1952 г. было отправлено на дорасследование 8% всех уголовных дел, а в 1953 г. – уже 4,8%. Особенно продуктивно работали народные следователи прокуратур Майминского аймака младший юрист А.М. Мазур и Кош-Агачского аймака С.С. Тюхнеев, который после окончания юридического института в августе 1953 г. пришел в прокуратуру, до конца года уже закончил расследование 14 уголовных дел, из числа которых было возвращено на дорасследование только 1 дело [2, л. 18].

В 1957 г. прокуратурой Усть-Канского аймака Горно-Алтайской автономной области было расследовано 31 уголовное дело. При этом сотрудники прокуратуры оказывали помощь в охране социалистической собственности, указывая на недостатки в торговле и охране магазинов и складов. В основном хищения социалистической собственности преобладали в потребительской кооперации, ввиду того что контроль со стороны бухгалтерского аппарата велся недостаточно. Плохо шла работа по подбору кадров в торговле, что провоцировало правонарушения. Продавец продмага Усть-Канского сельпо Лыкова допустила недостачу товара на 2 тыс. руб., несмотря на то, что представители следственных органов предложили немедленно ее уволить, она была переведена в автомобильный ларек, где опять допустила недостачу, уже более 3 тыс. руб. [3, л. 1, 2].

Прокуратура расследовала дела и в отношении сотрудников органов внутренних дел, нарушивших закон. Превышение милиционерами своих должностных полномочий дискредитировало органы внутренних дел, поскольку связано это было с угрозой для жизни и здо-

ровья советских граждан. Нередки были случаи и несанкционированного использования табельного оружия милиционерами в алкогольном опьянении [6, с. 216].

Серьезные проблемы возникали во время проведения следственных действий и профилактической работы в подростковой среде. Следователи зачастую не выясняли условия жизни и воспитания несовершеннолетнего правонарушителя, что неразрывно связано с изучением его личности, а поэтому они не могут серьезно заниматься предупреждением преступлений вообще и предотвращением последующей преступной деятельности данного подростка в частности.

Алтайские прокуроры возбуждали уголовные дела в отношении работодателей, по чьей вине (нарушение техники безопасности) погибали и получали увечья несовершеннолетние. Проведением прокурорской проверки было установлено нарушение законодательства по охране труда несовершеннолетних при руднике «Веселом», где несовершеннолетние студенты-практиканты Полозов и Самитов (несмотря на запрет выхода на работу лиц, не достигших 18 лет) были допущены к тяжелым работам и зачислены откатчиками, не были обучены безопасным методам труда. 22 марта 1963 г. в шахте, на которой работал несовершеннолетний Самитов, вследствие зависания породы после производственного взрыва произошло осыпание руды, вызвавшее трагедию – погиб юноша. После этого было возбуждено уголовное дело и привлечены к уголовной ответственности начальник участка Чесноков, начальник шахты Поташев, бывший начальник шахты, и.о. главного инженера рудника Савченков, понесли партийную и административную ответственность бывший директор рудника Хабаров, мастер производственного обучения Краев, мастер Усольцев [4, л. 177].

Прокурор следственного отдела осуществлял надзор за исполнением приказов Генерального прокурора СССР, контролировал соблюдение и качество следствия, изучал и обобщал прекращенные дела следователями и работниками милиции.

Таким образом, в 50-60-е годы прошлого столетия в результате реформирования правоохранительного блока следственные органы сохранились лишь в прокуратуре. На контроле у руководства было нарушение срока следствия (2 месяца), возвращение на дорасследование и оправдательные судебные приговоры. Своя специфика была во время расследования хищений социалистической собственности, преступлений, совершенных несовершеннолетними и сотрудниками органов внутренних дел. Немаловажным фактором в деятельности прокуратуры, помимо следственных действий, были и мероприятия профилактического характера.

Литература

1. ГАРА (Государственный архив Республики Алтай). Ф. Р-52. Оп. 3. Д. 22.
2. ГАРА. Ф. Р-52. Оп. 3. Д. 14.
3. ГАРА. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 39.
4. ГАРА. Ф. Р-572. Оп. 1. Д. 2.
5. Суверов С.Е. Следственный аппарат алтайской милиции в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы семнадцатой международной конференции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. Ч. 2. С. 120-121.
6. Суверов Е.В. Правонарушения, совершенные милиционерами в Алтайском крае в 50-е годы XX века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 4. С. 215-218.

Красилов Максим Олегович

ГУ МВД России по Алтайскому краю (г. Барнаул)

✉ *maks_888999@mail.ru*

БОРЬБА СО ЗЛОСТНЫМИ НАРУШИТЕЛЯМИ РЕЖИМА ЗАКЛЮЧЕНИЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1953-1964 ГГ.)

В местах лишения свободы находились заключенные отрицательной направленности, отнесенные к категории бандитско-воровского элемента. Как отмечал заключенный К.Е. Жуков (1954 г.), «честные блатные, урки» подчинялись беспрекословно и неотступно воровскому закону. Высшая власть у них – воровская сходка, где разбирались все инциденты, назревшие вопросы, намечался дальнейший план действий и поведения в связи с обстановкой. Этот неписаный закон гласил: лишь сходка могла вынести соответствующее решение о совершенном поступке «блатного». Некоторые примеры «воровского закона»: карточный долг – долг чести, воры обязаны всемерно поддерживать друг друга в заключении, а также на свободе, они получали власть над остальными заключенными, так называемыми «фраерами», могли забирать из чужих посылок себе самое лучшее и т.д. «Урки» презирали все устои человечества о труде, совести, чести, приличии поведения. У них свои выработанные понятия об этом. Заключение – тюрьма, лагерь – не страшно воровскому контингенту. Сюда они идут как в дом родной. Обучались и совершенствовались игре в карты до виртуозности. В постоянных спорах и доказательствах отрабатывали свою дипломатию. Пытались всячески унижить других осужденных, вплоть до изнасилования мужчин. После этого «отверженные» получали постоянные насмешки и унижение, место под нарами, отдельную дырявую посуду. Мужики (рабы в полном смысле слова) выполняли всю работу за них, исполняя малейшие прихоти: подай, поднеси, удовлетвори, сделай то, другое, подмети, убери [6, л. 74-84об].

Тяжелые санитарно-бытовые условия осужденных в местах лишения свободы на территории Западной Сибири также провоцировали нарушение правил содержания со стороны остальных заключенных. Спецконтингент находился нередко в переполненных помещениях: камерах, бараках или землянках (требовавших капитального ремонта), где приходилось спать на полу, под нарами, в коридоре, рядом с туалетом – так называемой парашей [8, с. 55].

Сложная ситуация в пенитенциарной системе страны сложилась после амнистии 1953 г., в результате чего было освобождено большое количество агентуры, также уменьшилась численность актива, что привело к фактическому распаду бригад содействия. Произошло падение дисциплины среди личного состава колоний и лагерей в связи с сокращением аппарата (связанное с уменьшением численности заключенных), неуверенностью в завтрашнем дне и демобилизационными настроениями [7, л. 131-137].

В исправительно-трудовой колонии (ИТК) № 2 (Алтайский край) заключенные имели при себе наличные деньги, употребляли чифир, пиво и другие алкогольные напитки [1, л. 52]. В нарушение приказов нередко заключенные рецидивисты, неоднократно судимые и отбывающие наказания за тяжкие преступления, находились вместе с осужденными первый раз и за малозначительные преступления, в результате чего основная масса осужден-

ных попадала под влияние матерых уголовников. В ИТК № 3 (Алтайский край) в общей зоне содержалось 333 человек, судимых два и более раз. В июне 1957 г. рецидивом были организованы массовые неповиновения заключенными администрации ИТК № 7. В ИТК № 5 и ИТК № 7 несовершеннолетние заключенные Чумаков, Тороченко и Илюшин под силой угроз и запугивания со стороны рецидивистов использовались для удовлетворения своей половой страсти. В ИТК № 3 неоднократно судимые заключенные Белых и Негодяев вовлекли в карточную игру впервые осужденного заключенного Кузнецова, 1939 г.р., который проиграл значительную сумму и был вынужден пойти на совершение кражи из тюремного ларька совместно с заключенными Мельниковым и Романчуком [2, л. 60, 62].

Особо опасные преступники (как мужчины, так и женщины), противопоставлявшие себя администрации и совершавшие правонарушения в местах лишения свободы на территории Западной Сибири, подвергались судебному преследованию.

На основании Приказа начальника Управления ИТЛК УМВД по Кемеровской области от 27 марта 1954 г. № 27 «О водворении заключенных в тюрьмы» за систематическое нарушение лагерного режима (отказ от работы, игры в карты, хулиганские действия, неподчинение администрации лагеря и надзирательскому составу) были заключены в тюрьмы сроком на 1 год заключенные: Иван Михайлович Высотин, Ольга Николаевна Иванова, Анна Андреевна Калиниченко, Александр Леонтьев Николаев, Римма Егоровна Прокудина, Андрей Федорович Федяев, Виктор Николаевич Чубаров [3, л. 127].

Заключенный В.Н. Фотин, отбывая меру наказания, без причины отказался от выхода на работу. Он отказался последовать в надзирательскую комнату, нанося при этом оскорбления, оказал сопротивление напад на надзирателя «К», ранив бритвой в область затылочной части головы, за что был приговорен 23 мая 1957 г. специальным судом в Томской области на основании ч. 1 ст. 73 УК РСФСР к 10 годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), определив ему первые 2 года отбытие в тюремном режиме [4, л. 108].

В противодействии преступным элементам сотрудники правоохранительных органов иногда не соблюдали социалистическое законодательство, применяли физическое воздействие в отношении спецконтингента.

В начале 1955 г. в тюрьме № 1 города Омска заключенный «К» систематически нарушал тюремный режим, утром 20 января 1955 г. отказался от подъема, оскорбил и.о. дежурного помощника по тюрьме, ударил сапогом по голове старшего надзирателя тюрьмы. После этого инцидента его самовольно вывели в подвальный карцер, где избили [5, л. 19]. Данные методы были запрещены, в большинстве подразделений виновные строго наказывались.

Таким образом, после смерти И.В. Сталина смягчилась государственная карательная политика, но ситуация с нарушением режима содержания в местах лишения свободы, расположенных в Западной Сибири, оставалась сложной. Сплоченный бандитско-воровской контингент продолжал паразитировать на других заключенных, руководствуясь своей идеологией о якобы своей исключительности.

После амнистии 1953 г. ситуация резко ухудшилась в связи с уменьшением агентурного состава и численности надзирателей, постепенно ситуация выравнивалась, но продолжала оставаться сложной. Представители профессионального уголовного мира за совершение преступлений в местах лишения свободы осуждались вторично, переводя на более строгий, тюремный режим. В нарушение существовавших предписаний представители администрации применяли меры физического воздействия к представителям воровского элемента.

Тяжелые санитарно-бытовые условия осужденных в местах лишения свободы на территории Западной Сибири также провоцировали нарушение правил содержания со стороны остальных заключенных.

Литература

1. Архив ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 120.
2. Архив ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 113.
3. Архив ГУ МВД России по Кемеровской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 38. Т. 1.
4. Архив УМВД России по Томской области. Ф. 25. Оп. 10. Д. 17.
5. Архив УМВД России по Омской области. Ф. 12. Оп. 1. Д. 792.
6. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 7523. Оп. 85. Д. 253.
7. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 664.
8. Суверов Е.В. Бытовые условия содержания заключенных в Западной Сибири (50-60-е гг. XX в.) // Государство и право в эпоху глобальных перемен: мат-лы международной научно-практ. конф-ции / под ред. Д.Л. Проказина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022.

Соловьев Сергей Геннадьевич

ГУ МВД России по Новосибирской области (г. Новосибирск)

✉ maestro30rus@inbox.ru

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ КАДРОВ УБОП (КОНЕЦ XX В. – НАЧАЛО XXI В.)

Обращаясь к опыту правоохранительной деятельности прошлого, ученые и практики неустанно ведут поиск путей совершенствования профилактики и борьбы с преступностью. В новых исторических условиях, когда состояние криминогенной обстановки трудно охарактеризовать положительной терминологией, оперативные и силовые методы деятельности органов внутренних дел не только не теряют своей актуальности, но и активно развиваются, становятся предметом многочисленных исследований и дискуссий. Центры по борьбе с экстремизмом, подразделения государственной защиты, а также отряды специального назначения «Гром» в составе управлений по контролю за оборотом наркотиков региональных управлений (главных управлений) внутренних дел являются преемниками службы УБОП, о некоторых аспектах подготовки кадров которой далее пойдет речь.

В 1989 г. на руководство МВД СССР возложили задачу усиления борьбы с организованными преступными сообществами, и с этой целью в структуру Центрального аппарата МВД СССР было введено Управление по борьбе с организованной преступностью. Передовые сотрудники уголовного розыска и подразделений по борьбе с экономической преступностью пополнили ряды новой службы. Организационно-штатное расписание службы по борьбе с организованной преступностью в 1989 г. было представлено 16 отделами, 6 отделениями и более 20 группами. В итоге руководством страны было принято решение о необходимости учреждения самостоятельной службы МВД, в компетенцию которой входило бы пресечение угроз организованных преступных групп. По окончании экспериментальной фазы деятельности УБОП новая служба заработала в полную силу [1, с. 25].

В соответствии с Указом Президента России от 04.04.1992 № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» обязанности в сфере борьбы с коррупционными проявлениями в органах государственной власти в приоритетном порядке были возложены на УБОП. В числе приоритетных направлений указанной деятельности службы по борьбе с организованной преступностью (далее – УБОП) являлось выявление и раскрытие преступлений коррупционной направленности (вымогательство, получение и дача взятки, посредничество при передаче незаконных вознаграждений и т.д.).

В целях обеспечения собственной безопасности часть аппарата УБОП была ориентирована на выявление причастности действующих сотрудников милиции к коррупции, при этом наделялась неограниченными правами в применении к фигурантам возможностей оперативно-розыскной деятельности. В рамках реформы МВД 1990-х гг. борьба с организованной преступностью и коррупционными проявлениями получила развитие в вопросах поимки «оборотней в погонах», что выразилось в учреждении Управления собственной безопасности МВД России [2].

На фоне других подразделений МВД России борьба с криминальными структурами исследуемого периода выделила службу по борьбе с организованной преступностью; ее сотрудники получили широкие полномочия в сфере оперативно-розыскной деятельности.

В числе важных мероприятий федерального центра, способствовавших развитию подразделений по борьбе с организованной преступностью в 1990-х гг., целесообразно назвать: расширение штата службы, увеличение окладов денежного содержания на 20-50%, пересмотр порядка учета стажа работы в зачет выслуги лет (из расчета 3 за 4 месяца). Указанные меры способствовали повышению престижа и развитию службы, служили средством мотивации оперсостава работать с полной отдачей на благо общества [5, с. 118].

Указом Президента РФ от 08.10.1992 № 1189 в связи с необходимостью обеспечения силовой защиты участников оперативных мероприятий в 1992 г. в МВД России были учреждены подразделения специального назначения – отряды милиции специального назначения (ОМСН), позднее переименованные в специальные отряды быстрого реагирования

(СОБР) [3, с. 157]. В 1990-х гг. руководством МВД России был реализован комплекс мер по совершенствованию подготовки сотрудников подразделений милицейского спецназа. Вопросы организации обучения регулярно выносились на обсуждение региональных руководителей органов внутренних дел. Начальникам финансово-экономического и материально-технических управлений МВД России была установлена периодичность докладов о состоянии обеспеченности подразделений специального назначения учебно-материальной базой. Был определен порядок взаимодействия региональных подразделений по вопросам предоставления войсковых учебных полигонов для проведения боевых стрельб, вождения бронетехники, проведения тактических занятий на местности, а также боевого слаживания с подразделениями внутренних войск МВД России.

В образовательные программы учебных заведений МВД России были внесены изменения и дополнения о формах и методах оперативно-розыскной деятельности, сформулированы цели и задачи курсов подготовки оперативного состава милиции с учетом необходимости соблюдения прав и свобод граждан [4, с. 92-93]. Были переработаны программы переподготовки командирского состава в части включения обязательных дополнительных дисциплин: «...психологии, топографии, инженерной подготовки, тактики действий при возникновении чрезвычайных ситуаций»; учреждены курсы по переподготовке специалистов по актуальным направлениям оказания доврачебной помощи и социально-психологической реабилитации сотрудников милиции по возвращении из служебных командировок; установлена периодичность проверок уровня профессиональной подготовки личного состава и определен порядок утверждения базовых подразделений, занимавшихся организацией обмена опытом борьбы с преступностью, участия в контртеррористических операциях [7].

Профильные вузы страны были ориентированы на подготовку специалистов, обеспечивавших борьбу с преступными группировками, особый приоритет отводился подготовке оперуполномоченных по экономическим преступлениям. Задачи по подготовке правоохранительных кадров в сфере экономики выполнялись в том числе с участием Нижегородского юридического института МВД России, впоследствии получившего статус академии. В стенах специализированного ведомственного вуза, чья деятельность неразрывно связана с именами видных отечественных ученых и практиков В.К. Бабаева, В.М. Баранова, впоследствии А.Н. Конева, было налажено взаимодействие между молодыми оперативниками и их будущими работодателями, значительная часть которых регулярно привлекалась в качестве преподавателей-консультантов. Изучение оперативных и уголовных дел прошлых

Главным итогом подготовки кадров УБОП явились результаты борьбы с организованной преступностью в конце XX в. – начале XXI в. Сотни криминальных авторитетов, тысячи бандитов, киллеров и вымогателей, поселивших страх в сердцах рядовых граждан страны в 1990-х гг., получили длительные тюремные сроки.

лет, регулярные стажировки слушателей в практических органах решали задачу сближения теории и практики правоохранительной деятельности в области борьбы с оргпреступностью [3, с. 58].

Сложность процесса нормативного закрепления и адаптации методик подготовки сил специального назначения российской армии, взятых за основу обучения личного состава подразделений спецназа МВД России, разработки и реализации обеспечительных мер, связанных с изысканием правовых, финансовых и материальных ресурсов для повышения качества ведомственного образования новых подразделений, была обусловлена спецификой профессиональных задач милиции. Недостаточная проработанность проблемы организации обучения милицейского спецназа усугублялась осложнением криминогенной обстановки в регионах, основной очаг напряженности которых составляли районные центры и окраины Северного Кавказа. Находясь в прямой зависимости от низких темпов развития средств экипировки, вооружения личного состава, транспортных средств чаще всего по причине недостаточного финансирования, нормативное закрепление организационных основ учебного процесса в отрядах особого и специального назначения милиции произошло значительно позднее, в 2000-х годах.

Отсутствие правовой регламентации в организации тактической подготовки отрицательно сказывалось на эффективности проведения специальных операций по задержанию и уничтожению вооруженных бандформирований. Недавние сотрудники уголовного розыска, отличавшиеся хорошим здоровьем, спортивными разрядами и службой в армии, пополняли ряды новой, на тот момент могущественной организации. Однако недостаточность опыта несения службы в составе боевых групп по задержанию и уничтожению опасных преступников в различной обстановке создавала трудности на пути реализации поставленных руководством страны задач по борьбе с преступностью.

Потребовалось время, прежде чем потенциал сил спецназа позволял говорить о соответствии сил и средств нуждам оперативной обстановки. Сказывалось отсутствие опыта задержания фигурантов в жилых строениях, на транспортных средствах, в общественных местах со значительным скоплением гражданского населения. Ощутимой проблемой реализации указанных задач было отсутствие подготовленных инструкторов-взрывотехников, имевших навыки ведения минно-взрывных работ, а также применения светозвуковых специальных средств и их инженерного (фортификационного) оборудования. Проведение контртеррористической операции на Северном Кавказе выявило потребность в обучении сил специального назначения милиции использованию горной подготовки.

Процесс обучения сотрудников службы по борьбе с организованной преступностью был сложен и противоречив. Вместе с тем главным итогом подготовки кадров УБОП явились результаты борьбы с организованной преступностью в конце XX в. – начале XXI в. Сотни криминальных авторитетов, тысячи бандитов, киллеров и вымогателей, поселивших страх в сердцах рядовых граждан страны в 1990-х гг., получили длительные тюремные сроки. Благодаря самоотверженной работе профессионалов УБОП, противостоявших мощнейшей системе оргпреступности в мире, удалось дать адекватный ответ криминальным вызовам и остановить волну насилия в нашей стране [6]. На современном этапе развития российского государства, в условиях резонансных уголовных процессов, фигурантами которых нередко становятся влиятельные государственные деятели и бизнесмены, в СМИ высказываются идеи о восстановлении подразделений УБОП [8]. На наш взгляд, вопрос является дискуссионным и подлежит дальнейшему изучению учеными и практиками российской правоохранительной деятельности. Вместе с тем неизменно одно, система органов внутренних

дел России на всех этапах развития общества и государственности стояла на страже прав и свобод простых граждан. В то же время реформирование ведомства (образование одних и упразднение других структурных единиц) – это лишь вопрос обеспечения баланса между развитием криминогенной обстановки, с одной стороны, и эффективностью принимаемых мер по борьбе с преступностью – с другой.

Литература

1. Волобуев А.Н. Организованная преступность в СССР // Проблемы борьбы с организованной преступностью: сборник научных трудов. М., 1990.
2. О борьбе с коррупцией в системе государственной службы: Указ Президента России от 04.04.1992 № 361 // Российская газета. 1992. 7 апр. № 80.
3. О мерах по защите прав граждан, охране правопорядка и усилению борьбы с преступностью: Указ Президента РФ от 08.10.1992 № 1189 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1992. № 15. С. 157.
4. Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: Закон России от 13 февраля 1992 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета РФ. 1992. № 17. С. 892-893.
5. Постановление Правительства РФ от 26.11.1992 № 914-63 // Сборник нормативных актов. Омск, 1992.
6. Про УБОП. URL: <http://www.apn-spb.ru/publications/print2445.htm> (дата обращения: 16.10.2022).
7. Текущий архив ГУ МВД России по Новосибирской области.
8. УБОП: почему этих милиционеров боялись даже воры в законе. URL: <http://maxpark.com.turbopages.org/maxpark.com/s/community/8211/content/6678950> (дата обращения: 16.10.2022).

Виноградов Андрей Михайлович

Владивостокский филиал Дальневосточного института МВД России (г. Владивосток)

✉ philosophyworld@inbox.ru

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ: ВНЕДРЕНИЕ НОВЫХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ

Реорганизация органов внутренних дел является одним из направлений политики повышения эффективности государственного управления. В 2000-2001 гг. в ходе реформирования МВД России преобразуются подразделения криминальной милиции (далее – КМ) и милиции общественной безопасности (далее – МОБ), создается федеральная криминальная милиция (далее – ФКМ).

В 2000 г. были образованы федеральные округа (далее – ФО) [6]. Формируются новые окружные подразделения МВД России – комитеты федеральной криминальной милиции по ФО (КФКМ МВД России по ФО) [1, 7]. Правительством страны утверждено структурное построение подразделений криминальной милиции и милиции общественной безопасности [4, 5].

В состав КМ входили федеральная криминальная милиция, КМ в субъектах Российской Федерации, КМ на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, КМ в закрытых административно-территориальных образованиях, на особо важных и режимных объектах.

В начале 2001 г. создаются подразделения ФКМ [2, с. 295], в которые входили подразделения КМ центрального аппарата МВД России, подразделения по борьбе с организованной преступностью, по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий, оперативно-поисковые подразделения, оперативно-технических мероприятий и подразделения собственной безопасности. Создаются органы управления ФКМ – комитеты федеральной криминальной милиции (далее – КФКМ). Региональные КФКМ выполняли функции головных подразделений и непосредственно подчинялись окружным комитетам ФКМ. КФКМ МВД России по ФО выполняли функции головных подразделений в округах. В структурном отношении КФКМ подчинялись головному подразделению ФКМ МВД России.

Начальником комитета ФКМ при МВД России назначается генерал-лейтенант милиции В.В. Гурьев, ранее замещавший должность начальника ГУБЭП. В 2001 г. приказом Министра внутренних дел Российской Федерации № 80 утвержден Устав КФКМ при МВД России. 16 февраля 2001 г. В.В. Гурьевым издан первый приказ, утверждающий Устав Северо-Кавказского оперативного управления КФКМ по ЮФО [8, л. 1-11].

Создаются окружные и региональные комитеты ФКМ [4]. Так, приказами МВД России от 17 февраля № 174-177 утверждены уставы КФКМ по ДФО, по Республике Саха (Якутия), по Приморскому и Хабаровскому краям [9, л. 130-182].

Комитет ФКМ Министерства внутренних дел Российской Федерации по ДФО выполнял функции органа управления и был головным подразделением в системе органов внутренних дел Российской Федерации в ДФО. В своей деятельности непосредственно подчинялся Комитету ФКМ при МВД России. Осуществлял задачи и функции министерства в области борьбы с организованной преступностью, координировал деятельность подразделений ФКМ в ДФО по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий, оперативно-поис-

ковых, оперативно-технических мероприятий и по обеспечению собственной безопасности в целях борьбы с преступлениями [9, л. 130-141].

Комитет ФКМ по Приморскому краю выполнял функции органа управления и был головным подразделением в системе ОВД в Приморском крае, непосредственно подчиненным КФКМ МВД России по ДФО. Реализовывал функции ФКМ на территории Приморского края [9, л. 157-167].

Комитеты ФКМ создавались в организационно-правовой форме государственного учреждения, учреждаемого МВД России. Действовали на основании устава. Структурно состояли из управления, отделов и других подразделений. Руководство комитетов ФКМ было уполномочено создавать, реорганизовывать и ликвидировать подразделения, необходимые для реализации задач ОРД [9, л. 130-182].

Подразделения ФКМ действовали в системе МВД России непродолжительное время. Летом 2001 г. подразделения ФКМ реорганизуются и входят в состав КМ [10, л. 116-161; 11, л. 208-220].

В условиях реформирования государственного управления МВД России внедряет новые виды структурных подразделений, что способствует усилению централизации государственного аппарата.

Окружными подразделениями Министерства по федеральным округам ФО становятся ГУ МВД России по ФО [11]. Приказом Министерства от 4 июля 2001 г. № 634 утверждено Примерное положение о ГУ МВД России по ФО [12, л. 129-141]. Приказом Министерства от 9 августа 2001 г. № 726 утверждено Положение о ГУ МВД России по ДФО и его штатное расписание [10, л. 116-161]. Главные управления по ФО создавались как территориальные подразделения министерства. В своей деятельности непосредственно подчинялись МВД России и действовали на основании положений [12, л. 129-141].

В составе министерства создается служба криминальной милиции (СКМ) и служба общественной безопасности (СОБ) [3]. Проведены организационно-штатные мероприятия по реорганизации подразделений МВД России. Приказом Министра внутренних дел от 31 октября 2001 г. № 955 утверждено Положение о Службе КМ [11, л. 208-220].

Служба КМ входила в состав центрального аппарата Министерства, осуществляла свою деятельность методами и средствами оперативно-розыскной деятельности. Функции милиции обеспечивались посредством организации деятельности подразделений криминальной милиции. Структуру СКМ образовывали подразделения ГУУР, ГУБЭП, ГУБОП, ГУБНОН, ряд других подразделений. Начальник СКМ являлся заместителем министра внутренних дел [11, л. 208-220].

Причины быстрой реорганизации КФКМ требуют своего дальнейшего исследования. Предварительные оценки можно сделать, анализируя задачи КФКМ МВД России по ДФО и ГУ МВД России по ДФО. Задачами КФКМ в основном являлись организация и непосредственное осуществление методами и средствами ОРД борьбы с организованной преступностью, коррупцией, проведение специальных мероприятий, обеспечение собственной безопасности [9, л. 130-141]. ГУ МВД реализовывало больше задач управления, в т.ч. анализ и координацию деятельности региональных ОВД в составе ДФО, их взаимодействие, повышение эффективности их кадрового обеспечения, принятие мер по их правовому обеспечению, а также координация деятельности региональных ОВД по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами и преступными группами межрегионального характера [10, л. 116-161].

Таким образом, следует обратить внимание на то, что реорганизация КФКМ произошла в том числе в целях обеспечения управления подразделениями МВД России по ФО всеми региональными ОВД, а не только подразделениями федеральной криминальной милиции. Основной функцией КФКМ являлась оперативно-розыскная деятельность.

Также необходимо отметить, что КФКМ и ГУ МВД по ФО были первыми подразделениями МВД России по территориально-административным образованиям. Кроме того, комитеты создавались как государственные учреждения и обладали достаточной степенью автономии. ГУ МВД формировались как структурные подразделения МВД России, выполняющие функции министерства на определенной территории, обладали большей степенью централизации, что отвечало положениям Концепции развития органов внутренних дел ОВД, утвержденной приказом Министра внутренних дел Российской Федерации 20 марта 1996 г. № 145 [13, л. 16-36].

Таким образом, в условиях реформирования государственного управления МВД России внедряет новые виды структурных подразделений, что способствует усилению централизации государственного аппарата. Формируется система подразделений федеральной милиции во главе с КФКМ при МВД России. Начинает формироваться система органов внутренних дел, в которой каждый орган является территориальным подразделением (органом) МВД России.

Литература

1. Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 июля 2000 г. № 1415 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3342.
2. История органов внутренних дел: учебник / под ред. Р.С. Мулукаева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академия управления МВД России, 2015. 324 с.
3. О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента РФ от 4 июня 2001 г. № 644.
4. О подразделениях криминальной милиции: постановление Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2000 г. № 925 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 50. Ст. 4904.
5. О подразделениях милиции общественной безопасности: постановление Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2000 г. № 926 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 50. Ст. 4904.
6. О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе: Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 20. Ст. 2112.
7. Об окружных подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2000 г. № 924 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 50. Ст. 4903.
8. Центральный архив МВД России. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1.
9. Центральный архив МВД России. Ф. 163. Оп. 1. Д. 373.
10. Центральный архив МВД России. Ф. 163. Оп. 1. Д. 389.
11. Центральный архив МВД России. Ф. 163. Оп. 1. Д. 397.
12. Центральный архив МВД России. Ф. 163. Оп. 1. Д. 386.
13. Центральный архив МВД России. Ф. 163. Оп. 1. Д. 174.

*Тарасова Людмила Яковлевна, кандидат исторических наук
Барнаульский юридический институт МВД России (г. Барнаул)
✉ Lmila09@mail.ru*

МЕТОДЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

На современном этапе во всех государственных структурах, в т.ч. и в правоохранительных органах, проходит широкое внедрение и использование компьютерной техники.

Информация, которую обрабатывают органы внутренних дел, разнообразная, включает в себя текстовые файлы, изображения, видео и иные формы.

В структуре органов внутренних дел так же, как и в иных государственных органах, актуальной остается задача защиты информации от возможного взлома и несанкционированного завладения, т.к. в настоящее время очень развита относительная доступность изготовления и приобретения средств и систем несанкционированного снятия информации со служебных помещений. Таким образом, перед органами внутренних дел стоит задача по организации технической защиты. Утечка информации происходит в основном по акустическим и виброакустическим каналам. Устранение таких утечек возможно при помощи тех же физических процессов и явлений, которые лежат в основе построения средств и методов несанкционированного снятия информации.

На современном этапе в органах внутренних дел используют два подхода. Первый подход основан на установлении в служебных помещениях так называемых акустических демпферов, еще его называют метод пассивной акустической изоляции. Второй подход включает в себя активное акустическое и виброакустическое зашумление с помощью специальных генераторов низкочастотных (звуковых) шумовых акустических и виброакустических сигналов, которые предназначены для акустического и виброакустического зашумления каналов, через которые происходит утечка информации.

Однако считаем необходимым заметить, что наиболее вероятным остается утечка речевой информации по телефонным линиям связи. Для защиты устанавливаются нейтрализаторы несанкционированно подключаемых устройств на участке «абонентский аппарат – телефонная станция».

В настоящее время для защиты телефонных линий применяются следующие методы:

- блокирование (нейтрализация) устройств несанкционированного снятия за счет снижения отношения сигнал/шум на входе подслушивающего устройства;
- размывание спектра радиопередающего подслушивающего устройства;
- сдвиг рабочей частоты радиопередающего устройства в более высокочастотный диапазон, что приводит к невозможности восприятия и распознавания информационных сигналов приемниками несанкционированных пользователей;
- блокирование акустопуска звукозаписывающей аппаратуры;
- защита телефонного тракта от ВЧ-навязывания;

- осуществление гальванической развязки телефонного аппарата от линии связи за счет оптоэлектронных преобразователей;
- полное подавление устройств несанкционированного снятия специальными генераторами;
- методы скремблирования и шифрования телефонных переговоров [1, с. 65].

Для временной защиты от несанкционированного доступа используется метод аналогового скремблирования, который позволяет преобразовать речевой сигнал таким образом, что на выходе он становится неразборчивым для несанкционированного пользователя. Этот метод относительно прост в техническом применении, и его стоимость относительно низкая.

Описанные нами выше методы защиты информации способны обеспечить надежную защиту информации в органах внутренних дел. Однако защита возможна при всестороннем изучении объекта защиты. Установить, каков имеющийся уровень защищенности, каким путем можно организовать защиту, выявить вероятные пути утечки информации.

Утечки могут быть связаны не только с техническими средствами снятия информации, но и с работой персонала. В работе сотрудников возможна утечка как по халатности, из-за ошибок, так и стать результатом преднамеренных противоправных действий отдельных сотрудников.

Для совершенствования защиты информации предлагаются активные и пассивные методы.

К пассивным методам защиты относятся:

- звуко- и виброизоляция строительных конструкций и инженерных коммуникаций;
- звуко- и вибропоглощение акустических сигналов;
- встраивание во вспомогательные технические средства и системы, обладающие «микрофонным» эффектом и имеющие выход за пределы контролируемой зоны, специальных фильтров и ограничителей сигналов.

К активным методам защиты информации относятся:

- акустическое и виброакустическое зашумление строительных конструкций и инженерных коммуникаций;
- постановка прицельных помех на частотах работы радиозакладных устройств;
- подавление устройств записи акустической информации, беспроводных систем связи и передачи данных.

Таким образом, можно заключить, что обеспечение безопасности передаваемой информации в органах внутренних дел возможно с использованием вышеуказанных методов. Информация, которая требует защиты, включает в себя весь информационный поток, с которым приходится работать сотрудникам органов внутренних дел. С развитием научно-технического прогресса, использованием информационных технологий к обеспечению безопасности информации предъявляются высокие требования, которые необходимо соотносить со спецификой работы органов внутренних дел.

Перед органами внутренних дел стоит задача по организации технической защиты. Утечка информации происходит в основном по акустическим и виброакустическим каналам.

Литература

1. Информационные технологии управления и организация защиты информации. М., 2021. 70 с.

Ильин Илья Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Управление Министерства внутренних дел России по Красногвардейскому району
г. Санкт-Петербурга,
Северо-западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
✉ isilyin@yandex.ru

ПРАКТИКА СИЛОВОГО ПОДАВЛЕНИЯ МАССОВОЙ АКЦИИ КАК МЕРА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДЕМОНСТРАТИВНО- ПРОТЕСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Урегулирование конфликта, вызванного действиями лиц, выступающих против элементов государственного строя, нередко происходит за счет использования правоохранительными органами приемов, способов и средств защиты, предусмотренных действующим законодательством. Совокупность вышеуказанных методов применяется в отношении бунтующих граждан в исключительных случаях тогда, когда достичь иными средствами разрешение данного вида спора не представляется возможным. Применение субъектами полиции крайних мер, выраженных силовым противостоянием, как правило, является защитной реакцией на агрессию толпы, ее импульсивный и агрессивный характер. В то время, когда действия участвующих лиц соответствуют нормативным предписаниям, массовые мероприятия носят санкционированный и мирный характер, сотрудниками, осуществляющими правопорядок, выстраивается одна линия поведения, выраженная в форме диалога.

Следует подчеркнуть, что меры, применяемые представителями силовых структур, являются вынужденными и используются в исключительных случаях. Конституционный Суд РФ в своем определении от 26.11.2018 № 3089 разъяснил о том, что в случае деструктивного поведения участниками массовых мероприятий, выраженного в угрозе общественному порядку и общественной безопасности, государство в целях обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина должно использовать все законные средства. К числу таких допустимых средств относятся принудительные, силовые методы подавления массовых волнений граждан.

В настоящее время среди общественности существуют оживленные дискуссии о том, насколько законно и, главное, целесообразно применять силовые приемы и способы в отношении митингующих лиц, т.к. в результате действий правоохранительных органов хоть и преследуется цель защиты законных прав и интересов граждан, однако нередко причиняется тяжкий, а в иных случаях и особо тяжкий вред такими действиями. Кроме того, представители научного сообщества также высказывают различные точки зрения относительно полицейского принуждения. Большинство авторов позиционируют действия правоохранителей как легитимные и достаточно обоснованные.

С этой точки зрения интерес представляет зарубежный опыт решения данной проблемы. Так, одни авторы считают, что отношение к полицейскому принуждению всегда противоречно и зависит от позиции субъекта оценки [9, с. 28; 10, с. 234-248]: официальные версии оценки насильственного вмешательства полиции в ходе протестных акций, как правило, заключаются в их оправдании как предсказуемых и пропорциональных для защиты обще-

ственного порядка [4, с. 246-268], в то время как критика действий полиции разворачивается по преимуществу «извне», со стороны самих протестующих и весьма часто со стороны общественности, не участвовавшей в массовых акциях [6, с. 1051-1071]. Другие авторы рассуждают о том, что применение силы против демонстрантов, как правило, не воспринимается полицейскими в качестве нелегитимного поведения, оно оценивается как правомерные профессиональные действия по поддержанию общественного порядка, при этом в сознании полицейских либо ответственность за применение силы возлагается на самих протестующих, которые не реагируют на предложения правительственных сил о прекращении массовой акции и сознательно идут на эскалацию конфликта [3, с. 161-191; 2, с. 193-209], либо ответственность перекладывается на плечи вышестоящего полицейского руководства, которое отдает обязательные к исполнению приказы [9, с. 27-35].

Отдельные исследователи считают, что существуют различия в готовности полицейских применять силу, в масштабах и интенсивности применения силы в зависимости от того, насколько полицейские проявляют эмпатию к требованиям протестующих, насколько близки им выдвигаемые участниками массовых акций лозунги; такое различие предполагает неявную дифференциацию «хороших демонстрантов» (т.е. тех, кто протестует за «правое» и «понятное» дело) и «плохих демонстрантов» (т.е. тех, чьи требования неясны или не имеют важного значения) на основе субъективно выстроенной концепции того, что представляет собой законный протест и как он должен осуществляться [5, с. 32]; эмпатия, определяемая как индивидуальная реакция, при которой ситуация или состояние протестующих воспринимается как потенциально сходное с собственным состоянием полицейского, может привести к сомнению в роли насилия и репрессий, тем самым меняя готовность представителя правопорядка вмешиваться с применением силы и принуждения [1, с. 386-414].

Некоторые представители науки высказывают суждения о том, что общественное мнение по отношению к полицейскому принуждению определяется не только поведением самих полицейских, но и общественным восприятием действий протестующих и демонстрантов; и хотя общественность в целом выступает против репрессий полиции во время протестов, деструктивная, опасная или незаконная тактика протеста увеличивает общественную поддержку полицейских действий, в т.ч. и жестких, за счет усиления общественного страха [8].

Несмотря на то что полицейское принуждение регламентировано действующим законодательством и, в частности, закреплено в нормах Основного Закона нашего государства, до сих пор не определены основные детерминанты демонстративно-протестной преступности. На наш взгляд, отсутствие причин и условий совершения бунтарских действий граждан в результате агрессивного выражения волеизъявления не позволяет в полной мере определить круг профилактических мероприятий сотрудников правоохранительных органов, что частично парализует их некоторые рычаги воздействия на бунтующих лиц.

Сотрудники полиции, применяя силовое принуждение в отношении граждан, должны руководствоваться не только Конституцией РФ, Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О полиции», но и законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях».

Рассматривая более детально последний законодательный акт, следует отметить, что он не содержит специальных норм, дающих четкую регламентацию порядка применения силы во время массовых волнений граждан, однако указывает на то, что субъектам, осуществляющим охрану общественного порядка, в случае невыполнения бунтующими гражданами требований о прекращении публичных действий следует осуществлять свою деятельность в соответствии с действующим законодательством. Кроме того, некоторые нормы этого же

закона определяют прекращение публичного мероприятия в случае возникновения массовых беспорядков, погромов, поджогов и других случаев, требующих экстренных действий. Таким образом, силовое принуждение, оказываемое представителями силовых структур в ходе осуществления охраны общественного порядка на массовых мероприятиях, хоть и регламентировано действующим законодательством Российской Федерации, но не во всех нормативно-правовых актах конкретизировано.

Физическое принуждение граждан сотрудниками силовых структур наиболее детально закреплено в ФЗ «О полиции». Нормы данного закона указывают на случаи применения не только физической силы, но и специальных средств, огнестрельного оружия. Несмотря на то что использование вышеуказанных сил и средств является частью профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, необходимо учитывать, что при воздействии данными властью инструментами правоохранители должны наносить только соизмеримый вред гражданам, соответствующий степени общественной опасности, а не

Применение субъектами полиции крайних мер, выраженных силовым противостоянием, как правило, является защитной реакцией на агрессию толпы, ее импульсивный и агрессивный характер.

превышающий ее. Следовательно, сотрудник полиции должен учитывать создавшуюся обстановку, характер массового мероприятия, степень опасности лиц, участвующих в демонстративных акциях и т.д.

Кроме того, помимо соизмеримости причиненного вреда, силовиками должен быть учтен фактор соотносимости применяемых сил и средств обстановке и целям проводимых мероприятий. Таким образом, действия должны носить не только законный и обоснованный характер, но и соответствовать целям и задачам митин-

гующих. Следует обратить внимание на то, что право на применение силы легитимирует «случаями и порядком, предусмотренными федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами». Следовательно, действия представителей силовых структур снова конкретизируются в других законодательных актах.

Таким образом, применение силового принуждения сотрудниками, осуществляющими охрану общественного порядка, в отношении граждан – участников массовых акций является вынужденной и производимой в целях подавления деструктивного поведения указанных лиц мерой.

Как уже отмечалось, в теории криминологии ряд исследователей высказывают положительные суждения относительно использования силовых приемов и способов от массовых нападков. Учеными отмечается, что в случае неприменения их в реальной действительности устранить возникший конфликт возможно путем угрозой применения таких средств со стороны представителей органов власти.

При рассмотрении демонстративно-протестной преступности примечательным является тот факт, что «общий закон», регламентирующий деятельность полиции, ссылается на «специальный», который, в свою очередь, регламентирует порядок проведения публичных мероприятий, и наоборот, «специальный» по кругу ссылается на «общий». На наш взгляд, существующая проблема носит неоднородный характер, т.к., с одной стороны, законодателем предусмотрено регулирование действий правоохранительных органов, с другой стороны, эти действия не имеют конкретной уголовно-правовой регламентации. В частности, отсутствует толкование некоторых понятий, определяющих основания и цели силового принуждения граждан со стороны субъектов правопорядка. К числу таких понятий можно отнести «движение групп граждан», «противодействие законным требованиям», «иные

противоправные действия» и т.д. Кроме того, не менее важными остаются понятия соизмеримости и соотносительности причиненного вреда принудительными силовыми методами [7, с. 33]. Так, при применении физической силы и специальных средств необходимо учитывать характер массового мероприятия, его особенности и противоправность действий его участников. Необходимо разграничивать, что именно в целом пресекается силовыми службами, правонарушение или преступление. Следовательно, сотрудникам правоохранительных органов необходимо в каждом конкретном случае учитывать степень общественной опасности в целях недопущения превышения пределов, установленных законом, полномочий.

Следует отметить, что существующие проблемы в теории криминологии не позволяют в полной мере разработать алгоритм действий сотрудников правопорядка на практике, а следовательно, пресечь не только административные правонарушения, но и преступления. Представляется, что выход из данной ситуации заключается в конкретизации средств, приемов и способов применения принудительной силы сотрудниками полиции и оснований их применения на законодательном уровне. Необходимо внести поправки в ФЗ «О полиции», а также конкретизировать нормы ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», т.к. охрану общественного порядка могут осуществлять не только сотрудники полиции, но и другие представители силовых структур.

Таким образом, в целях обеспечения пропорциональности и соразмерности применяемых силовыми структурами принудительных средств от агрессивного поведения участников массовых акций предлагаем следующее правило: сотрудниками силовых структур приемы и способы с использованием принуждения либо силы могут применяться только в тех случаях, когда массовая акция утратила мирный характер и со стороны участников публичного мероприятия исходит реальная угроза применения насилия либо совершаются конкретные насильственные действия либо действия, связанные с причинением вреда собственности, а также в случаях когда массовая акция переросла или создана реальная угроза ее перерастания в массовые беспорядки (в том виде, как они представлены в ст. 212 УК РФ).

Литература

1. Айзенберг Н., Валиенте К. и Чемпион К. Реагирование, связанное с эмпатией: моральные, социальные корреляции и социализация. 2004. С. 386-414.
2. Бандура А. Моральная отстраненность при совершении бесчеловечных деяний // Обзор личности и социальной психологии. Кембридж: Изд-во Кембриджского университета, 1999. Т. 3. С. 193-209.
3. Ботвин И.В. Тенденции уголовной политики по борьбе с «новыми» угрозами // Государство и право в эпоху глобальных перемен: мат-лы международной научно-практ. конф. (Барнаул, 28-29 июня 2022 г.) / под ред. Д.Л. Проказина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. С. 166-168.
4. Брэдфорд Б., Хук А., Джексон Дж., Робертс Б. Какова цена справедливости, когда на карту поставлена безопасность? // Законность полиции в Южной Африке. Регулирование и управление. 2014. Т. 8. С. 246-268.
5. Галиев Р.С., Ботвин И.В., Алимов А.А. Административно-правовая и уголовно-правовая охрана общественных отношений в сфере участия граждан в охране общественного порядка. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. 44 с.

6. Джексон Дж., Брэдфорд Б., Хаф М., Майхилл А., Куинтон П., Тайлер Т.Р. Почему люди соблюдают закон? // Легитимность и влияние правовых институтов. Британский журнал криминологии. 2012. Т. 52. С. 1051-1071.

7. Защита личности сотрудников органов внутренних дел уголовно-правовыми средствами / А.Ф. Федоров, Р.А. Семенюк, О.В. Ермакова [и др.]. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022. 54 с.

8. Миллер А.Г. Социальная психология добра и зла. Нью-Йорк: Гилфорд Пресс. 542 с.

9. Соарес М., Барбоза М., Матос Р., Мендес С.М. Общественный протест и насилие со стороны полиции: моральное размежевание и его роль в подавлении полицией публичных демонстраций в Португалии // Мир и конфликт: Журнал психологии мира. 2018. Т. 24. № 1. С. 28.

10. Тейлор Р.Б., Уайант Б.Р., Локвуд Б. Переменные связи в рамках воспринимаемой полицейской легитимности? Справедливость и эффективность в разных расах и местах // Исследования в области социальных наук. 2015. Т. 49. С. 234-248.